

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВИИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГИИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XXI.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина.

Книга I (101).

ЯНВАРЬ-ФЕВРАЛЬ.—1910 г.

П. Библио
Извѣстія и
Московское
създа
Объявленіе

МОСКВА.

Тиражъ 1000 экз.
Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пятецковская ул., соб. домъ.

Тиво:

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Философія исторіи Гегеля. В. И. Герье	1
Этика Д. Юма. I. Психологическія предпосылки этики. Н. Д. Виноградова	49
Ученія софистовъ о естественномъ правѣ. П. И. Новгородцева	109
<hr/>	
Понятія права и силы. И. А. Ильина	1
Душевные способности, какъ основныя біологическія функции. А. Ф. Лазурскаго	39
<hr/>	
Критика и библиографія.	
I. Обзоръ книгъ.	
В. И. Герье. Зодчіе и подвижники «Божьяго царства». Часть I. Блаженный Августинъ. Москва 1910. Ц. 3 р. 50 к. XV+682 с. С. Котляревскаго	79
Проф. И. А. Сикорскій. «Начатки психологіи». Съ 20 фи- гурами въ текстѣ. Изд. второе, дополненное. Кіевъ, 1909. Ст. VI+138. Ц. 1 р. 35 к. П. П. Блонскаго	82
Д-ръ Александръ Пфендеръ. «Введеніе въ психологію». Переводъ съ нѣмецкаго I. А. Давыдова. Спб., 1909. Ст. VII+368. Ц. 2 руб. И. Четверикова	85
Dimitri Michaltschew. «Philosophische Studien.» Beiträge zur Kritik des modernen Psychologismus. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. Rehmke. Leipzig. Verlag von Wilhelm Engelmann. 1909. Ст. XV+575. Б. Яковенко	93
II. Библиографическій листокъ.	108
Извѣстія и замѣтки.	
Московское Психологическое Общество. (Отчеты о за- сѣданіяхъ).	
Объявленія.	

Философія історіи Гегеля ¹⁾.

Предлагаемые вамъ здѣсь публичные курсы находятся, несмотря на все разнообразіе своего содержанія, въ тѣсной связи между собой. Всѣ они, касаясь ли отдѣльной исторической эпохи, или отдѣльной области человѣческаго творчества и мысли, имѣють цѣлью выяснить извѣстную сторону или моментъ того необъятнаго мірового явленія, которое мы называемъ исторіей человѣчества.

Но существуетъ ли исторія человѣчества, какъ единый цѣльный процессъ? Какая конечная цѣль этого жизненнаго процесса, совершающагося въ милліонахъ отдѣльныхъ лицъ и безконечномъ рядѣ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній? Совершаются ли событія исторіи въ извѣстномъ порядкѣ, повинуются ли они, подобно явленіямъ природы, извѣстнымъ законамъ и какіе это законы? Въ чемъ заключается творческая причина этого процесса и его движущая сила? Вотъ вопросы, которые не могутъ не возникнуть при всякомъ внимательномъ изученіи исторіи. Они дѣйствительно давно уже начали возникать въ отдѣльныхъ умахъ и приводили къ различнымъ отвѣтамъ; но ихъ стали ставить систематически не слишкомъ давно,—съ конца прошлаго вѣка; съ этихъ поръ они стали составлять философскій элементъ въ изученіи исторіи и обособились въ отдѣльный предметъ научнаго изученія, за которымъ утвердилось названіе *филосо-*

¹⁾ По лекціямъ публичнаго курса, читаннаго въ 1892 г. въ обществѣ съ другими профессорами, какъ продолженіе прекращенныхъ Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Москвѣ.

sophii исторіи. Въ настоящее время всякое изученіе исторіи не полно безъ знакомства съ ея философской стороною, и въ виду этого я рѣшилъ въ нынѣшнемъ году одинъ изъ десяти обычныхъ курсовъ посвятить философіи исторіи.

Философія исторіи не представляетъ собою законченной и твердо установившейся дисциплины, поэтому теоретическое изложеніе ея было бы въ настоящемъ случаѣ не цѣлесообразно, оно неизбежно страдало бы бездоказательностью и отвлеченностью. За то двойной интересъ представляетъ ея историческое изложеніе.

Она образовалась изъ нѣсколькихъ системъ, изъ которыхъ каждая представляетъ собою оригинальную попытку разрѣшить проблему, особый путь проникнуть къ истинѣ. Знакомясь съ отдѣльными системами, мы вмѣстѣ съ тѣмъ освоимся и съ теоретической стороною предмета, съ различными методами, которые возможно примѣнить къ данному предмету. А кромѣ того, каждое изъ этихъ наслоеній въ философіи исторіи отражаетъ на себѣ, подобно геологическимъ періодамъ, угасшую жизнь прошлаго, представляетъ собою осадокъ извѣстнаго міровоззрѣнія, особый моментъ въ культурномъ развитіи европейскаго человѣчества.

Примѣняясь къ рамкамъ, отведеннымъ для публичныхъ курсовъ, я имѣю въ виду изобразить предъ вами три главнѣйшія системы по философіи исторіи, созданныя въ нашемъ вѣкѣ.

Три мыслителя, о воззрѣніяхъ которыхъ будетъ идти рѣчь,—Гегель, Огюсть Контъ и Спенсеръ. Каждая изъ теорій представляетъ собою не только памятникъ личнаго творчества мысли, но и образчикъ, или плодъ извѣстнаго міровоззрѣнія въ примѣненіи къ исторіи. Отличныя между собою по существу эти три системы отличаются и тѣмъ, что творцы ихъ принадлежатъ къ тремъ важнѣйшимъ по своему историческому значенію западно-европейскимъ народамъ и на каждомъ изъ нихъ отразились поэтому и духовныя свойства извѣстной національности. Наконецъ, системы Гегеля, Конта и Спенсера представляютъ собою

три главные метода, проявившіяся въ философіи исторіи,— метафизическій, позитивный и механически-эволюціонный.

Мы начнемъ съ Гегеля, которому принадлежитъ первенство и по времени, и по внутренней логической связи трехъ системъ.

Гегель изложилъ свой взглядъ на философію исторіи въ лекціяхъ, читанныхъ имъ въ 20-хъ годахъ въ берлинскомъ университетѣ и изданныхъ послѣ его смерти его учениками въ 1837 году подъ заглавіемъ: „Чтенія о философіи исторіи“.

Приступая къ философіи исторіи, Гегель требуетъ только одного—признанія, что разумъ управляетъ міромъ и что слѣдовательно ходъ исторіи разуменъ. Это открытіе, какъ онъ замѣчаетъ, было сдѣлано давно, еще греческимъ философомъ Анаксагоромъ, и представляетъ собою такой важный шагъ на пути развитія человѣческаго духа, что, по справедливому отзыву Аристотеля, виновникъ этой мысли являлся среди своихъ современниковъ, какъ трезвый среди опьяненныхъ.

Это простое соображеніе нашего разума, а именно, что разумъ господствуетъ въ мірѣ, по словамъ Гегеля, единственная мысль, которую философія вноситъ въ исторію, какъ предположеніе, для самой философіи вполнѣ удостоенное.

Но что значитъ положеніе, что разумъ господствуетъ въ мірѣ?

Движенія солнечной системы совершаются въ силу непреложныхъ законовъ, познаваемыхъ разумомъ. Можно поэтому сказать, что въ этихъ движеніяхъ заключается разумность, что эти законы солнечной системы, какъ говорить Гегель, составляютъ ея разумъ.

Но не въ этомъ пассивномъ или объективномъ смыслѣ понимаетъ Гегель здѣсь разумъ. Господствующій въ мірѣ разумъ для Гегеля не простой фактъ, раскрываемый при изученіи явленій, а творческое начало, *создающее* самыя явленія. Гегелевскій разумъ есть сущность всего, т.-е., какъ онъ выражается, то, черезъ что и въ чемъ всякая дѣйствительность

существуетъ. Гегелевскій разумъ не какая-нибудь идея, существующая гдѣ-то въ головѣ нѣсколькихъ людей, какъ возможность, неспособная осуществиться; этотъ разумъ не такъ безпомощенъ, чтобы оставаться лишь на степени идеала; это безконечная мощь, имѣющая въ *себѣ* свое безконечное содержаніе, въ которомъ проявляется ея дѣятельность и на которое она налагаетъ свою форму; безконечная мощь эта не нуждается, подобно конечнымъ силамъ, во внѣшнемъ матеріалѣ, который ей служилъ бы предметомъ и почвою для ея дѣятельности; она беретъ все изъ себя и служить себѣ самой матеріаломъ, который она въ себѣ претворяетъ; ей ничто не предшествуетъ, и она сама себя полагаетъ, она служить сама себѣ абсолютною цѣлью и для осуществленія этой цѣли переходитъ въ дѣйствительность и становится явленіемъ. Этотъ-то разумъ, который есть и Творецъ, и твореніе, и первоначальная причина, и конечная цѣль, и матеріалъ, и преобразующая его сила, Гегель называетъ духомъ (Geist), или идеей, раскрывающей въ мірѣ.

Мы коснулись здѣсь того пункта, когда метафизика входитъ въ исторію и должны остановить на немъ наше вниманіе. Философія въ эпоху раціонализма пыталась объяснить міръ, его явленія и законы изъ высшей идеи, доступной человѣческому разуму, изъ идеи Абсолютнаго Бытія. Въ концѣ XVIII в. Кантъ подвергнулъ *критикъ* чистый или отвлеченный разумъ и пришелъ къ выводу, что познанію нашего разума доступно лишь *явленіе*, сущность же явленій остается за предѣлами познанія. Но человѣческая мысль не хотѣла остановиться на грани, поставленной Кантомъ; тѣмъ болѣе, что уже самъ Кантъ указалъ разуму область, въ которой онъ могъ развиваться на просторѣ.

Ограничивъ разумъ въ теоретическомъ отношеніи, Кантъ призналъ за нимъ въ области практической, т. е. за разумною волею, дѣйствующею въ сферѣ нравственной, творческую силу, проникающую за предѣлы эмпирическаго міра. Но еще далѣе пошла философія *идеализма*. Она снова уни-

чтожила грани между абсолютнымъ и конечнымъ, между сущностью и явленіемъ — съ помощью плодотворнѣйшей идеи XIX вѣка, идеи эволюціи или генетическаго развитія.

Въ своей эволюціи абсолютное переходитъ отъ чистаго отвлеченнаго бытія къ конкретному, т.-е. къ своей реализаціи въ конкретномъ мірѣ, и въ человѣкѣ достигаетъ самосознанія. Это высшій моментъ въ міровой эволюціи, моментъ, совмѣщающій въ себѣ первые два — и чистое бытіе и конкретное. Такимъ образомъ отвлеченный разумъ и конкретная природа и сознающій себя въ своемъ творествѣ духъ человѣка сочетаются философіей во едино, какъ послѣдовательные моменты одного общаго эволюціоннаго процесса.

Приведенная формула заключаетъ въ себѣ указаніе на законъ движенія, присущій эволюціи вообще и всякой частной эволюціи. Эволюція отъ отвлеченнаго бытія къ конкретному есть переходъ къ другому, противоположному, а затѣмъ это противоположное переходитъ къ высшему состоянію, въ которомъ примиряется и первое и второе. Законъ всякаго движенія заключаетъ такимъ образомъ въ себѣ три момента и состоитъ изъ перехода къ противоположному, а затѣмъ къ примиренію противоположностей въ высшемъ единствѣ. Этотъ процессъ Гегель называетъ диалектическимъ закономъ; онъ примѣняется къ логикѣ и ко всему конкретному міру, свидѣтельствуя такимъ образомъ о тождествѣ трансцендентальнаго міра, т.-е. метафизическаго съ конкретнымъ. Наглядно проявляется этотъ законъ въ идеи самосознанія. Въ основаніи самосознанія лежитъ представленіе о своемъ я; но это представленіе порождаетъ другое представленіе о томъ, что не я, т.-е. о томъ, что противоположно нашему я, или о мірѣ. Только въ этой противоположности, въ этомъ отрицаніи себя, наше я достигаетъ полнаго представленія о себѣ, возвращается къ себѣ, въ своемъ самосознаніи соединяетъ свое я и не я. Законъ эволюціи слѣдовательно состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ моментовъ: тезисъ, антитезисъ и синтезъ. Но такъ

какъ одно начало проходить черезъ всѣ три момента, то Гегель формулируетъ свой законъ такъ — идея или духъ опредѣляетъ себя или полагаетъ себя, потомъ отрицаетъ свое опредѣленіе и достигаетъ этимъ способомъ высшаго самоопредѣленія.

Съ помощью этой формулы Гегель пытается охватить міръ со всѣми его явлениями въ одинъ общій синтезъ и строить систему наукъ, соотвѣтствующую эволюціи абсолютнаго духа. Моментъ отвлеченнаго бытія составляетъ предметъ логики или онтологіи; второй моментъ—конкретнаго бытія—предметъ натурфилософіи съ ея подраздѣленіемъ: механикой, физикой и органикой, т.-е. наукой органической жизни. Третій моментъ—область сознающаго себя и творческаго духа. Этотъ третій отдѣлъ у Гегеля въ свою очередь распадается на три области: субъективнаго духа, т.-е. психологіи, объективнаго духа, т.-е. проявленіе духа во внѣшней дѣятельности, и абсолютнаго духа. Область объективнаго духа здѣсь въ особенности насъ касается. Объективный духъ выражается въ правѣ, въ нравственности и въ общественномъ союзѣ, составляющемъ синтезъ права и нравственности. Общественный союзъ въ свою очередь проявляется въ формѣ семьи, общества и въ самой совершенной его формѣ—государствѣ. Въ свою очередь жизнь государства проявляется въ его внутреннемъ строѣ (въ государственномъ правѣ), въ его отношеніяхъ къ другимъ государствамъ (международное право) и въ участіи въ историческомъ процессѣ человѣчества (всемирная исторія). Этотъ отдѣлъ составляетъ въ то же время переходъ къ третьей области духа—къ жизни абсолютнаго духа, который выражается въ человѣческомъ творествѣ, въ искусствѣ, въ религіи и въ исторіи философіи.

Мы должны были дать здѣсь этотъ перечень отдѣловъ Гегелевской системы, чтобы указать мѣсто, занимаемое въ ней всеобщую исторію и ея органическую связь съ другими отдѣлами философіи духа. То, что здѣсь представляется сухимъ остовомъ, то разработано Гегелемъ въ цѣ-

ломъ рядѣ спеціальныхъ сочиненій, въ которыхъ проявляется геніальный умъ, орудующій энциклопедическимъ образованіемъ. Слабѣ всего, конечно, тѣ отдѣлы, въ которыхъ преобладаетъ знаніе, наименѣе поддающееся умозрительной конструкціи. Натурфилософія Гегеля, къ тому же основанная на сравнительно скудныхъ данныхъ, представлявшихся философу въ этой области въ началѣ XIX-го вѣка, представляетъ теперь лишь культурно-историческій интересъ. Но остальные отдѣлы системы Гегеля сохранять вѣчное значеніе въ исторіи человѣческаго ума.

Не останавливаясь однако на нихъ, мы можемъ теперь приступить къ болѣе точному объясненію того, какъ разумъ или духъ или, какъ выражается въ иныхъ случаяхъ Гегель, идея раскрывается во всемірной исторіи.

* * *

Духъ является творческимъ началомъ исторіи; онъ дѣлаетъ себя тѣмъ, что онъ есть, онъ продуктъ самого себя онъ становится предметомъ своей собственной дѣятельности (er macht sich zu seinem Werk). Вслѣдствіе этого его въ началѣ еще нѣтъ; онъ существуетъ только въ возможности. Всемірная исторія начинается съ природы, и въ этой природѣ духъ живетъ, какъ внутренняя безсознательная потребность прійти въ себя, сознать себя, т.-е. осуществиться, узрѣть себя реализованнымъ въ конкретной дѣятельности. Все содержаніе всемірной исторіи—das ganze Geschäft—ничто иное, какъ работа духа надъ собою, надъ своею задачею привести себя къ сознанію самого себя.

Такимъ образомъ у Гегеля устанавливается слѣдующее понятіе всемірной исторіи: она есть проявленіе духа (die Auslegung des Geistes) во времени, подобно тому, какъ проявленіе духа въ природѣ (als Natur) обнаруживается въ *пространствѣ*.

Но у духа въ противоположность природѣ существуетъ еще другой признакъ и именно самый существенный. Сущность матеріи состоитъ въ ея тяжести, сущность же

духа—въ свободѣ. Тяжесть матеріи обусловливается притяженіемъ, тѣмъ, что она стремится къ одному центру. Матерія представляетъ собою составное явленіе; она состоитъ изъ частичекъ, которыя стремятся къ единству, т.-е. къ уничтоженію своего частнаго, атомистическаго существованія. Если бы матерія достигла этого единства, она перестала бы быть матеріей, перестала бы существовать. Духъ же напротивъ имѣетъ въ самомъ себѣ свое средоточіе; его единство не внѣ его, а въ немъ самомъ и всегда при немъ. Сущность матеріи находится внѣ ея, духъ же есть существованіе въ самомъ себѣ (*das Bei-sich-selbst-sein.*)

Въ этомъ и заключается свобода. Ибо что имѣетъ отношеніе къ чему-нибудь другому, что не можетъ существовать безъ другого, для него внѣшняго, то зависимо; свободно же только то, что существуетъ въ самомъ себѣ. Это свойство духа быть себѣ присущимъ, т.-е. быть свободнымъ, раскрывается ему въ исторіи. Поэтому всемірная исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы—прогрессъ, который мы должны познать въ его необходимости.

Эта свобода заключаетъ въ себѣ безконечную необходимость придти къ познанію себя, т.-е. къ своей реализаціи въ дѣйствительности. И такъ, конечная цѣль міра—это сознаніе духомъ своей свободы. Во имя этой конечной цѣли совершаются всѣ усилія во всемірной исторіи, ради нея приносились всѣ жертвы въ теченіе вѣковъ на обширномъ алтарѣ земнаго шара. Одна только эта конечная цѣль постоянна въ смѣнѣ событий и состояній, она одна реальна и истинна въ нихъ.

Чтобы объяснить этотъ процессъ развитія духа къ самосознанію во всемірной исторіи, рассмотримъ, по философіи исторіи Гегеля, *средства*, которыми пользуется духъ для достиженія этой цѣли, *формы*, которыя онъ принимаетъ и ступени, въ которыхъ онъ проявляется.

Средства, съ помощію которыхъ духъ достигаетъ своей цѣли, суть потребности, наклонности и страсти людей.

Человѣкъ принимается только за то, что представляетъ для него какой-нибудь интересъ. Во всемъ, что онъ дѣлаетъ, онъ имѣетъ въ виду какую-нибудь особенную, личную цѣль. Какъ бы ни была возвышенна его цѣль или та идея, во имя которой онъ дѣйствуетъ, нужно, чтобы эта идея имѣла для него интересъ, слѣлалась его достояніемъ, нужно, чтобы онъ *усвоилъ* ее прежде, чѣмъ начнетъ дѣйствовать въ ея пользу. И такъ, можно сказать, что въ исторіи дѣйствуютъ только человѣческія страсти и личные интересы людей. Какимъ же образомъ въ этихъ частныхъ цѣляхъ осуществляется общая цѣль и въ безсознательныхъ дѣйствіяхъ людей развивается духъ къ самосознанію? Этотъ вопросъ можетъ быть выраженъ иначе и въ слѣдующей формѣ: какимъ образомъ свободная воля людей, выражающаяся въ ихъ дѣйствіяхъ, согласуется съ необходимостью, съ которою проявляется развитіе духа въ исторіи?

Гегель поясняетъ это слѣдующимъ примѣромъ. Постройка дома представляетъ опредѣленную, замкнутую въ себѣ цѣль. Ей противоположны, какъ средства, матеріалы, нужные для постройки дома—желѣзо, дерево, камень, и стихіи—вода, огонь, воздухъ. Строевой матеріалъ и стихіи должны служить общей цѣли: огонь, чтобы расплавить желѣзо, воздухъ, чтобы раздувать огонь, вода, чтобы распилить дерево и пр. Въ результатѣ выходитъ, что домъ, построенный съ помощью воздуха и воды, служитъ для того, чтобы защищать отъ вѣтра, дождя и пр. Камни и балки повинуются закону притяженія, тѣснятъ другъ друга внизъ, и это даетъ возможность выстроить изъ нихъ твердыя высокія стѣны и своды. И такъ стихіи, употребленныя сообразно съ ихъ природой, даютъ результатъ, которому они сами должны повиноваться. Подобнымъ образомъ человѣческія страсти, ища себѣ удовлетворенія и дѣйствуя сообразно съ своимъ назначеніемъ, воспроизводятъ зданіе человѣческаго общества, въ которомъ они подчиняются идеямъ порядка и права.

Люди, въ частныхъ цѣляхъ которыхъ заключается новый моментъ исторіи, называются историческими людьми.

Обращаясь къ дѣятельности людей въ исторіи, Гегель приводит въ примѣръ Цезаря; онъ подвергался опасности потерять свое высокое положеніе въ государствѣ. Его враги, которые хотѣли вытѣснить его, преслѣдовали личныя цѣли, но они имѣли за себя формальную законность. Цезарь сражался за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами вручила ему власть надъ всею имперіей; но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и древняго міра. Такимъ образомъ личный интересъ Цезаря совпалъ съ историческою необходимостью.

Великіе люди въ исторіи именно тѣ, частныя цѣли которыхъ совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Ихъ можно назвать героями, ибо они почерпаютъ свое призваніе не изъ стараго, освященнаго временемъ, порядка, а изъ источника, который еще не обнаружился, но бьется наружу и разрушаетъ окружающую его оболочку. Они такимъ образомъ черпаютъ какъ будто изъ себя, и новый порядокъ, осуществляемый ими, кажется ихъ собственнымъ, личнымъ дѣломъ. Ихъ можно также назвать практическими людьми, ибо они понимаютъ потребности своего времени. Ихъ оправданіе заключается въ томъ, что они понимаютъ слѣдующій необходимый моментъ исторіи и со всею энергіей предаются осуществленію его. Оттого они передовые люди своего времени; рѣчи и дѣйствія ихъ составляютъ лучшее достояніе этого времени. Они доводятъ до общаго сознанія то, что бессознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Последніе слѣдуютъ за ними какъ за вождями, потому что чувствуютъ неотразимую силу своего собственного духа, который олицетворился предъ ними.

„Судьбу этихъ историческихъ людей,—говоритъ Гегель,—нельзя назвать счастливою. Наслажденіе не дается имъ въ удѣлъ; вся жизнь ихъ заключается въ трудѣ и бываетъ истощаема страстью. Они рано умираютъ, какъ Александръ, или дѣлаются жертвой убійцъ, какъ Цезарь, или ихъ постигаетъ судьба Наполеона“.

Личные интересы тѣхъ людей, съ помощью которыхъ осу-

шествляются историческія идеи, часто остаются неудовлетворенными. Гегель называетъ это уловкою историческаго разума, который заставляетъ работать за себя этихъ людей, бороться другъ съ другомъ и погибать въ этой борьбѣ. Идея отдаетъ дань времени и исторіи не собой, а страстями тѣхъ, которыхъ она употребляетъ, какъ свое орудіе.

И такъ, великіе люди орудіе духа, проявляющагося во всемирной исторіи. Но что творить онъ этими орудіями? Недаромъ сейчасъ поименованные великіе люди, приведенные Гегелемъ, какъ образцы трагической судьбы, представляютъ собою завоевателей и основателей государства. *Государство* есть именно у Гегеля главное дѣло творческаго духа, высшая форма его проявленія въ исторіи. Опредѣленіе государства, объясненіе его значенія одинъ изъ самыхъ блестящихъ плодовъ творческой мысли Гегеля, одна изъ главныхъ его историческихъ заслугъ. Предшествовавшей Гегелю рационализмъ понималъ государство лишь какъ договоръ между гражданами, какъ результатъ частной воли, какъ случайную сдѣлку между независимыми другъ отъ друга людьми подобно акціонерному обществу или артели.

Гегель придалъ понятію государства прочность и нравственную силу и опредѣлилъ его какъ нравственный союзъ, независимый отъ человѣческаго произвола и случайности бытія.

Средствомъ для этого послужила Гегелю, какъ и въ другихъ вопросахъ философіи, его логика—Гегель выводилъ государство не изъ случайной воли индивидуальныхъ лицъ, руководящихъ общимъ житейскимъ интересомъ, и ради охраненія своей жизни, свободы и имущества сгруппировавшихся въ одно политическое тѣло, но изъ основныхъ вѣчныхъ категорій отвлеченнаго разума, изъ необходимыхъ и неотъемлемыхъ опредѣленій человѣческой природы, изъ противоположности безконечнаго и конечнаго, общаго и частнаго, объективнаго и субъективнаго. Государство ни что иное, какъ гармоническое сочетаніе, какъ примиреніе этихъ противоположностей въ высшемъ единствѣ. Государство,

говорить Гегель, есть соединеніе личной субъективной и общей разумной воли и въ этомъ отношеніи оно то нравственное цѣлое, въ которомъ примиряются право и мораль. Въ государствѣ же совершается примиреніе свободы и необходимости. Въ силу того, говоритъ Гегель, что государство, отечество представляетъ общую основу нашего бытія; въ силу того, что въ государствѣ человѣкъ съ своею личною волею подчиняется законамъ, исчезаетъ противоположность между свободою и необходимостью. Разумное, какъ общая основа, необходимо, и если мы признаемъ это разумное начало закономъ для себя, если послѣдуемъ ему какъ основѣ *нашей* воли, мы сохранимъ свободу среди необходимости; въ этомъ случаѣ объективная и субъективная воля будутъ примирены и представлять собою одно единое цѣлое. Поэтому государство есть средство осуществленія свободы и реализація свободы; она его назначеніе и конечная цѣль. Свобода не есть нѣчто непосредственное и природою данное; она должна быть приобрѣтаема и достигаема, а именно посредствомъ непрерывной дисциплины сознанія и воли. Что человѣкъ отъ природы свободенъ—совершенно вѣрно, говоритъ Гегель, имѣя въ виду теорію политическаго рационализма, но совершенно вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что человѣкъ свободенъ по своему логическому опредѣленію, т.-е. только по своему назначенію. Этому назначенія онъ и достигаетъ въ государствѣ и посредствомъ государства. Поэтому исторія государства на землѣ есть процессъ развитія постепенно нарождающейся въ сознаніи человѣчества и осуществляющейся свободы. Восточные народы еще не знаютъ, что духъ или человѣкъ свободенъ, и оттого, что они этого не сознаютъ, они и не свободны. Тамъ только *одинъ* свободенъ; свобода этого лица только произволь, слѣпая страсть, направленіе которой къ добру или злу зависитъ отъ случая. У грековъ зародилось сознаніе свободы, но они, какъ и римляне, признавали только *нѣсколькихъ* свободными и не сознавали, что человѣкъ самъ по себѣ свободенъ. Этому даже и Платонъ,

и Аристотель не знали. Оттого у грековъ были рабы, и жизнь ихъ прекрасной свободы была случайнымъ, недолговѣчнымъ цвѣтомъ. „Только германскіе народы,—говорить Гегель,—пришли въ христіанствѣ къ сознанію, что человекъ какъ человекъ свободенъ, что свобода составляетъ сущность духа. Это сознаніе появилось сначала только въ самой сокровенной области духа—въ религіи; осуществленіе же принципа свободы составляетъ дальнѣйшую задачу человечества, которая потребуеъ много тяжелыхъ и продолжительныхъ усилій. Поэтому можно сказать, что всемірная історія есть прогрессъ въ сознаніи свободы, и познать этотъ прогрессъ въ его необходимомъ развитіи есть задача философіи історіи“.

Какъ однако ни важно государство для философіи історіи Гегеля, не на этой основѣ построено у него опредѣленіе моментовъ всемірно-историческаго прогресса.

Какъ примиреніе общаго и частнаго, объективной воли и субъективной, государство есть нѣчто отвлеченное; но государство есть въ то же время начало конкретное, живущее—оно живетъ въ индивидуумахъ. Государство, говоритъ Гегель, его законы и учрежденія представляютъ собою права гражданъ; его природа, его почва, его горы, воздухъ и вода—это ихъ страна, ихъ отечество, ихъ внѣшнее достояніе; історія этого государства, его подвиги и то, что создано предками, принадлежитъ имъ и живетъ въ ихъ воспоминаніяхъ. Все это ихъ достояніе подобно тому, какъ сами они—достояніе государства, ибо оно составляетъ ихъ сущность, ихъ бытіе. Ихъ представленіе о правѣ имъ осуществляется, и ихъ воля въ томъ, что они хотятъ именно этихъ законовъ и этого отечества. Это взаимное общеніе ихъ представляетъ нѣчто отдѣльно сущее, духъ извѣстнаго народа. Этотъ духъ руководитъ индивидуумами; каждый изъ нихъ сынъ своего народа и въ то же время, вслѣдствіе того, что государство подлѣжитъ процессу развитія—сынъ своего времени; ни одинъ изъ нихъ не остается позади этого времени и еще менѣе можетъ перешагнуть

✓ через него и опередить его. Этотъ духъ народа—духъ каждаго; и въ то же время каждый—представитель этого духа.

И такъ, рядомъ съ государствомъ и надъ нимъ появляется нѣчто иное, его наполняющее и дополняющее.—это народъ, составляющій данное государство. Это понятіе народа и представляетъ собою въ философіи исторіи Гегеля главный моментъ въ процессѣ раскрытія всемірнаго духа во времени. Если государство представляло собою форму проявленія этого духа, то народы являютъ собою его *содержаніе*, раскрывающееся въ историческомъ процессѣ.

Духъ народа есть *опредѣленный* духъ; какъ таковой онъ вливаетъ опредѣленное содержаніе въ общую форму, которую представляетъ государство, даетъ этому государству конкретность и дѣйствительность. Реально существующее государство одушевлено этимъ народнымъ духомъ въ своихъ проявленіяхъ и дѣйствіяхъ—въ войнахъ, учрежденіяхъ и т. п.

Но для опредѣленной, индивидуальной жизни народа недостаточно того, что онъ осуществляетъ себя въ формѣ государства съ его учрежденіями.

(Сущность народнаго духа проявляется въ религіи, искусствѣ и философіи. Народъ такимъ образомъ являетъ собою творческую индивидуальность, которая въ своей сущности представляетъ себя въ религіи—какъ извѣстное божество—и поклоняется себѣ (Гегель имѣетъ въ виду античныя представленія объ Аѳинѣ, Юпитерѣ Капитолійскомъ и т. п.), въ искусствѣ изображаетъ себя въ художественныхъ образахъ, въ философіи познаетъ себя и постигаетъ себя какъ идею. И вслѣдствіе первоначальнаго тождества ихъ сущности, содержанія и предмета, всѣ эти творенія народа въ неразрывномъ единствѣ съ духомъ государства; только съ *этой* религіей можетъ существовать *эта* форма государства точно такъ, какъ въ *этомъ* государствѣ возможна лишь *эта* философія и *это* искусство.

Но, съ другой стороны, этотъ опредѣленный народный духъ лишь *одна* индивидуальность въ *цѣломъ* всемірной исто-

ріи. Ибо всемірная історія єсть изображеніе процесса божественнаго, абсолютнаго духа въ высшихъ формахъ его проявленія, а всѣ эти формы представляютъ собою ступени, проходя по которымъ онъ достигаетъ своего самосознанія. Такія-то ступени представляютъ собою историческіе народы; въ нихъ выражается характеръ ихъ нравственной жизни, ихъ государственнаго устройства, ихъ искусства, религіи и философіи (науки). Создать—реализовать—эти свои ступени, такова безконечная потребность міроваго духа, непреоборимое его стремленіе, ибо ихъ стройнымъ чередованіемъ (Gliederung) во времени обуславливается развитіе его самосознанія.

Всемірная історія и заключаетъ въ себѣ указаніе того, какъ всемірный духъ постоянно приходитъ къ сознанію своей дѣйствительности и къ ея осуществленію; въ немъ сначала, какъ сквозь сумерки, зарождается свѣтъ сознанія, онъ затѣмъ полагаетъ въ себѣ главные свои моменты и въ концѣ процесса приходитъ къ полному сознанію.

* * *

Объяснивъ, въ чемъ заключается по Гегелю развитіе всемірнаго духа въ історіи, рассмотримъ, какимъ способомъ совершается этотъ процессъ, т.-е. смѣна отдѣльныхъ историческихъ народовъ. Такъ какъ процессъ этотъ двойной: конкретный, совершающійся въ смѣнѣ историческихъ явленій, и діалектическій, состоящій въ логическомъ движеніи понятій, то и способъ, по которому онъ совершается, представляетъ двѣ стороны—конкретную и логическую. Нагляднѣе всего конечно Гегель изобразилъ первую сторону.

Во всѣхъ подвигахъ народа, во всѣхъ направленіяхъ его жизненной дѣятельности проявляется конкретный духъ его, который стремится реализовать себя, любитъ собою (Selbstgenuss) и познаетъ себя. Свойство духа вообще есть самопознаніе; поэтому и цѣль историческаго развитія извѣстнаго народа есть сознаніе себя, своей духовной ин-

дивидуальности. Народъ хочетъ познать основу своей жизни и своего быта, разумъ своихъ законовъ, своего права и своей нравственности. Разумѣніе этой своей духовной основы есть высшій пунктъ въ исторической жизни народа, разрѣшеніе его исторической задачи, исполненіе его призванія. Но это завершеніе жизни народа есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начало его гибели, появленіе на его мѣстѣ другого духа, другого историческаго народа, другой эпохи всемірной исторіи. Почему же это такъ? Высшая точка въ развитіи народа, заключается, какъ мы видѣли, въ томъ, что духъ познаетъ общую основу своей дѣятельности; онъ становится такимъ образомъ объектомъ для самого себя, предметомъ анализа для отвлеченнаго разума, который познаетъ его въ его индивидуальности т.-е. односторонности и этимъ открываетъ дорогу другому, болѣе совершенному моменту.

Мысль человѣка есть та сила, которая подтачиваетъ отживающія историческія формы. Когда народъ достигъ своей зрѣлости, когда идея, олицетворенная въ его исторіи, успѣла, такъ сказать, совершенно выясниться, тогда начинается отвлеченная работа мысли. Народъ начинаетъ сознавать идею своей исторіи, она черезъ это какъ бы обособляется въ его сознаніи, становится предметомъ обсуждения. Вслѣдствіе этого въ народной жизни происходитъ раздвоеніе между идеаломъ и дѣйствительностью, разложеніе на реальное и идеальное существованіе. Такъ съ идеальнымъ существованіемъ грековъ мы можемъ познакомиться у Софокла и Аристофана, Фукидида и Платона. Въ этихъ индивидуумахъ духъ греческаго народа достигъ самосознанія. Въ это время мысль стремится къ обобщенію, она подвергается обсужденію все, что было непосредственно дано народною жизнью—вѣру, обычаи, образъ правленія, указываетъ на ихъ недостатки и разрушаетъ довѣріе къ нимъ. Это время распадѣнія цѣлаго, обособленія личностей, развитія эгоизма и тщеславія и удовлетворенія личныхъ потребностей на счетъ цѣлаго. Затѣмъ слѣдуетъ изнеможеніе

силъ, и народъ умираетъ естественной смертью. Онъ при этомъ можетъ продолжать существовать, но это существованіе его безъ потребностей и интересовъ безжизненно и скучно и политически ничтожно. Только такіе народы, которые уже умерли естественной смертью, могутъ потомъ подвергнуться насильственной смерти.

Такимъ образомъ одинъ историческій моментъ смѣняется другимъ, одинъ народъ уступаетъ мѣсто другому.

Общая мысль, которая выступаетъ изъ этого непрерывнаго, „не знающаго покоя“ чередованія индивидуумовъ и народовъ, на время появляющихся и исчезающихъ, есть мысль о томъ, что все мѣняется. Эта мысль въ своемъ отрицательномъ значеніи наглядно представляется намъ въ видѣ разрушенія миновавшаго историческаго величія. Какой путешественникъ не задумывался надъ развалинами Кареагена, Пальмиры, Персеполя и Рима, надъ преходящею судьбой государствъ и людей? Кто не испытывалъ скорби о миновавшей, когда-то могучей и богатой жизни, безкорыстной скорби о гибели блестящаго и образованнаго человѣческаго существованія? Но эта мысль, что все мѣняется, заключаетъ въ себѣ не одинъ только отрицательный моментъ; въ ней коренится идея, что въ этомъ чередованіи, которое приноситъ гибель однимъ, заключаются зачатки новой жизни, что жизнь смѣняется смертью, но изъ смерти возникаетъ новая жизнь.

Эта великая мысль, которую постигли еще восточные народы, знаменуетъ собою высшую истину ихъ философіи. Они выражали ее въ представленіи феникса, который постоянно самъ себѣ приготовляетъ костеръ и сжигаетъ себя, но изъ пепла котораго возникаетъ новая, молодая жизнь. Но это представленіе — восточное, азіатское — не европейское (*abendländisch*). Духъ, разрушая покровы своего существованія, не облекается лишь въ новый покровъ, не ограничивается тѣмъ, что возникаетъ обновленнымъ, помолодѣвшимъ изъ пепла, но выходитъ изъ него преображенный, болѣе совершенный. Онъ правда выступаетъ какъ

бы враждя противъ самого себя, разрушаетъ свое существованіе, но въ этомъ разрушеніи онъ перерабатываетъ себя и его прежняя форма становится матеріаломъ, посредствомъ котораго онъ претворяетъ себя въ форму высшаго развитія.

Этотъ образъ сожигающаго себя феникса весьма характеренъ для философіи исторіи Гегеля, и очень наглядно изображаетъ его основную мысль соединенія обособленныхъ, индивидуальныхъ моментовъ исторіи въ одинъ общій цѣльный процессъ. Въ каждомъ своемъ появленіи фениксъ представляется индивидуальнымъ существованіемъ, а между тѣмъ черезъ всѣ свои возрожденія и самоуничтоженія онъ остается самимъ собою. Такимъ образомъ въ философіи Гегеля каждый историческій народъ существуетъ самъ по себѣ, самъ себя создаетъ и опредѣляетъ, самъ виновникъ своего жизненнаго процесса, процвѣтанія и упадка. А между тѣмъ вся эта череда историческихъ народовъ—одинъ субъектъ, одна жизнь. Это жизнь всемірнаго духа, который создаетъ и уничтожаетъ свои формы. Паденіе и смерть народа повидимому его собственное, личное дѣло, а въ дѣйствительности это дѣло всемірнаго духа.

И такъ какъ духъ для Гегеля, съ одной стороны, конкретный процессъ, съ другой—идея, то его моменты, будучи въ первомъ смыслѣ историческими явленіями, во второмъ могутъ быть поняты, какъ смѣна логическихъ понятій. Въ этомъ смыслѣ Гегель старается понять историческій процессъ, какъ діалектическій. Духъ самъ себя опредѣляетъ, но отъ cadaго частичнаго опредѣленія переходитъ къ противоположному, такимъ образомъ самъ снимаетъ свое опредѣленіе и переходитъ къ другому, болѣе богатому и болѣе духовному опредѣленію, пока не достигаетъ полнаго самосознанія своей свободы и духовности. Въ этомъ смыслѣ Гегель говоритъ, примѣняя конкретные образы къ отвлеченному разсужденію, что духъ стремится достигнуть своего собственнаго понятія, но самъ себѣ его затемняетъ, гордится этимъ отчужденіемъ отъ самого себя и любитъся

имъ (ist stolz und voll von Genuss in dieser Entfremdung seiner selbst), пока не сознаетъ этого своего отчужденія или искаженія самого себя, и, сознавая такъ сказать, свою ошибку, не перейдетъ на высшую ступень своего опредѣленія.

Поэтому Гегель не довольствуется образомъ феникса въ его восточномъ смыслѣ; онъ только служить ему точкой отправленія. Жизнь феникса есть круговращеніе, каждое воплощеніе его имѣетъ одинаковую цѣну. Жизнь же духа въ исторіи есть постепенное развитіе, есть рядъ улучшеній, есть прогрессъ, и отдѣльная смѣна историческихъ народовъ—моменты или ступени этого прогресса.

Понятіе прогресса существовало и до Гегеля, но онъ обогатилъ, вложилъ въ это формальное понятіе конкретное содержаніе.

Рационализмъ XVIII вѣка преобразился у Гегеля подъ вліяніемъ идеи генетическаго развитія, т.-е. историческаго принципа. Подъ вліяніемъ этого принципа преобразилось и рационалистическое представленіе о прогрессѣ. Это понятіе исходило отъ способности и стремленія человѣка къ усовершенствованію, Perfectibilität. Гегель находилъ, что это усовершенствованіе представлялось чѣмъ-то неопредѣленнымъ (какъ понятіе объ измѣнчивости вообще), что въ немъ не было цѣли, не было мѣрила; то болѣе совершенное, которое должно было наступить, являлось чѣмъ-то неизвѣстнымъ.

Въ это неопредѣленное представленіе о совершенствованіи Гегель и влагаетъ свое понятіе о всемірномъ духѣ, который въ этомъ усовершенствованіи приходитъ къ самосознанію. Этому духу всемірная исторія служитъ полемъ дѣятельности, она его достояніе и поприще его реализаціи. Всемірная исторія становится рядомъ ступеней, по которымъ духъ грядетъ къ самопознанію. На первой ступени духъ еще погруженъ въ естество (in die Natürlichkeit), вторая ступень представляетъ его переходъ къ сознанію своей свободы. Но это первое отторженіе отъ конкретности

еще не полное, оно еще имѣетъ отношеніе къ ней и отягощено ею. Третья ступень есть подъемъ этой частичной свободы на степень общаго понятія самосознанія и самодовлѣнія своимъ духовнымъ существомъ.

Эти три ступени: древній востокъ, классическій міръ и европейскій составляютъ основу общаго процесса, но каждая изъ нихъ представляетъ въ своемъ кругу цѣлый процессъ развитія и діалектическій переходъ отдѣльныхъ моментовъ.

Къ этому остается прибавить еще одно, но очень существенное опредѣленіе. Въ ступеняхъ своего развитія съ ихъ подраздѣленіями историческій процессъ представляется чѣмъ-то раздробленнымъ, частичнымъ; отдѣльные народы въ своемъ историческомъ чередованіи представляются исключительными, исключаящими другъ друга моментами въ стремленіи духа. Но не таково это въ дѣйствительности. Въ общепринятомъ представленіи о совершенствованіи, каждая ступень совершенства ведетъ къ слѣдующей высшей, есть такимъ образомъ лишь средство для достиженія этого результата. Въ противоположность этому Гегель устанавливаетъ въ своей философіи исторіи принципъ, что духъ, творящій исторію и раскрывающійся въ ея отдѣльныхъ моментахъ, сознаетъ себя въ *совокупности* этихъ моментовъ и въ своемъ самосознаніи ихъ одинаково въ себѣ вмѣщаетъ. Вслѣдствіе этого для философіи исторіи, какъ бы ни было продолжительно прошлое, ею обозрѣваемое, нѣтъ прошедшаго, для нея все вѣчно въ настоящемъ. Ничто для нея не потеряно въ прошедшемъ, ибо идея этого прошлаго ей присуща, духъ безсмертенъ, т.-е. онъ не миновалъ, и объ немъ нельзя сказать, что онъ еще не насталъ, онъ всегда существуетъ въ настоящемъ. Оттого настоящій моментъ духа заключаетъ въ себѣ всѣ прежніе: они развивались во времени самостоятельно и другъ за другомъ, но въ духѣ они замыкаются въ одинъ цѣльный непрерывный кругъ, и потому моменты, которые духъ видимому оставилъ за собой, ему присущи въ глубинѣ его современнаго сознанія.

Вотъ въ сжатой формѣ теоретическая основа философіи історіи Гегеля, по возможности, отдѣленная отъ ея чисто философской, метафизической подкладки; въ слѣдующей главѣ мы прослѣдимъ ея примѣненіе къ историческимъ фактамъ. Для большей наглядности я подведу ея итогъ въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ: міръ есть эволюція абсолютнаго; высшая стадія этой эволюціи історія человѣчества: въ этой стадіи духъ приходитъ къ самосознанію или, что то-же, къ сознанію своей свободы; форма, въ которой духъ достигаетъ свободы—государство; средства, которыми достигается эта цѣль,—страсти и силы великихъ людей; конкретные же моменты проявленія всемірнаго духа, ступени его эволюціи—историческіе народы, чередующіеся въ своемъ міровомъ призваніи.

II.

Познакомившись съ теоретической основой Гегелевской философіи історіи, рассмотримъ ея примѣненіе къ фактамъ у Гегеля. Міръ, какъ мы видѣли, по опредѣленію Гегеля, есть эволюція; высшая стадія этой эволюціи—історія человѣчества; въ ней духъ приходитъ къ самосознанію. Достигаетъ же онъ этой цѣли въ рядѣ конкретныхъ образовъ, въ которыхъ проявляются моменты или ступени его самосознанія. Такими отдѣльными моментами въ развитіи духа къ самосознанію являются историческіе народы; они поэтому и представляютъ собою главный объектъ философіи історіи.

Изъ этой общей постановки вопроса вытекаютъ двѣ черты философіи історіи Гегеля: историческая эволюція на земномъ шарѣ для него не внѣшній, матеріальный процессъ, а духовный. Духъ, который раскрывается въ історіи въ своемъ самосознаніи есть для Гегеля творческой духъ; онъ субъектъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объектъ; онъ проявляетъ себя одинаково и въ пространствѣ какъ во времени; онъ самъ создаетъ ту конкретную основу, которая ему необходима для выраженія своихъ моментовъ. Это значить,

что тотъ индивидуальный моментъ всемірнаго духа, выразителемъ котораго является всякій историческій народъ, присушь ему не только какъ духовный, но и какъ физическій элементъ его исторіи. Другими словами, что вмѣстѣ съ духовными чертами, составляющими призваніе каждаго историческаго народа, ему даны и физическія условія, составляющія географическую основу его жизни. Отсюда слѣдуетъ, что у Гегеля между страной и характеромъ живущаго въ ней народа существуетъ какая-то напередъ опредѣленная или апріорная связь, какая-то предустановленная гармонія, которая избавляетъ историка отъ эмпирическаго изслѣдованія вліянія географическихъ условій на исторію народовъ.

Поэтому и самъ Гегель ограничивается лишь нѣкоторыми весьма общими замѣчаніями относительно вліянія природы на исторію — какъ-то, что это вліяніе не слѣдуетъ оцѣнивать ни слишкомъ высоко, ни слишкомъ низко и затѣмъ предпосылаетъ своей философіи исторіи лишь небольшое географическое введеніе, которое сводится къ общей, мѣстами весьма рельефной характеристикѣ материковъ и трехъ главныхъ формацій почвы, опредѣляющихъ историческій бытъ народовъ — степного маловоднаго плоскогорья, долины, прорѣзанной большой рѣкой, и морского побережья. Какъ на образчикъ его общихъ, обильныхъ метафорами географическихъ изображеній, укажемъ на описаніе Африки, которая характеризуется Гегелемъ какъ страна всегда замкнутая въ себѣ и обособленная отъ міра, какъ страна золота и дѣтскаго разумѣнія, которая предшествуетъ зарѣ самосознающей себя исторіи и облечена въ темную краску ночи.

Опредѣленіе исторіи какъ процессъ самосознанія творческаго духа суживаетъ еще въ другомъ отношеніи задачу историка, какъ она понимается Гегелемъ. При такомъ опредѣленіи исторія можетъ совершаться только тамъ, гдѣ есть сознательная жизнь, гдѣ народъ сознаетъ, что онъ живетъ и переживаетъ извѣстный историческій процессъ.

Поэтому Гегель утверждает, что философской истории достойно начинать свой обзор лишь там, где разумность вступает в конкретное существование, там где она обрывается не на степени лишь возможности, а уже проявляется в сознательной воле и в действиях.

Не случайно слово история, говорит Гегель, имеет двойной смысл, обозначая то, что случилось, и то, что повествуется о случившемся. Это свидетельствует о том, что историческое повествование или летопись начинается одновременно с историческими действиями и событиями. Следовательно, философия истории ограничивается пределами, засвидетельствованной летописью истории. А отсюда следует, по Гегелю, что периоды распространения языка и образования народностей лежат вне пределов истории. Понятие до-исторического, не подлежащего философии истории, у Гегеля истолковано даже еще шире. Историки, говорит он, связывают то, что быстро пролетает мимо (*flüchtig vorüberauscht*), и складывают это в храм Мнемозины для бессмертия.

Сказания, народные былины и предания, по его мнению, следует исключить из первоначальной истории; все это еще смутные представления, свойственные не пришедшим к сознанию народам. Философия истории имеет дело с народами, которые знали, чем они были и чего желали. История, говорит Гегель, в другом месте, прозаична и мифы еще не заключают в себя историю. Сознание конкретного существования становится возможным лишь с появлением абстрактных определений, и лишь с способностью устанавливать законы возникает возможность понимать действительность, как говорит Гегель, *прозаично*, т.е. не облакая ее в поэтический миф. Вообще Гегель считает до-историческим, следовательно не подлежащим философии истории, все, что предшествует появлению государственных форм.

Исторические народы, составляющие таким образом предмет философии истории, представляют собою три

группы, соотвѣтствующія тремъ извѣстнымъ періодамъ исторіи. Всемирная исторія есть, какъ мы видѣли, прогрессъ въ сознаниі свободы, т. е. воспитаніе субъективной воли къ свободѣ, заключающейся въ гармоническомъ согласіи съ общей волей. Эта цѣль достигается тремя ступенями. Востокъ зналъ и знаетъ только свободу одного, греко-римскій міръ признавалъ ее за немногими, германскій міръ признаетъ всѣхъ свободными. Поэтому первая государственная форма въ исторіи—абсолютизмъ, вторая—аристократія или демократія, третья—*монархія*. Подъ монархіей Гегель разумѣетъ конституціонную монархію, или гармоническое взаимодѣйствіе народа и государя, какъ онъ это подробнѣе развилъ въ своей философіи права.

Всемирная исторія идетъ такимъ образомъ подобно солнцу съ востока на западъ—Европа ея конецъ, въ Азіи ея начало. На востокъ восходитъ солнце, на западѣ его закатъ, но зато здѣсь восходитъ внутренній свѣтъ самосознанія.

✓ Философія исторіи Гегеля начинается поэтому съ характеристики азіатскаго востока. Въ основаніи восточнаго міровоззрѣнія лежитъ пониманіе духа въ его общей субстанціальной формѣ, въ отношеніи къ которой субъективная воля проявляется въ видѣ вѣры, довѣрія, послушанія. Восточныя царства представляютъ собою поэтому роскошное созданіе духа, которымъ присущъ разумъ, но въ которыхъ личности не имѣютъ существеннаго значенія. Они бессознательно вращаются около своего центра, государя, стоящаго во главѣ всего въ видѣ патриархальнаго самодержца, а не въ видѣ деспота въ римскомъ смыслѣ. Онъ осуществляетъ собою разумность и нравственность и издаетъ законы, нужные для ихъ охраненія. Эти законы управляютъ субъективной волей наподобіе внѣшней силы, такъ что въ повиновеніи имъ нѣтъ свободнаго сознательнаго на нихъ согласія. Есть воля, которая приказываетъ, но нѣтъ той, которая исполняетъ по внутреннему понужденію. И какъ слиты во едино внѣшній законъ и внутренняя со-

вѣсть, такъ и религія и государство еще не отдѣлились другъ отъ друга. Государственное устройство въ цѣломъ носить теократическій характеръ, и божеское царство представляется свѣтскимъ царствомъ, какъ не менѣе того и свѣтское царство—божественно.

Такова общая характеристика востока, первой стадіи духа во всемірной історіи. Эта первая стадія развитія въ свою очередь распадается на моменты: развитіе духа проявляется на востокѣ въ четырехъ послѣдовательныхъ фазисахъ или образахъ—Китай, Индія, Персія, Египеть. Послѣдніе два уже служатъ переходомъ къ греческой эпохѣ—Персія въ историческомъ, Египеть въ духовномъ отношеніи.

Гегель начинаетъ съ Китая, какъ древнѣйшаго государства согласно съ традиціями китайцевъ; Китай къ тому же удивительно пригодился философіи Гегеля, какъ исходная точка для историческаго процесса.

Позднѣйшая критика поставила на видъ, что Гегель не принялъ во вниманіе различные факты изъ духовной історіи Китая и изъ современнаго его быта, которые должны были бы измѣнить очеркъ Небесной Имперіи, набросанный Гегелемъ. Нельзя, однако, не признать, что основныя черты китайской цивилизаціи схвачены имъ вѣрно и историческій обликъ китайскаго народа производитъ цѣльное впечатлѣніе. Мы не можемъ входить въ подробности и укажемъ лишь на тѣ черты, которыя Гегель могъ выставить, какъ отраженіе *идеи* въ этомъ фазисѣ ея развитія. Первый моментъ въ развитіи *духа* характеризуется у Гегеля понятіями объективности, субстанціальности, т.-е. господствомъ общаго надъ частнымъ. Это моментъ, когда субъективное сознаніе еще не обособлено, не сознаетъ своей противоположности общему, живетъ общею жизнью со всѣми, т.-е. сознаетъ предъ собою только субстанцію. Эта субстанція представляется человѣку какъ нѣчто вѣчное и неизмѣнное, и онъ поэтому относится къ нему съ полнымъ раболѣпіемъ. Это состояніе духа близкое къ природѣ, ей аналогическое.

Этому моменту и соотвѣтствуетъ въ всемирной исторіи Китай, царство нерушимаго вѣчнаго порядка, царство пространства, не знающее времени, основанное на строгомъ семейномъ бытѣ и на отеческомъ управленіи, которое поддерживаетъ его своими попеченіями, наставленіями и наказаніями. Китай лежитъ, такъ сказать, еще *вънѣ* всемирной исторіи. Субстанція еще не достигла самосознанія и потому не раздробляется на субъекты. Такъ какъ Китаю неизвѣстна противоположность между объективнымъ бытіемъ и субъективною подвижностью, то въ немъ исключена всякая переменѣна, неподвижное преобладаетъ надъ движеніемъ, и Китай съ самаго начала былъ тѣмъ, чѣмъ онъ является теперь. Нравственность въ формѣ субстанціальной, проявляется не въ убѣжденіи личности, а въ деспотической волѣ правителя.

Непосредственное единство субстанціального и индивидуального проявляется въ семьѣ, на которой покоится весь общественный и государственный бытъ Китая, такъ что самое государство представляетъ собою лишь расширенную семью. Китаецъ въ семьѣ всегда остается несовершеннолѣтнимъ; онъ не имѣетъ права заговорить съ отцомъ. Въ такомъ же отношеніи онъ находится и къ главѣ государства, который въ то же время есть глава религіи и науки. Императоръ поэтому средоточіе, вокругъ котораго все вращается; отъ него зависитъ благо страны и народа. Воля его проводится въ жизнь іерархіей мандариновъ, которая функционируетъ равномерно и однообразно, на подобіе неизмѣннаго хода природы; мандаринами руководитъ не совѣсть, не чувство чести, но внѣшній законъ и отвѣтственность предъ нимъ. Тотъ же духъ господствуетъ въ области права. Система наказаній у китайцевъ не знаетъ личной чести. Китаецъ подлежитъ не столько наказанію, сколько исправительной карѣ подобно ребенку, ибо понятіе наказанія включаетъ въ себѣ понятіе вмѣняемости. Не зная вмѣняемости, китайцы не различаютъ между умышленнымъ и невольнымъ дѣйствіемъ и поэтому случайное убій-

ство карается казнью наравнѣ съ злоумышленнымъ. Такъ какъ императоръ олицетворяетъ собою всю духовную мощь, то высшимъ религіознымъ представленіемъ китайцевъ является *небо*, въ смыслѣ небеснаго пространства, такъ что іезуитскіе миссіонеры, не находя у китайцевъ соотвѣтствующаго термина, должны были переводить слово Богъ выраженіемъ Господинъ неба. Поэтому и нравственность китайцевъ состоитъ лишь въ соблюденіи обязанностей безъ всякой этической, внутренней мотивировки ихъ. Поэтому и наука имѣетъ эмпирической характеръ, исключительно заключается въ поискахъ полезнаго въ интересахъ государства и не знаетъ настоящаго научнаго интереса, который придалъ бы ей характеръ теоретическаго занятія.

Слѣдующимъ моментомъ въ развитіи духа въ исторіи является Индія. Такъ какъ духъ въ его метафизическомъ значеніи развивается у Гегеля путемъ перехода каждаго опредѣленія къ его противоположности, то и въ историческомъ процессѣ второй моментъ, Индія, долженъ представлять собою противоположность первому—Китаю.

Подъ этотъ принципъ Гегель и старается подвести главные и характерныя черты политическаго быта, религіи и народнаго духа въ Индіи.

Если Китай представляетъ собою царство прозаическаго разсудка, то Индія страна чудесной фантазіи и нервознаго чувства. Вслѣдствіе преобладанія воображенія, духъ въ Индіи является какъ бы охваченный сновидѣніемъ и въ состояніи бреда (*als träumender*). Въ сновидѣніи личность перестаетъ сознать себя какъ таковую, т.-е. въ своей обособленности отъ окружающаго міра. Наяву окружающій міръ представляется личности, какъ нѣчто внѣшнее, ей чуждое и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ система разумныхъ отношеній, въ которыя включена и наша индивидуальность. Въ сновидѣніи эта твердая грань между личнымъ существованіемъ и всѣмъ остальнымъ исчезаетъ. Въ такомъ сновидѣніи представляется міръ индусу. Но эти сны его не пустыя бредни, не простая игра воображенія, онъ охваченъ ими

какъ реальной силою и отданъ имъ въ жертву какъ своимъ господамъ и богамъ. Поэтому все конечное—солнце, луна, Гангъ, Индъ, звѣри и цвѣты—для него божественно, а съ другой стороны все божественное ему представляется непрочнымъ и непостояннымъ и въ своемъ случайномъ образѣ становится неразумнымъ и оскверненнымъ. Такъ индусъ видитъ воплощеніе божества въ попугаѣ, въ коровѣ, въ обезьянѣ и т. д.

Явленія міра утрачиваютъ свою разумность, свою связь какъ причина и слѣдствіе, а человѣкъ свою личность и свободу.

Такимъ образомъ здѣсь нѣтъ почвы для государства, и въ дѣйствительности въ Индіи нѣтъ настоящаго государства. Если Китай весь ушелъ въ государство (*ganz Staat ist*), то политическій бытъ Индіи знаетъ только народъ, а не государство. Если въ Китаѣ мы встрѣчаемъ нравственный деспотизмъ, то въ Индіи господствуетъ деспотизмъ безъ всякаго принципа, безъ всякаго нравственнаго или религіознаго правила, ибо послѣднія требуютъ свободы воли.

Въ Китаѣ государство было выраженіемъ всепоглощающаго единства, въ которомъ исчезала всякая индивидуальность, и потому всѣ были равны, т.-е. равны въ одинаковомъ подчиненіи. Развитіе слѣдующаго момента приводитъ къ тому, что въ этомъ единствѣ проявляются различія. Такое разчлененіе цѣлаго мы и встрѣчаемъ въ Индіи; но такъ какъ Индія не знаетъ субъективной свободы, то это разчлененіе цѣлаго становится распаденіемъ на самостоятельныя части. Это-то и есть *каста*, каждая изъ которыхъ представляетъ собою замкнутое въ себѣ исключительное цѣлое, въ которомъ коченѣетъ личность, что и обрекаетъ индусскій народъ на самое унижительное поработеніе духа.

У такого народа нельзя поэтому искать и исторіи, и въ этомъ отношеніи всего нагляднѣе выступаетъ различіе между Китаемъ и Индіей. У китайцевъ мы встрѣчаемъ самую тщательную разработку исторіи, и тамъ издавна при-

няты мѣры, чтобы малѣйшее событіе подробно вносилось въ лѣтопись.

Совершенно противоположное мы видимъ въ Индіи. Индусы достигли великой славы въ разработкѣ математическихъ наукъ, грамматики, въ философіи и поэзіи, но исторіи у нихъ нѣтъ. Ибо исторія требуетъ разума, силы ума схватить историческое явленіе какъ нѣчто самостоятельное и въ его разумной связи съ другими. Къ исторіи и прозѣ вообще поэтому способны только народы, достигшіе самосознанія, постигающіе себя какъ особую индивидуальность.

При всей однако своей противоположности Китай и Индія представляютъ собой одинъ *общій* моментъ: обѣ страны принадлежать къ восточной половинѣ Азіи, которая противоположна западной, обращенной къ Европѣ; обѣ народности принадлежать, какъ думалъ Гегель, къ монгольской расѣ въ противоположность къ кавказской въ западной Азіи и Европѣ; обѣ страны стоятъ внѣ общаго историческаго процесса и не имѣютъ поэтому внутренней исторіи и прозябаютъ до нашихъ дней въ ооченѣломъ состояніи. Полный контрастъ по отношенію къ нимъ представляетъ третій моментъ древней исторіи. Этотъ третій моментъ — персидское царство, съ которымъ, какъ говоритъ Гегель, мы впервые вступаемъ въ связанный процессъ исторіи. Персы — первый историческій народъ, Персія — первое царство, вполне принадлежащее прошлому и пережившее цѣлый рядъ переворотовъ и измѣненій, указывающихъ на происходившій въ немъ историческій процессъ.

Подъ Персидскимъ царствомъ Гегель разумѣлъ всю группу народовъ и государствъ, возникшихъ въ передней Азіи и затѣмъ объединенныхъ въ персидской державѣ. Если въ Китаѣ государство, въ Индіи каста, т.-е. общественный строй, то въ Персіи самымъ характернымъ признакомъ для Гегеля служитъ *религія*. Религію персовъ Гегель находитъ въ Зендавестѣ, т.-е. въ томъ собраніи старинныхъ религиозныхъ книгъ на зендскомъ языкѣ, которыя стали извѣстны европейцамъ въ концѣ XVIII вѣка; господствующій народъ,

является у Гегеля олицетвореніемъ всего третьяго момента древней исторіи.

Между Персіей и Индіей нѣтъ внѣшней исторической связи. Переходъ отъ одного момента къ другому существуетъ, какъ говоритъ Гегель, только въ понятіи. Средствомъ для этого перехода служить ему религіозное представленіе индусовъ о Брамѣ. Переводя это понятіе на свой философскій языкъ, Гегель толкуетъ его какъ чистое единство заключенной въ себѣ мысли (*die reine Einheit des Gedankens*). Эта мысль въ своей отвлеченности въ Персіи приходитъ къ самопознанію, становится объектомъ, получаетъ положительное значеніе для человѣка. Въ Китаѣ и Индіи слиты въ оживленномъ единствѣ духъ и природа. Но духу поставлена задача познать себя въ своемъ отличіи отъ природы. Это различіе совершается на почвѣ Персіи, и единый духъ въ отличіи отъ природы познается здѣсь въ понятіи *свѣта*, свѣта не только въ его физическомъ смыслѣ, но какъ начала нравственной чистоты и добра. Этимъ онъ отрѣшается отъ отождествленія съ матеріальнымъ началомъ природы — *das Gebundensein an die beschränkte Natur ist abgethan*. Итакъ, поклоненіе *свѣту* въ физическомъ какъ и въ духовномъ смыслѣ является подъемомъ надъ природою (*Natürlichem*), освобожденіемъ отъ нея; человѣкъ относится къ свѣту, къ добру, какъ къ чему-то объективному, признанному его волею и ставшему предметомъ его поклоненія.

Въ сравненіи съ злополучнымъ погруженіемъ духа въ природу у индусовъ (*Verdampfung*), отъ религіозныхъ представленій персовъ вѣетъ чистымъ дуновеніемъ, дуновеніемъ духа. Персидская религія не идолопоклонство, въ ней не поклоняются отдѣльнымъ явленіямъ природы, но абсолютному (*dem Allgemeinen*) въ образѣ духовнаго начала добра и истины.

Но свѣтъ заключаетъ въ себѣ и свою противоположность, а именно тьму, подобно тому, какъ добру противостоитъ зло. Какъ добро не существовало бы для человѣка, если бы не было зла, и какъ человѣкъ можетъ быть вполне пра-

веденъ только тогда, когда онъ знаетъ въ чемъ состоитъ зло, такъ и свѣтъ не можетъ быть безъ тьмы. Эту противоположность представляютъ собою у персовъ Ормуздъ и Ариманъ. Понятіемъ Ормузда опредѣляется религіозный культъ персовъ. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ въ своей жизни содѣйствовалъ торжеству царства свѣта.

Понятіе свѣта служитъ Гегелю средствомъ для характеристики также политическаго момента въ персидскомъ царствѣ. Свойство свѣта таково, что онъ проявляетъ освѣщаемые имъ предметы. Таково же начало того единства, которое не поглощаетъ единичныхъ явленій, но даетъ имъ возможность развиваться и показать себя въ своей обособленности. Свѣтъ не дѣлаетъ отличій, солнце сіяетъ надъ праведными и неправедными, надъ тѣмъ, что высоко и что низко, всѣмъ оказывая равную благопріятность. Согласно съ этимъ персидское царство заключаетъ въ себѣ всѣ три географическихкихъ момента, существовавшіе прежде особнякомъ: плоскогорье Мидіи и Фарсистана съ ихъ кочевниками, рѣчныя долины Месопотаміи и Нила съ ихъ земледѣльческимъ населеніемъ и морское побережье Финикіи и греческихъ колоній въ Азійи съ ихъ мореплавающимъ, торговымъ населеніемъ. Персидское царство является первымъ царствомъ въ современномъ смыслѣ слова; оно подобно старой нѣмецкой имперіи, или державѣ Наполеона, ибо состоитъ изъ цѣлаго ряда зависимыхъ государствъ, сохранившихъ, однако, свою индивидуальность, свои нравы и законы. Общія законы, которымъ они всѣ подчинены, не служатъ ущербу ихъ особености, напротивъ охраняютъ и поддерживаютъ ихъ. Какъ свѣтъ все освѣщаетъ и всему даетъ свойственную ему жизнь, такъ и персидское господство распространилось надъ многими націями, изъ которыхъ нѣкоторыя даже сохранили своихъ царей, а каждая имѣла свой особый языкъ, свое вооруженіе и бытъ. Все это спокойно существовало озаряемое общимъ свѣтомъ.

Въ этихъ различныхъ народахъ, входившихъ въ составъ Персидскаго царства, Гегель пытается указать дальнѣйшее

развитіе общаго момента, усмотрѣннаго имъ въ началѣ свѣта, которому поклоняются персы. Этотъ моментъ распался на противоположныя представленія: онъ является полнымъ погруженіемъ въ чувственную природу у вавилонянъ и сирянъ; съ другой стороны, въ культѣ Адониса,—какъ зарождающееся сознаніе духа, а у евреевъ какъ чистое отвлеченное начало, противоположное конкретному міру. Всего же подробнѣе останавливается Гегель на Египтѣ, которому онъ приписываетъ назначеніе объединить противорѣчивые элементы. Полное достиженіе этой цѣли, однако, еще не по силамъ египетскому духу, который лишь познаетъ, что ему поставлена такая задача. Эту задачу свою Египетъ не *столько* разрѣшаетъ, сколько *угадываетъ*. Вслѣдствіе такого представленія о своемъ призваніи, египетскій духъ представляется самому себѣ загадкой, и всегда являлся другимъ, какъ и теперь, загадочнымъ.

Поэтому выраженіемъ и символомъ египетскаго духа и всей египетской цивилизаціи является Сфинксъ, загадочный двойственный образъ, полуживотное, получеловѣкъ; человѣческая голова, выступающая изъ звѣринаго тѣла, представляетъ собою духъ, уже отрѣшающій себя отъ природы, начинающій свободнѣе озираться кругомъ, не освобождаясь однако отъ своихъ матеріальныхъ путъ. Такъ и безконечныя созданія строительнаго искусства у египтянъ на половину подъ землею, на половину надъ нею. Вся страна распадается на царство смерти и на царство живыхъ.

При такихъ условіяхъ Египетъ не только всегда производилъ впечатлѣніе чего-то чудеснаго и таинственнаго, но и вызывалъ противоположныя сужденія о себѣ.

Отсюда давній споръ о смыслѣ и значеніи египетской религіи. Стоикъ Херемонъ, посѣтившій Египетъ при Тиберіи, придавалъ ей лишь матеріалистическій смыслъ; неоплатоники же во всемъ усматривали символы духовнаго смысла, а потому возводили египетскую религію на степень чистаго идеализма.

Съ точки зрѣнія противорѣчій и контраста Гегель раз-

сматриваєть картину єгипетской жизни и истолковываетъ ее. Сама історія єгиптянь, по увѣренію Гегеля, полна величайшихъ противорѣчій: міѳическій элементъ смѣшанъ въ ней съ историческимъ, и свѣдѣнія, сообщаемыя о ней, въ высшей степени разнорѣчивы.

Величайшій контрастъ, насильственное совмѣщеніе противоположностей представляется намъ въ религіи. [Е]гиптяне, по свидѣтельству Геродота, первые высказали идею, что душа человѣка безсмертна, это значить, что они постигли особенность духа, его противоположность природѣ. И тѣ же єгиптяне обоготворяли животныхъ, т.-е. ихъ смутному самосознанію была закрыта мысль о свободѣ человѣка, и они поклонялись душѣ, замкнутой въ безсознательности животной жизни. Поклоненіе животнымъ дошло у нихъ до тупого, безчеловѣчнаго суевѣрія, такъ что они казнили людей даже за неумышленное убіеніе животныхъ. Но, съ другой стороны, это было не бессмысленное обоготвореніе самихъ животныхъ. Образъ животного служилъ имъ символомъ, въ животномъ мірѣ они прозрѣвали внутреннюю непостижимую идею жизни. Они не остановились на непосредственномъ созерцаніи природы; сквозь это созерцаніе сквозить чаяніе, что природа имѣеть иной сокровенный смыслъ.

Такое же противорѣчіе и во всѣхъ другихъ проявленіяхъ духа єгипетскаго народа: съ одной стороны, большая трезвость и разумность, проявляющаяся въ государственныхъ учрежденіяхъ, въ судѣ и до мелочей развитомъ управленіи, въ умѣнніи пользоваться естественными условіями страны для земледѣлія и искуснаго орошенія, въ астрономическихъ наблюденіяхъ и въ календарѣ; но этотъ спокойный, полицейски урегулированный порядокъ не китайскій застой; въ немъ проявляется безпокойная тревога духа, пробивающагося изъ своихъ оковъ, относящагося къ жизни какъ къ своему матеріалу и стремящагося пересоздать ее и объективироваться въ ней, т.-е. проявить свое творчество.

Это стремленіе мощнаго єгипетскаго духа выработать

себя изъ матеріи, придти къ наружному, наглядному созерцанію себя породило египетское искусство. Вотъ почему египетскій духъ олицетворился въ исторіи какъ великій строитель. Онъ возводитъ свои громадныя постройки не для роскоши, не для забавы и развлеченія, но поддаваясь смутному влеченію познать себя въ своемъ творчествѣ. У него нѣтъ еще другого средства и матеріала, чтобы придти въ себя, чтобы осуществить и реализовать себя, какъ это проникновеніе (Hineinarbeiten) въ камень, и его начертанія на камнѣ—загадочный символъ, іероглифъ. Итакъ, основной принципъ египетской жизни въ томъ, что два ея элемента— духъ, погруженный въ природу, и стремленіе къ освобожденію отъ нея, сомкнуты въ противоборствѣ. Отсюда, съ одной стороны, эта матеріальность, дикая чувственность и африканская жестокость, поклоненіе животнымъ, упоеніе жизнью, съ другой—при разумной организаціи дѣйствительности, броженіе духа, выбивающагося изъ матеріи, смѣлое, грандіозное и чудовищное творчество. Но чело этого духа какъ бы еще охвачено желѣзнымъ обручемъ, такъ что онъ еще не можетъ придти къ свободному самосознанію своего существа въ сферѣ мысли, но лишь постигаетъ это какъ задачу и сознаетъ себя какъ загадку для себя.

Самый переходъ съ Востока на Западъ, изъ Египта въ Грецію, Гегель изображаетъ символически: въ святилищѣ Саиса находилась богиня Нейта, закутанная покрываломъ статуя съ знаменитою надписью: „Я то, что есть, что было и что будетъ, никто не поднималъ моего покрывала“. По свидѣтельству Прокла, надпись включала еще слова: „Плодь мною рожденный, Геліосъ“. Въ Геліосѣ-Аполлонѣ Гегель видитъ разрѣшеніе задачи, возложенной на Египетъ, плоды его исторической работы. „То, что само въ себѣ ясно, т.-е. духъ, это есть сынъ ночной, покрытой богини. Въ египетской Нейтѣ истина еще замкнута: ея разрѣшеніе—греческій Аполлонъ и его изрѣченіе: „человѣкъ, познай себя“. Здѣсь разумѣется не познаніе человѣка съ его слабостями

и недостатками, но имѣется въ виду, что человѣкъ вообще долженъ познать самого себя.

Удивительно гармонируетъ съ этимъ греческое преданіе о томъ, что Сфинксъ, этотъ образъ Египта, явился въ Оивы, и когда Эдипъ разгадалъ загадку, которую Сфинксъ задавалъ прохожимъ, угадалъ, что смыслъ его загадки—человѣкъ, чудовище со скалы низвергло въ бездну. Разрѣшеніе и освобожденіе восточнаго духа, понявшаго въ Египтѣ, что ему поставлена задача, заключается въ сознаніи, что сокровенное начало природы есть мысль или духъ, осуществляющійся въ человѣческомъ самосознаніи.

Рядомъ съ этимъ внутреннимъ, совершающимся въ *понятіи* переходомъ отъ Египта къ Греціи, существуетъ еще другой, наглядный. Египетъ сталъ провинціей Персидскаго царства, и историческій переходъ совершился посредствомъ столкновенія этого царства съ Греціей и его пораженія. Здѣсь впервые совершается историческій переходъ, т.-е. переходъ отъ стараго къ новому и разрушеніе стараго. Отъ персидскаго царства, которое погибаетъ, владычество и историческое руководство переходить къ грекамъ, и такой процессъ затѣмъ снова повторяется.

* * *

Такимъ образомъ, духъ всемірной історіи вступаетъ въ новый моментъ своего развитія на почвѣ Греціи. Здѣсь, въ Греціи, совершается возрожденіе духа, и мы тотчасъ чувствуемъ подъ собою родную почву. Здѣсь впервые созрѣвшій духъ познаетъ себя предметомъ своего познанія и своей воли, такъ что государство, семья, право, религія становятся индивидуальными цѣлями, т.-е. не субстанціей, подавляющей индивидуумъ, какъ прежде извнѣ данной, но такъ, что человѣкъ посредствомъ ихъ осуществляетъ свою индивидуальность. Поэтому Греція знаменуетъ собою моментъ свободной индивидуальности, *der freien Individualität*, т.-е. моментъ, когда духъ свободно творить для себя и по своему

почину то, что составляет необходимое содержаніе все мірно-историческаго процесса.

Гегель удачно сравниваетъ этотъ моментъ въ исторіи съ юношескимъ возрастомъ въ человѣческой жизни, съ тѣмъ возрастомъ, когда человѣку жизнь еще не представляется какъ неустанная работа, какъ служеніе какой-нибудь ограниченной, разсудочной цѣли, но какъ свободное созданіе идейнаго творчества. Согласно съ этимъ, символомъ Греціи является у Гегеля „образъ героическаго юноши“. Вся жизнь греческаго народа—юношескій подвигъ; она вся олицетворяется въ двухъ юношахъ; начинается ее поэтической юноша, Ахиллесъ, самый красивый образъ, созданный греческимъ представленіемъ, сынъ поэзіи; ее заканчиваетъ историческій юноша—Александръ Великій. Оба знаменуютъ собою борьбу съ Азіей. Ахиллесъ является главнымъ богатыремъ въ національномъ предпріятіи грековъ противъ Трои. Александръ самая свободная и прекрасная индивидуальность, созданная когда-либо дѣйствительностью, становится во главѣ Греціи въ полномъ расцвѣтѣ ея жизни и завершаетъ ее мечь по отношенію къ Азіи. Исторію Греціи Гегель раздѣляетъ на три эпохи: періодъ роста, когда духъ греческаго народа слагается изъ разнородныхъ элементовъ, періодъ цвѣтенія, побѣды и торжества и періодъ раздора и увяданія. Подъ элементами Гегель разумѣетъ географическія условія страны, море и его вліяніе, и вообще разнообразныя впечатлѣнія, производимыя природою на духъ греческаго народа; съ другой стороны, различныя сѣмена культуры, внесенныя въ Грецію колонистами и чужестранцами. Греческое образованіе сложилось, такимъ образомъ, изъ двухъ источниковъ національнаго и иноземнаго, *aus sich und aus fremder Anregung*, и объединеніе этой двойственности было творческимъ дѣломъ героическаго періода или средневѣковья Греціи.

Плодомъ этого періода является новое опредѣленіе греческаго духа. Греческій духъ стоитъ на срединѣ между полной пассивностью человѣка на Востокѣ и полной субъективностью или отвлеченнымъ идеализмомъ, когда человѣкъ

творить нормы дѣйствительности изъ своего я. Греческій духъ нуждается еще въ импульсѣ, Anregung, извнѣ—это значитъ что онъ не безусловно свободенъ; онъ исходитъ отъ природы и пересоздаетъ природу для выраженія своего я. Это и есть моментъ художественнаго творчества.

Греческій духъ—художникъ, претворяющій камень въ пластическое произведеніе. При такомъ пересозданіи камень перестаетъ быть простымъ камнемъ и противно своей природѣ служить выраженіемъ духовнаго момента; съ другой стороны, художникъ нуждается въ камнѣ для своего духовнаго творчества, нуждается въ краскахъ, въ чувственныхъ формахъ, безъ нихъ онъ не можетъ выразить своей идеи, ибо онъ не можетъ познать своей идеи въ формѣ отвлеченной мысли (ein Denken).

Такимъ образомъ греческій духъ является въ исторіи не только принципомъ свободной, но и прекрасной, художественной индивидуальности. Проявленіе ея Гегель разсматриваетъ въ трехъ видахъ, которые онъ называетъ формами субъективнаго, объективнаго и политическаго искусства. Подъ субъективнымъ искусствомъ Гегель разумѣетъ стремленіе грековъ развить свое тѣло въ гимнастическихъ играхъ въ художественное произведеніе (Kunstwerk). Это начало греческаго искусства; греки претворили себя въ художественный образъ, прежде чѣмъ стали творить его въ мраморѣ и въ живописи.

Объективное искусство проявилось въ греческой религіи въ образахъ греческихъ боговъ. Греческій богъ не абсолютный, свободный духъ, онъ облеченъ въ образъ человѣческой ограниченности и является опредѣленнымъ индивидуумомъ, зависимымъ отъ извѣстныхъ внѣшнихъ условий. Боги Греціи не аллегоріи, а художественныя индивидуальности; исходной почвой ихъ служитъ природа, но она побѣждена духомъ; это подчиненіе природы духу выражено въ греческой миеологіи въ миеѣ о борьбѣ олимпійскихъ боговъ съ титанами и низверженіи послѣднихъ. Титаны—это силы природы, которыя лишаются владычества. Но и побѣ-

дители сохраняют известное отношеніе къ силамъ природы: Зевсъ—обладатель молніи; Посейдонъ сохраняетъ въ себѣ бурную, дикую природу моря, но онъ въ тоже время нравственный образъ, онъ строитель городскихъ стѣнъ и творецъ коня. Геліосъ, обозначающій солнце, какъ силу природы, преобразился въ Аполлона; въ Аполлонѣ олицетворяется идея свѣта уже какъ нравственная, духовная сила; онъ прорицаетъ и все прозрѣваетъ, онъ исцѣляетъ и можетъ губить своими стрѣлами, онъ очищаетъ отъ преступленія и примиряетъ виновнаго съ Евменидами, богинями справедливой мести.

Обѣ стороны, субъективная и объективная, соединяются въ одно въ политическомъ художествѣ, т.-е. въ греческомъ государствѣ. Въ греческихъ государствахъ индивидуумъ свободенъ, но это еще не отвлеченная свобода; индивидуумъ свободенъ не какъ челоуѣкъ вообще, а какъ гражданинъ даннаго государства. Въ греческихъ государствахъ общее и индивидуальное представляются въ конкретной гармоніи. Государство существуетъ въ гражданахъ, въ ихъ индивидуальной волѣ и дѣятельности, но съ другой стороны, и этимъ гражданамъ государство, т.-е. законъ и общій интересъ, представляется какъ нѣчто извнѣ данное, освященное обычаемъ т.-е. какъ нѣчто конкретное; политической нравственности въ точномъ смыслѣ слова, основанной на убѣжденіи и внутреннемъ согласіи, греки въ эпоху процвѣтанія не знали. Греки въ государственной жизни достигли гармоніи, т.-е. красоты, но не поднялись до *истины*. Но на этой точкѣ прекрасной, духовной гармоніи духъ не могъ долго устоять; лучшій расцвѣтъ греческой жизни продолжался лишь около 60 лѣтъ, отъ начала персидскихъ войнъ до пелопонезской. Источникомъ паденія, т.-е. дальнѣйшаго развитія, былъ элементъ субъективности и морали.

Въ области религіи художественные образы боговъ были разрушены размышленіемъ надъ божественнымъ; государство было разрушено страстями и личнымъ произволомъ.

Разрушеніе началось съ софистовъ, утверждавшихъ, что

„человѣкъ мѣрило всему“; подь этимъ они разумѣли случайнаго человѣка съ его случайными потребностями и взглядами. Другимъ источникомъ разрушенія было развитіе нравственнаго принципа. Великимъ учителемъ нравственности, изобрѣтателемъ ея, былъ Сократъ. Нравственнымъ является не тотъ человѣкъ, который въ наивности поступалъ законно и праведно, но тотъ, кто сознаетъ нравственные мотивы своего образа дѣйствія.

Къ такому нравственному образу дѣйствія Сократъ и желалъ привести грековъ; но, желая вывести нравственность изъ совѣсти, онъ противопоставилъ нравственную личность отечественному обычаю.

Между конкретнымъ міромъ государства съ его религіей, закономъ и обычаемъ, и субъективнымъ міромъ личности открылась пропасть. Многіе граждане отказались отъ участія въ политической жизни, чтобы жить въ своемъ идеальномъ мірѣ, другіе увидали въ политикѣ орудіе для удовлетворенія личныхъ страстей и цѣлей. Все обратилось въ раздоръ и разладъ. Противъ этого партикуляризма страстей, подтачивавшихъ и доброе и дурное, поднялась роковая желѣзная сила, обнаружившая жалкое безвыходное состояніе Греціи. Этимъ разрушительнымъ *рокомъ* были римляне.

Римъ является въ історіи подобно фатуму въ древней трагедіи, какъ непреоборимая сила обстоятельствъ, предъ которой приходится преклониться личности. Такъ, сокрушая все передъ собою, выступаетъ этотъ Римъ, предназначенный къ тому, чтобы свергнуть въ оковы индивидуумы и народы, собрать всѣхъ боговъ въ пантеонѣ всемірной державы и установить надо всѣмъ господство отвлеченнаго единства (*ein abstract Allgemeines*). Эту цѣль римляне преслѣдуютъ съ бездушною и безсердечною жестокостію—всеобщее владычество для того, чтобы доставить торжество этому отвлеченному единству.

Гегель раздѣляетъ римскую історію на три періода, руководясь ходомъ всемірной історіи. Судьба всякаго всемірно-историческаго народа, говоритъ онъ, распадалась

на три отдѣла, и этотъ пріемъ долженъ и здѣсь оправдаться. Первый періодъ обнимаетъ зачатки Рима, когда въ немъ возникаютъ контрасты; во второмъ періодѣ Римъ выступаетъ на всемірно-историческое поприще, это лучшее время Рима—пуническія войны и столкновение съ предшествовавшимъ историческимъ народомъ. Въ третьемъ періодѣ римская держава достигаетъ той обширности предѣловъ, которая подготавливаетъ ея паденіе; контрасты внутри ея доходятъ до полного нестерпимаго противорѣчія.

Опираясь на римское преданіе объ основаніи Рима Ромуломъ съ помощью пришлаго, сброднаго и разбойничьяго населенія, Гегель выходитъ изъ положенія, что Римъ уже (von Hause aus) по своему происхожденію представлялъ нѣчто искусственное, насильственное, не имѣя ничего исконнаго (Ursprünglich). Гегель поэтому относился крайне отрицательно, съ какимъ-то нерасположеніемъ, не только къ гипотезамъ Нибура, но и къ Нибуровой критикѣ вообще.

Вслѣдствіе этого онъ въ свою очередь отстаиваетъ даже наименѣе правдоподобныя черты преданія, если онѣ подходятъ къ его общему воззрѣнію на римскую исторію; такъ онъ признаетъ совершенно вѣрнымъ, что въ ново-возникшемъ государствѣ не было женщинъ, и потому похищеніе сабинянокъ считаетъ „общепризнаннымъ историческимъ фактомъ“.

Такъ же и въ вопросѣ о происхожденіи патриціевъ и плебеевъ Гегель считаетъ совершенно излишнимъ прибѣгать „къ модной гипотезѣ“ (Нибуровой) о патриціатѣ, какъ объ исконныхъ гражданахъ Рима. Гегель выводитъ дуализмъ патриціевъ и плебеевъ изъ естественнаго антагонизма „слабыхъ, бѣднѣйшихъ и пришлыхъ“ жителей и вліятельныхъ и богатыхъ. Въ виду этого онъ отрицаетъ за господствомъ патриціевъ всякое правовое или религіозное основаніе и въ подчиненности плебеевъ видитъ лишь фактическое насиліе, долго продолжавшееся даже послѣ обнародованія общихъ опредѣленныхъ законовъ (XII таблицъ).

Въ созданіи такого, т.-е. основаннаго на насиліи, государства Гегель усматриваетъ существенную особенность Рима.

Ибо оно непосредственно повлекло за собою самую суровую дисциплину и самопожертвованіе въ пользу общей цѣли. Государство, само себя создавшее и основанное на насиліи, можетъ быть поддерживаемо только насиліемъ: тутъ нѣтъ моральной, либеральной связи; изъ такого возникновенія можетъ произойти лишь вынужденное подчиненіе (субординація).

Въ виду этого Гегель и въ римскомъ семейномъ быту подчеркиваетъ ту „эгоистическую жестокость“, которая составляетъ основу римскихъ законовъ и нравовъ. Забывая, что римская матрона (мать семейства) пользовалась бѣльшею свободою и почетомъ, чѣмъ жена въ Греціи, Гегель лишь указываетъ на юридическую подчиненность женщины въ Римѣ (*manus*) и приходитъ къ выводу, что честь и достоинство доставались въ удѣлъ римской матронѣ лишь при выходѣ изъ подъ власти мужа, тогда какъ женщина должна черезъ мужа достигать почетнаго положенія (*ihre Ehre haben soll*). Аналогично было и отношеніе сыновей къ отцу, и они достигали независимости лишь посредствомъ эманципаціи. Наконецъ и въ формахъ римскаго завѣщанія рѣзко проявляется произволь главы семьи.

Такъ, въ глазахъ Гегеля, извращается въ Римѣ основа нравственной жизни.

Безнравственная активная суровость римлянъ въ частномъ быту неизбѣжно соотвѣтствовала такой же пассивной суровости въ государственномъ быту. За суровость, которой онъ былъ жертвою по отношенію къ государству, римлянинъ вознаграждалъ себя суровою властью, которою онъ самъ пользовался въ своей семьѣ, и, рабъ съ одной стороны, онъ былъ деспотомъ съ другой. Гегель самъ ставитъ вопросъ, какимъ образомъ объяснить этотъ историческій характеръ Рима—и обусловливаетъ его тремя причинами: исторической—возникновеніемъ Рима изъ разбойничьей шайки; этнографическимъ характеромъ италійскихъ племенъ, вошедшихъ

въ составъ римскаго населенія и философскимъ опредѣленіемъ мірового духа, которое вытекало изъ соотвѣтствующаго момента въ процессѣ его развитія.

Въ противоположность первобытной роскошной фантазіи Востока и гармонической поэзіи грековъ, съ римлянами входятъ въ исторію проза жизни, сознание конечнаго, отвлеченность разума и суровость личнаго я.

Эту крайнюю прозу духа Гегель раскрываетъ въ сферѣ искусства, права и религіи римлянъ; онъ видитъ ее въ заимствованномъ римлянами этрусскомъ искусствѣ, которое при совершенствѣ техники и вѣрномъ природѣ исполненіи вовсе лишено идеализма и красоты греческаго искусства. Этому же несвободному, бездушному (*geist-und gemüthlos*) разсудку римскаго міра, мы обязаны и происхожденіемъ и развитіемъ *положительнаго* права. На востокѣ моральныя требованія стали правовыми нормами; еще у грековъ обычай былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и юридическимъ закономъ; римляне совершили великое разграниченіе между правомъ и нравами; они открыли принципъ права,—принципъ, самъ по себѣ чисто формальный, безсодержательный (*gesinnungslos und gemüthlos*). Они сдѣлались жертвою этой сухой разсудочности, но намъ оказали великое благо, ибо признаніе отвлеченнаго формальнаго принципа права было условіемъ дальнѣйшаго, внутренняго освобожденія духа.

Всего подробнѣе Гегель проводитъ свое представленіе объ историческомъ значеніи римскаго духа при характеристикѣ римской религіи, гдѣ дѣйствительно ярко обнаруживается разсудочность и формализмъ римлянъ.

Таинственное чаяніе природы у грековъ проявилось въ наглядныхъ образахъ творческой фантазіи. Грекъ не пребывалъ на степени страха предъ природою, но завязалъ съ ней свободныя и радостныя отношенія. Римлянинъ же оставался замкнутымъ въ своей субъективности, поэтому природа представлялась ему чѣмъ-то внѣшнимъ и объективнымъ, чуждымъ и для него закрытымъ. Вслѣдствіе этого онъ становился по отношенію къ этому внѣшнему въ по-

ложеніе зависимости, обязанности. Этотъ смыслъ связанности-обязанности и имѣеть слово religio у Римлянъ. Отсюда формализмъ и безконечная обрядность, которая у римлянъ изъ сферы религіи проникла во всѣ области жизни: въ ихъ договоры, государственныя отношенія, обязанности и семейный бытъ. Набожность римлянина становится чѣмъ-то чисто формальнымъ, само по себѣ безсодержательнымъ; содержаніе же вносится въ нее его личною волею, личныя его цѣли связываютъ римлянина съ богами, ради нихъ онъ имъ поклоняется.

Вслѣдствіе этого римская религія отмѣчена самымъ прозаическимъ характеромъ цѣлесообразности и пользы; римскія божества ничто иное, какъ отвлеченія сухого разсудка, выведенныя имъ изъ различныхъ психическихъ или физическихъ состояній или дѣйствій покоя, заботы, голода, роста, смазыванія дверныхъ петель при входѣ новобрачной и пр.

Большая часть римскихъ храмовъ возникали, и иноземные боги вводились въ Римъ, по случаю какого-нибудь народнаго бѣдствія по обѣту, изъ обязательной, небезкорыстной благодарности.

Вслѣдствіе этого характера римской религіи мірскія и политическія цѣли не подчинены ей, а напротивъ санкціонируются ею.

Римлянинъ оставался набожнымъ, какого бы ни были свойства его поступки. Безпомощною формою овладѣваетъ субъектъ и заставляеть ее служить своимъ частнымъ цѣлямъ. Такъ овладѣли религіей патриціи и посредствомъ ея придали своему господству характеръ прочнаго священнаго, недоступнаго никому иному владѣнія: правительственная власть и политическія права получаютъ характеръ частной собственности. Но въ этой субъективности римской религіи кроется зародышъ личнаго произвола и злоупотребленія святынею. Наступило время, когда этотъ личный произволь обратился противъ самой святыни, созналъ ее формальный характеръ и, сведя ее на пустую формальность, сталъ ее попирать ногами.

Таковъ римскій народный характеръ въ главныхъ сферахъ духовнаго творчества—въ искусствѣ, правѣ и въ религии; таковымъ же обнаруживается онъ и въ государствѣ и его дѣятельности, какъ во внѣшней политикѣ римлянъ, такъ и во внутренней. Какъ здѣсь, такъ и тамъ Гегель видитъ осуществленіе основной черты римскаго духа: раздвоеніе и рѣзкое противоборство между идеей отвлеченнаго цѣлаго и конкретной частности, и наконецъ насильственное разрѣшеніе этого дуализма посредствомъ поглощенія частнаго цѣлымъ. Во внѣшней политикѣ этотъ процессъ проявляется въ постепенномъ, послѣдовательномъ расширеніи римскаго владычества: одна индивидуальность за другою, т.-е. одинъ народъ за другимъ, отъ мелкихъ общинъ въ окрестностяхъ Рима до великихъ восточныхъ царствъ, образовавшихся изъ наслѣдія Александра Македонскаго, принуждены преклониться предъ оружіемъ Рима и исчезаютъ въ общемъ единствѣ римской державы.

Такой же процессъ составляетъ содержаніе внутренней исторіи. Но во внутренней жизни Рима этотъ процессъ сначала представляетъ собою, повидимому, обратное движеніе. Дѣло въ томъ, что во внѣшней исторіи антагонизмъ данъ историческими условіями. Римъ окруженъ другими, враждебными общинами и народами, которыхъ онъ побѣждаетъ и вмѣшаетъ въ себѣ, становясь для нихъ тѣмъ единымъ цѣлымъ, въ которомъ они исчезаютъ и претворяются.

Во внутренней же своей политической жизни Римъ самъ создаетъ и выводитъ наружу тѣ конкретныя частности, которыя ему потомъ приходится сокрушать для торжества отвлеченнаго единства. Лишь только Римъ въ концѣ своего перваго періода поборолъ въ себѣ антагонизмъ между патриціями и плебеями, какъ этотъ антагонизмъ сталъ выступать въ новой формѣ. Въ противоположность отвлеченному началу государства развивается отвлеченное же представленіе о самостоятельной личности. Этимъ обусловливалось высокое развитіе гражданскаго права въ Римѣ, основаннаго на точномъ опредѣленіи и рѣзкомъ очертаніи

понятія юридической личности. Такое сильное развитіе личности дало себя чувствовать и въ области государственнаго права.

Эмансипація личности становится сигнатурой внутренней политической жизни Рима. Но въ политическомъ быту эта эмансипація личности выражается въ формѣ возстанія частныхъ, партикулярныхъ интересовъ противъ общаго интереса—въ разладѣ между патриотизмомъ и преслѣдованіемъ личныхъ цѣлей. Преданность государству не въ состояніи удерживать въ необходимомъ равновѣсіи антагонизмъ этихъ двухъ противоположныхъ стремленій и рядомъ съ постоянными побѣдами, триумфами и завоеваніями мы видимъ въ Римѣ постоянное зрѣлище гражданскихъ смуть и междоусобій. Становясь холоднымъ отвлеченіемъ владычества и насилія, проявленіемъ чистаго эгоизма воли по отношенію ко всѣмъ другимъ, римскій принципъ политической жизни утрачиваетъ всякое нравственное содержание и наполняется лишь частными интересами. Поэтому прирость провинцій обращается въ увеличеніе внутренней партикуляризаціи и становится источникомъ происходящаго отсюда разрушенія (Verderben).

Это разложеніе государства, утратившаго въ себѣ всякую крѣпость, становится почвой для произрастанія великихъ индивидуумовъ, вышедшихъ изъ потребности возстановить то государственное единство, которое не находило себѣ болѣе опоры въ убѣжденіяхъ. Несчастіе этихъ индивидуумовъ въ томъ, что они не представляютъ собою чисто нравственнаго принципа, ибо всѣ ихъ начинанія направлены противъ существующаго, т.-е. это преступленія. Но то, чего желаютъ и что творятъ эти индивидуумы, имѣетъ за себя высшее оправданіе мірового духа и должно въ концѣ восторжествовать. Около этихъ великихъ индивидуумовъ группируются другіе граждане, и Римъ раздирается партіями. Наконецъ вся римская держава распадается на два лагеря, сгруппировавшихся около Помпея и Цезаря. Побѣда осталась за тѣмъ, кто съ силою побѣдоносныхъ легіоновъ соединилъ преимущество геніальности,—преодо-

лѣвши своихъ противниковъ во всѣхъ провинціяхъ, Цезарь вернулся побѣдителемъ въ Римъ.

Такимъ образомъ, римская міровая держава досталась одному. Этотъ важный переворотъ не слѣдуетъ считать случайностью, онъ былъ необходимъ и обусловливался обстоятельствами.

Цезарь, который можетъ быть выставленъ образцомъ римской цѣлесообразности дѣйствій, съ яснымъ умомъ опредѣлявшій свои намѣренія и осуществлявшій ихъ съ высшей энергіей и быстротою, безъ увлеченія страсти, поступилъ совершенно согласно съ ходомъ всемірной исторіи. Цезарь совершилъ два великихъ подвига: онъ замирилъ внутренній антагонизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрылъ другой на болѣе обширномъ поприщѣ. Римская держава до него простиралась только до горнаго вѣнца Альпъ, Цезарь пробилъ эту ограду и создалъ новый центръ, вокругъ котораго совершалась всемірная исторія въ слѣдующемъ періодѣ.

Лучшіе люди Рима тогда полагали, что господство Цезаря зависѣло отъ его личныхъ качествъ, и что съ устраненіемъ этой личности сама собою возстановится республика. Этимъ страннымъ заблужденіемъ обусловливалось убійство Цезаря. Но непосредственно послѣ этого обнаружилось, что римское государство можетъ быть управляемо лишь единолично, и римляне были принуждены признать это и подчиниться новой власти императоровъ, какъ и вообще государственные перевороты получаютъ свое освященіе во мнѣніи людей, когда повторяются. Такъ и Наполеонъ былъ два раза побѣжденъ, два раза изгонялись Бурбоны. Вслѣдствіе повторенія то, что сначала казалось случайнымъ и только возможнымъ, превращается въ нѣчто дѣйствительное и утвержденное.

Такъ наступилъ третій періодъ римской исторіи—періодъ императорскій, когда римляне стали приходить въ столкновѣніе съ народомъ, которому суждено было послѣ нихъ сдѣлаться всемірно-историческимъ. Гегель разсматриваетъ этотъ періодъ съ двухъ сторонъ, духовной и свѣтской, а относительно послѣдней беретъ во вниманіе два главныхъ

момента—характеръ правителей, т.-е. римскихъ императоровъ и гражданъ въ Римской имперіи.

Власть римскаго императора основана на томъ, что частная личность овладѣваетъ цѣлымъ. Въ индивидуумѣ императора поэтому духъ частной субъективности достигаетъ полной, не знающей мѣры реализаціи. Духъ личности такъ сказать вышелъ изъ своихъ предѣловъ, превративъ конечное бытіе и частную волю въ нѣчто безпредѣльное.

Этотъ личный произволь призналъ только одинъ предѣлъ своему проявленію. Это предѣлъ всего человѣческаго—смерть. Эта субъективность оторвалась отъ всякой внутренней сдержки, не знаетъ ни страха, ни надежды, ни раскаянія (ибо все это предполагаетъ опредѣленные цѣли); здѣсь все случайно, ибо это ничто иное, какъ страсть и произволь во всей ихъ разнузданности. Эта личная воля не признаетъ ничью волю сдержкою для себя, и потому ея отношеніе къ волѣ другихъ есть отношеніе безусловнаго господства и рабства; насколько простирается взоръ человѣка на земномъ шарѣ, на немъ нѣтъ другой воли, кромѣ воли императора.

Подъ господствомъ этой воли все въ порядкѣ, ибо порядокъ заключается именно въ томъ, чтобы все согласовалось съ волей императора. При такомъ положеніи дѣла самыя свойства императоровъ теряютъ значеніе, ибо это случайность безслѣдно проходящая. Среди римскихъ императоровъ было много благородныхъ, весьма строгихъ къ себѣ характеровъ, но они не произвели никакой перемѣны въ государствѣ, никогда у нихъ не было рѣчи о томъ, чтобы дать римскому народу свободную организацію (*die Organisation des freien Zusammenlebens*).

Второй моментъ состоитъ въ томъ, что всѣ прочіе индивидуумы признаются *лицами* (*persona*) въ юридическомъ смыслѣ. Эти лица между собою равны, но не обладаютъ никакими политическими правами, за то понятіе о личности окончательно устанавливается гражданскимъ правомъ.

Сущность гражданского права въ томъ, что въ немъ лицо получаетъ значеніе само по себѣ и полной реализаціи своей

достигаетъ въ личной собственности. Жизнь римскаго государства и вся сила его духа обращены теперь исключительно на разработку мертваго гражданскаго права—это явленіе аналогично разложенію мертваго организма, когда каждый атомъ получаетъ самостоятельную жизнь, но низкую—существованіе червя; подобно тому и римскій государственный организмъ весь разлагается на атомы частныхъ гражданскихъ лицъ. Римская жизнь достигаетъ, такимъ образомъ, полного раздвоенія: съ одной стороны, въ видѣ фатума царить отвлеченная абсолютность господства, съ другой—отвлеченная индивидуальность, изолированность лица, которое имѣетъ значеніе не по своей конкретной индивидуальности, не потому, что она даетъ и вноситъ въ жизнь цѣлаго, а какъ отвлеченный индивидуумъ. Въ сознаниіи людей такимъ образомъ нѣтъ болѣе отечества, нѣтъ никакого нравственнаго единства—имъ остается одно, преклониться предъ фатумомъ и развивать въ себѣ полное равнодушіе къ жизни. Одни достигаютъ этого равнодушія тѣмъ, что поглощаются совершенно матеріальными интересами и стараются забыть себя въ чувственныхъ наслажденіяхъ; другіе стараются найти успокоеніе въ философіи; но всѣ системы тогдашней философіи, при всей своей противоположности—стоицизмъ, эпикуреизмъ и скептицизмъ, сходятся въ цѣли внушать духу равнодушіе ко всему, что представляетъ дѣйствительность. Но это внутреннее примиреніе, которое давала философія образованному меньшинству римскаго общества, имѣло отвлеченный характеръ—это былъ совѣтъ отчаянія, который не могъ удовлетворить живого духа, жаждавшаго болѣе возвышеннаго примиренія.

Этимъ высшимъ примиреніемъ абсолютнаго духа съ конкретностью, вѣчнаго съ конечнымъ, божественнаго съ человѣческимъ и является у Гегеля христіанство. Его возникновеніе и распространеніе и составляетъ духовную сторону Римской имперіи; съ завершеніемъ его развитія наступаетъ новый періодъ въ исторіи человѣчества.

В. Герье.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Этика Д. Юма. I. Психологическія предпосылки этики.

I.

Если теоретическая философія Д. Юма давно обращала на себя вниманіе историковъ философіи, хотя до самаго послѣдняго времени и не являлась объектомъ болѣе углубленнаго изслѣдованія въ ея цѣломъ, то этого совсѣмъ нельзя сказать о моральной философіи этого мыслителя. Обычная извѣстность этическихъ воззрѣній Юма значительно меньше извѣстности моральныхъ ученій такихъ его соотечественниковъ, какъ Гоббсъ, Шефтсбѣри и даже Гетчесонъ. Правда, мы имѣемъ специальную работу объ этикѣ Юма, гдѣ этотъ моралистъ находитъ очень высокую оцѣнку, когда авторъ (проф. Гижицкій) не колеблется приложить къ англійскому философу эпитетъ „Ньютона морали“ ¹⁾. Равнымъ образомъ, высоко ставитъ этику Юма и извѣстный историкъ англійской мысли Лесли Стивенъ, считая британскаго моралиста создателемъ утилитарной теоріи и замѣчая при этомъ, что „отъ Юма до Д. С. Милля эта доктрина не испытала существенныхъ измѣненій“ ²⁾. Но едва ли можно не видѣть значительнаго преувеличенія въ сужденіяхъ обоихъ названныхъ авторовъ, особенно перваго, который главною своею задачею ставилъ реабилитацію англійскаго эмпиризма въ

¹⁾ G. Giżycki. Die Ethik David Humes. Breslau, 1878, S. IX.

²⁾ Leslie Stephen. History of english thought in 18-th century, London, 1876, v. II, p. 87.

глазахъ нѣмецкихъ читателей, еще не освободившихся, по мнѣнію Гижицкаго, отъ отуманивающихъ чаръ идеалистической философіи. Поэтому въ упомянутой работѣ Гижицкаго мы не находимъ относительно объективнаго истолкованія моральной философіи Юма, въ тѣсной исторической связи съ предшествующими британскими моралистами и съ ближайшими къ Юму позднѣйшими представителями англійской этики. Правда, Гижицкій даетъ краткій очеркъ болѣе раннихъ направленій британской морали; равнымъ образомъ, онъ говоритъ и о болѣе позднихъ англійскихъ моралистахъ, включая въ число ихъ даже Дарвина, но при всемъ томъ, при такомъ изображеніи этики Юма мы не уясняемъ себѣ всего ея своеобразія, и сопоставленіе Юма, какъ моралиста, съ его предшественниками и преемниками часто носить слишкомъ внѣшній характеръ, тѣмъ болѣе, что авторъ выдвигаетъ на первый планъ простое изложеніе, а не мотивированную оцѣнку. Мы уже не говоримъ о томъ, что изслѣдователь слишкомъ кратко останавливается на характеристикѣ психологическихъ предпосылокъ этики Юма, что имѣетъ большое значеніе въ процессѣ уясненія самаго существа моральныхъ воззрѣній этого мыслителя. Все это можетъ оправдывать задачу сдѣлать этику Юма предметомъ новаго разсмотрѣнія, въ которомъ предполагалась бы болѣе обстоятельная характеристика и болѣе объективная оцѣнка главнѣйшихъ моральныхъ воззрѣній британскаго философа. Посильной попыткѣ въ этомъ направленіи посвященъ и настоящій очеркъ, первая часть котораго имѣетъ своею цѣлью охарактеризовать важнѣйшія психологическія предпосылки этики Юма.

II.

Этическія воззрѣнія Юма предполагаютъ для своего обоснованія извѣстныя психологическія предпосылки, все равно какъ и его гносеологія основывается на опредѣленной психологіи познанія. Объ этой послѣдней мы достаточно гово-

рили въ первой части своей работы ¹⁾, и намъ нѣтъ нужды снова возвращаться къ этому вопросу. Отмѣтимъ только своеобразное представленіе Юма о самой природѣ интеллектуальной дѣятельности, поскольку Юмъ подъ интеллектомъ разумѣетъ, прежде всего, работу нашего разума въ области чисто - абстрактныхъ построений или отношеній между идеями. Но мы указывали также и другое пониманіе разума, когда этимъ названіемъ обозначается работа нашей психики въ сферѣ причинныхъ заключеній, на почвѣ знакомства съ фактическими отношеніями, при чемъ въ этомъ случаѣ дѣятельность разума по своей природѣ поставляется въ тѣсную связь съ другими душевными функціями, играющими, по мнѣнію Юма, очень большую роль и въ интеллектуальныхъ процессахъ. Такова, напримѣръ, функція привычки, которую, какъ мы знаемъ, Юмъ возводитъ на степень біологическаго фактора. Но главными предпосылками, имѣющими столь большое значеніе для уясненія моральныхъ взглядовъ Юма, являются его воззрѣнія на природу нашей эмоціональной жизни и нашей волевой дѣятельности. Мораль находитъ свое конкретное выраженіе въ нашихъ поступкахъ, мотивами же этихъ поступковъ являются, какъ мы увидимъ нѣсколько ниже, наши чувствованія или эмоціи. Поэтому Юмъ, вполне естественно, изложенію своихъ этическихъ воззрѣній предпосылаетъ анализъ эмоціональной и волевой жизни. Въ настоящее время мы должны остановиться на главныхъ моментахъ въ этомъ процессѣ изслѣдованія двухъ обширныхъ сферъ нашей психики, которыя представляютъ столь значительный интересъ и въ цѣляхъ выясненія самаго существа моральной дѣятельности. Но, приступая къ изложенію воззрѣній Юма на природу эмоціональной жизни и нашей волевой дѣятельности, мы встрѣчаемся съ однимъ существеннымъ затрудненіемъ, которое уже имѣло мѣсто и въ отношеніи теоретической философіи Юма. Именно, взгляды Юма относительно названныхъ душевныхъ

¹⁾ Н. Д. Виноградовъ. Философія Д. Юма. Ч. I. Теоретическая философія Д. Юма. М. 1905.

дѣятельностей дошли до насъ въ двухъ редакціяхъ—болѣе ранней и болѣе поздней, и намъ приходится уже конструировать воззрѣнія мыслителя путемъ сравнительнаго изученія обѣихъ редакцій. Что касается эмоциональной жизни, то она характеризуется Юмомъ въ специальномъ сочиненіи „Объ аффектахъ“, составляющемъ вторую часть его „Трактата о человѣческой природѣ“. Затѣмъ, уже во второй періодъ своей литературной дѣятельности, послѣ переработки первой части „Трактата“ въ „Исслѣдованіе о человѣческомъ умѣ“, Юмъ призналъ необходимымъ передѣлать и вторую часть своего ранняго сочиненія, выпустивъ ее въ видѣ „Диссертации объ аффектахъ“. Волевая жизнь или сфера нашей активности, прежде всего, изображается тоже во второй части „Трактата“, гдѣ ей посвящены три спеціальныя главы („О свободѣ и необходимости“, „О вліяющихъ мотивахъ воли“). Затѣмъ, эти главы также подверглись дальнѣйшей переработкѣ и въ такомъ переработанномъ видѣ вошли въ „Исслѣдованіе о человѣческомъ умѣ“ (8 гл.) Здѣсь, прежде всего, возникаетъ вопросъ, не можемъ ли мы игнорировать первую редакцію трудовъ Юма и сосредоточиться исключительно на второй обработкѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы знаемъ, самъ Юмъ въ предисловіи къ послѣднему изданію своихъ „Опытовъ“, гдѣ содержится и вторая обработка его главныхъ философскихъ произведеній, проситъ читателей и въ частности критиковъ только послѣднюю редакцію разсматривать какъ вполне согласную съ его философскими взглядами въ позднѣйшій, болѣе сознательный періодъ его жизни (какъ извѣстно, „Treatise“ было написано непосредственно по выходѣ Юма изъ колледжа, въ возрастѣ 25—28 лѣтъ). Но мы въ свое время уже говорили ¹⁾, что нужно съ извѣстной осторожностью относиться къ этому заявленію Юма, написанному уже на одрѣ смертельной болѣзни, въ состояніи нѣкотораго упадка духа, обусловленнаго, главнымъ образомъ, тяжелымъ болѣзнен-

¹⁾ Ив., р. 28—29.

нымъ состояніемъ. Несмотря на принципиальное сходство обоихъ главныхъ сочиненій Юма въ области теоретической философіи, мы признали необходимымъ пользоваться обѣими редакціями, ибо первая въ извѣстной степени восполняетъ вторую и во всякомъ случаѣ помогаетъ уяснить взгляды Юма по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ теоретической философіи, тѣмъ болѣе, что эти взгляды часто выражены тамъ въ болѣе рѣшительной и радикальной формѣ, безъ тѣхъ компромиссовъ, которыхъ не чужда позднѣйшая редакція. То же самое нужно сказать и относительно анализа эмоциональной и волевой сферъ. Въ своихъ существенныхъ чертахъ анализъ этотъ является сходнымъ въ обѣихъ редакціяхъ, но тѣмъ не менѣе мы не можемъ ограничиться позднѣйшей обработкой. Главное отличіе послѣдней, какъ мы увидимъ, ниже,—въ ея болѣе значительной краткости, и это обстоятельство невыгодно отзывается на уясненіи самаго существа взглядовъ Юма на природу указанныхъ душевныхъ дѣятельностей. Иногда эти сокращенія настолько существенны, что они оставляютъ въ тѣни очень важные пункты въ сферѣ эмоциональной и волевой жизни. Мы не можемъ смотрѣть на эти сокращенія, какъ на показаніе измѣненій въ самихъ психологическихъ взглядахъ Юма: при ближайшемъ анализѣ вскрывается сходство обѣихъ редакцій въ наиболѣе существенномъ, а съ другой стороны, мы знаемъ, что эти сокращенія были сдѣланы, главнымъ образомъ, въ интересахъ большей доступности философскихъ трактатовъ Юма, поскольку многія детальныя разсужденія въ первой редакціи могли показаться, по мнѣнію Юма, довольно трудными для пониманія широкой публикѣ. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ, при изложеніи воззрѣній Юма, пользоваться обѣими редакціями относящихся сюда сочиненій философа, при чемъ мы теперь же отмѣтимъ наиболѣе существенное различіе въ конструкціи интересующихъ насъ сочиненій, оставляя указаніе болѣе детальныхъ различій до характеристики соотвѣтственныхъ частныхъ пунктовъ.

Такъ, что касается природы волевой дѣятельности, то

вопросъ о свободѣ воли, несомнѣнно, нашель болѣе законченное и обстоятельное трактованіе въ „Исслѣдованіи о человѣческомъ умѣ“, въ главѣ „О свободѣ и необходимости“, гдѣ проблема свободы воли выясняется на почвѣ предшествующаго подробнаго трактованія вопроса о природѣ причинной связи. Здѣсь Юмъ пытается обосновать свой детерминизмъ, стараясь распространить его на всю область психическихъ процессовъ, независимо отъ ихъ этической цѣнности. Здѣсь же онъ опровергаетъ и самыя разнообразныя возраженія противъ этого взгляда, поскольку эти возраженія стараются найти для себя оплотъ въ соображеніяхъ моральнаго или религіознаго характера. Но въ этой главѣ мы не встрѣчаемъ исчерпывающаго анализа волевой дѣятельности, здѣсь нѣтъ даже полнаго опредѣленія воли, какъ своеобразной душевной функции; равнымъ образомъ, вопросъ о мотивахъ нашей дѣятельности не выступаетъ на болѣе видный планъ, заслоняясь ранѣе упомянутой, центральной въ данномъ случаѣ проблемой свободы воли. Но всѣ эти вопросы опредѣленно намѣчаются и получаютъ извѣстное рѣшеніе въ болѣе ранней редакціи, которая имѣетъ болѣе общепсихологическую, чѣмъ философскую окраску. Такимъ образомъ, привлеченіе болѣе ранней редакціи для уясненія взглядовъ Юма на характеръ волевыхъ процессовъ является совершенно необходимымъ. То же самое еще въ большей степени нужно сказать относительно характеристики эмоциональной жизни. Внимательно сравнивая вторую часть „Трактата о человѣческой природѣ“ и „Диссертацию объ аффектахъ“, которые раздѣляются между собой промежуткомъ времени чуть ли не въ 20 лѣтъ, мы не можемъ сказать, чтобы произошло измѣненіе во взглядахъ Юма на самое существо эмоциональныхъ проявленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ даже и не особенно глубокой анализъ вскрываетъ значительныя различія между обѣими редакціями, которыя не позволяютъ намъ отвергать болѣе раннюю обработку предмета. Такъ, прежде всего, намъ невольно бросается въ глаза различіе по объему обоихъ произведеній: вторая часть „Трак-

тата о человѣческой природѣ“, имѣющая своимъ предметомъ анализъ эмоціональной жизни, содержитъ въ себѣ 228 страницъ, между тѣмъ какъ въ „Диссертациі обь аффектахъ“ всего 28 страницъ. Правда, нѣкоторыя главы перваго сочиненія, именно трактующія о волѣ, вошли въ „Исслѣдованіе о человѣческомъ умѣ“, но все-таки и при этомъ количественное различіе между обоими произведеніями остается очень внушительнымъ. Болѣе внимательное сравненіе обоихъ произведеній обнаруживаетъ передъ нами не только различіе въ расположеніи матеріала ¹⁾, но и цѣлый рядъ опущеній во второй редакціи, которыя являются очень важными для уясненія самаго существа эмоціональных проявленій. Такъ, только въ „Трактатѣ“ мы находимъ опредѣленіе (хотя и не совсѣмъ ясное) того термина (*passion*), которымъ обозначается вся совокупность эмоціональных переживаній. Затѣмъ, въ „Трактатѣ“ отводится очень много мѣста выясненію роли въ жизни эмоцій такихъ факторовъ, которые выдвигаются на первый планъ Юмомъ и при уясненіи характера интеллектуальной дѣятельности. Это—воображеніе и привычка, при чемъ Юмъ въ соотвѣтствующей части „Трактата“ особенно подробно останавливается на анализѣ первой функціи. Въ связи съ изображеніемъ природы этой дѣятельности, Юмъ много говоритъ о значеніи пространственныхъ и временныхъ отношеній въ области эмоціональных переживаній, высказывая здѣсь много глубоко-цѣнныхъ психологическихъ замѣчаній. Далѣе въ „Трактатѣ“ много мѣста отводится выясненію психологической природы того душевнаго переживанія, которое извѣстно подъ именемъ симпатіи. На почвѣ этого своеобразнаго психическаго акта Юмъ пытается объяснить цѣлый рядъ эмоціональных состояній, которыя являются очень важными и для пониманія многихъ явленій въ сферѣ моральной дѣятельности. Наконецъ, большая часть эмоціональных проявленій, которыя являются предметомъ

¹⁾ Такъ прямая или непосредственная эмоція въ „Трактатѣ“ разсматриваются послѣ косвенныхъ или посредственныхъ, а въ „Диссертациі“—наоборотъ.

анализа въ обоихъ произведеніяхъ, въ первомъ произведеніи изслѣдуются съ гораздо большею обстоятельностью и глубиною, способствуя тѣмъ самымъ болѣе успѣшному проникновенію въ самое существо анализируемыхъ явленій. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, не дадутъ намъ права, при анализѣ взглядовъ Юма въ отношеніи эмоціональных переживаній, ограничиваться разсмотрѣніемъ позднѣйшей редакціи, а наоборотъ, заставляютъ насъ въ этомъ случаѣ внимательно штудировать оба относящіяся сюда произведенія, т.-е. соответствующую часть „Трактата о человѣческой природѣ“ и „Диссертацію объ аффектахъ“.

III.

Психологическія предпосылки этики Юма состоятъ, какъ мы уже знаемъ, въ своеобразномъ ученіи Юма о природѣ эмоціональной и волевой жизни. Юмъ, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, придаетъ громадное значеніе эмоціональнымъ процессамъ и считаетъ ихъ самыми существенными въ общей суммѣ душевной жизни. Всѣ эти явленія Юмъ обозначаетъ традиціоннымъ терминомъ „*passion*“, къ сожалѣнію, не давая ему совершенно точнаго опредѣленія. Правда, въ одномъ мѣстѣ своего „Трактата“ онъ пытается, повидимому, точно отграничить эти процессы отъ другихъ проявленій нашей психики, когда онъ говоритъ: „подъ *passion*“ мы понимаемъ сильное и осязаемое движеніе духа, которое является въ связи съ воспріятіемъ хорошаго или дурного или съ воспріятіемъ какого-либо объекта, который способенъ возбуждать наше влеченіе уже въ силу изначальной организаціи нашихъ способностей“¹⁾. Но это опредѣленіе едва ли можетъ считаться вполнѣ яснымъ и точно выражающимъ самое существо душевнаго переживанія, которое именуется „*passion*“. Во всякомъ случаѣ, это не „страсть“ въ нашемъ смыслѣ слова, хотя и для обозначенія „страсти“

¹⁾ Treatise of human nature, v. II, p. 213 — 214 (ed. by Green and Grose, London, 1890).

Юмъ употребляетъ тотъ же терминъ „passion“. Несомнѣнно, понятие „passion“ у Юма болѣе широкое и можетъ охватывать не только чувствованія или эмоціи, какъ ихъ понимаетъ современная психологія, но и простирается на нѣкоторые волевые процессы, когда Юмъ относитъ къ области „passion“ влеченіе и отвращеніе ¹⁾). Но во всякомъ случаѣ, эмоціональная сфера обнимается этимъ понятіемъ, и поэтому мы будемъ передавать „passion“ терминами „эмоція“ или „аффектъ“, понимая послѣдній не въ смыслъ вспышки чувства, а обозначая имъ относительно яркое обнаруженіе эмоціональной жизни.

Что касается, теперь, воли, то эту форму нашей душевной жизни Юмъ представляетъ тѣсно связанной съ эмоціональной сферой и даетъ ея анализъ при характеристикѣ этой послѣдней, считая волевые акты „самыми замѣчательными результатами явленій удовольствія и страданія“ ²⁾). Но самое опредѣленіе воли также не отличается желательною точностью и ясностью. „Подъ волей, говоритъ Юмъ,—я понимаю не что иное, какъ внутреннее впечатлѣніе, которое мы чувствуемъ и сознаемъ, когда намѣренно производимъ какое-нибудь новое движеніе въ нашемъ тѣлѣ или когда мы вызываемъ какую-либо новую перцепцію въ нашемъ духѣ“ ³⁾). При этомъ Юмъ полагаетъ, что это впечатлѣніе, подобно основнымъ эмоціональнымъ проявленіямъ, не можетъ быть предметомъ какихъ-либо дальнѣйшихъ опредѣленій и должно разсматриваться, какъ фактъ, хорошо извѣстный намъ по нашему непосредственному опыту. Это опредѣленіе воли, сдѣланное Юмомъ, не можетъ почитаться вполне точнымъ и яснымъ, въ связи съ нѣкоторою неясностью, въ данномъ случаѣ, терминовъ „впечатлѣнія“ и „перцепція“. Но какъ бы то ни было, мы можемъ и изъ этого опредѣленія понять существенныя черты волевого акта: сознательность, въ смыслѣ преднамѣренности, и элементъ новизны—въ те-

¹⁾ Ibid., p. 214.

²⁾ Ibid., p. 181.

³⁾ Ib., p. 181.

ченіи нашихъ процессовъ—физическихъ или психическихъ. Юмъ не входитъ въ дальнѣйшій анализъ этихъ особенностей, считая ихъ первичными и несводимыми къ какимъ-либо болѣе простымъ элементамъ. Но для него является вопросомъ первостепенной важности вопросъ о мотивахъ волевыхъ дѣйствій, и обсужденію этой проблемы Юмъ посвящаетъ особую главу въ своемъ „Treatise“. Этотъ вопросъ, по мнѣнію Юма, долженъ встать передъ каждымъ человѣкомъ, желающимъ отдать отчетъ самому себѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, и этимъ именно объясняется очень длинная исторія этого вопроса, съ которымъ мы встрѣчаемся въ самыхъ разнообразныхъ философскихъ системахъ. При этомъ Юмъ съ самага начала указываетъ на мнѣніе, давно утвердившееся въ философіи и очень часто защищаемое въ широкой публикѣ, по которому источникомъ волевой дѣятельности является разумъ. Этотъ послѣдній будто бы даетъ и долженъ давать наиболѣе прочные мотивы для нашей дѣятельности, и если иногда таковыми мотивами являются эмоціи, то разумъ необходимо долженъ вступать въ борьбу съ этими страстями. Несмотря на распространенность этого мнѣнія, Юмъ считаетъ его, съ психологической точки зрѣнія, глубоко-несправедливымъ, и доказательству этой несправедливости онъ удѣляетъ достаточно мѣста въ своемъ „Трактатѣ“.

Разумъ, по мнѣнію Юма, обнаруживаетъ свою дѣятельность въ двухъ направленіяхъ: или онъ оперируетъ только въ области абстрактныхъ отношеній, имѣя дѣло въ этомъ случаѣ съ своеобразными математическими конструкціями, или же онъ вращается въ сферѣ фактовъ, ограничиваясь только вѣроятными заключеніями о предметахъ, которые ему извѣстны изъ опыта. Но въ первомъ случаѣ разумъ, взятый въ изолированности отъ другихъ душевныхъ дѣятельностей, не можетъ быть источникомъ какого бы то ни было дѣйствія. Вѣдь въ этомъ случаѣ разумъ имѣетъ дѣло только съ абстрактными построеніями, а между тѣмъ въ сферѣ волевыхъ дѣйствій

мы приходимъ въ соприкосновеніе съ чисто-реальными отношеніями, такъ что здѣсь уже вскрывается различіе по существу между этими сферами дѣятельности. Правда, мы знаемъ, что математика имѣетъ очень важное значеніе въ сферѣ фактическихъ отношеній, но математика сама по себѣ здѣсь нисколько не опредѣляетъ нашей дѣятельности. Самое большее, на что можетъ претендовать въ этомъ случаѣ дѣятельность нашего разсудка, заключается въ направляющей силѣ нашего ума, въ его сужденіяхъ относительно причинъ и слѣдствій, гдѣ мы уже встрѣчаемся со второй формой работы нашего разсудка. Въ этомъ процессѣ факческаго познанія мы испытываемъ цѣлый рядъ эмоціональныхъ переживаній, и у насъ естественно возникнутъ вопросу о причинахъ и слѣдствіяхъ этихъ переживаній. Возможно, что въ связи съ анализомъ этихъ факторовъ получается измѣненіе и въ нашей дѣятельности, но и въ этомъ случаѣ истинная сила импульса коренится не въ нашемъ разсудкѣ, а въ упомянутыхъ эмоціональныхъ процессахъ, конкретно проявляющихся въ актахъ удовольствія и неудовольствія, удовлетворенности и неудовлетворенности. Мы никогда не могли бы знать, что извѣстные объекты являются причинами или слѣдствіями данныхъ процессовъ, если бы у насъ было совершенно индифферентное отношеніе къ этимъ причинамъ и слѣдствіямъ, если бы здѣсь не затрагивалась наша эмоціональная сфера ¹⁾. Итакъ, разъ разсудокъ самостоятельно не можетъ вызвать опредѣленнаго желанія или тѣмъ болѣе породить извѣстнаго дѣйствія, то онъ не можетъ оказывать, самъ по себѣ, активнаго противодѣйствія эмоціи, какъ импульсу того или другаго поступка. Эмоція можетъ встрѣтить активное противодѣйствіе со стороны тоже эмоціи, а не стороны совершенно другаго принципа—разсудка. Отсюда психологически является неправильнымъ говорить о борьбѣ между разсудкомъ и страстью. Разсудокъ есть и долженъ быть только рабомъ эмоцій, и онъ

¹⁾ *Ib.*, p. 193—194.

никогда не может претендовать на что-либо большее, как только служить и повиноваться имъ ¹⁾). Поэтому мы не можем говорить въ общей формѣ о противорѣчии между разсудкомъ и эмоціей. Можно только съ извѣстными ограниченіями утверждать, что противорѣчіе между этими душевными дѣятельностями имѣетъ мѣсто именно въ томъ случаѣ, если эмоціямъ сопутствуетъ нѣкоторое сужденіе или мнѣніе. Тогда только можно говорить о нѣкоторой неразумности эмоцій, понимая это противорѣчіе съ разсудкомъ въ двухъ формахъ. Прежде всего, это противорѣчіе встрѣчается въ томъ случаѣ, если эмоція, какъ, напр., надежда или страхъ, печаль или радость, основывается на предположеніи существованія объектовъ, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ. Затѣмъ, это противорѣчіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, гдѣ мы, осуществляя извѣстную эмоцію въ дѣйствиіи, выбираемъ средства, недостаточныя для намѣченной цѣли, и обманываемся въ нашихъ сужденіяхъ о причинахъ и слѣдствіяхъ. Гдѣ нѣтъ этихъ условій, гдѣ нѣтъ ложныхъ предположеній въ основѣ эмоцій и гдѣ нѣтъ ошибки въ выборѣ средствъ для достиженія намѣченной цѣли, нашъ умъ не можетъ ни оправдывать, ни осуждать эмоціи. Въдѣ для разсудка, въ его изолированномъ функціонированіи, нѣтъ никакого противорѣчія въ томъ, что онъ можетъ согласиться на разрушеніе цѣлаго міра, чѣмъ на оцарапаніе моего пальца. Равнымъ образомъ, нѣтъ никакого противорѣчія и въ томъ, чтобы мой собственный разсудокъ предпочелъ мою полную гибель причиненію какого-либо незначительнаго неудобства для совершенно незнакомаго мнѣ лица. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что эмоціи и разсудокъ могутъ впадать въ противорѣчіе только при извѣстныхъ условіяхъ, и во всѣхъ другихъ случаяхъ между ними можетъ существовать извѣстная согласованность. Поэтому, лишь только мы замѣчаемъ ложность какого-либо предположенія или недостаточность какихъ-либо средствъ для достиженія поставленной цѣли, наши эмоціи уступаютъ въ этомъ случаѣ

¹⁾ Ib., p. 194—195.

разсудку безъ всякаго сопротивленія. Такъ у меня можетъ быть сильное желаніе получить извѣстный плодъ, такъ какъ я убѣжденъ, что этотъ плодъ имѣетъ очень пріятный вкусъ; но если меня убѣдятъ въ противномъ, то мое сильное желаніе пропадаетъ. То же самое можно сказать и относительно многихъ другихъ подобныхъ случаевъ, гдѣ можетъ наблюдаться это мнимое столкновение разсудка и эмоціи¹⁾.

Но если, съ психологической точки зрѣнія, противопоставленіе разсудка страстямъ является несостоятельнымъ, то какъ же объяснить возникновение этого, столь давно извѣстнаго положенія въ философіи, что борьба между разсудкомъ и эмоціями есть несомнѣнный, для всѣхъ непосредственно очевидный фактъ? По мнѣнію Юма, мы можемъ разрѣшить это затрудненіе только допущеніемъ, что въ этихъ разсужденіяхъ о борьбѣ между эмоціями и разсудкомъ, въ дѣйствительности, идетъ рѣчь о борьбѣ между двумя типами эмоцій, такъ что подъ разсудкомъ въ данномъ случаѣ нужно разумѣть чисто эмоціональныя переживанія. Это именно болѣе тихія и спокойныя эмоціи, которыя не производятъ замѣтныхъ пертурбацій въ нашей душѣ и, благодаря этому тихому теченію, онѣ неправильно разсматриваются многими какъ продуктъ дѣятельности нашихъ интеллектуальныхъ способностей²⁾. По мнѣнію Юма, въ основѣ этихъ эмоцій лежатъ болѣе глубоко скрытыя желанія или влеченія двухъ родовъ: или это опредѣленные инстинкты, изначально заложенные въ нашей душѣ, какъ, напр., привязанность къ жизни, любовь къ дѣтямъ, благожелательность или злопамятство; или это общее стремленіе къ добру и отвращеніе отъ зла, поскольку то и другое разсматриваются именно какъ таковыя³⁾.

Что касается возникновенія этихъ болѣе спокойныхъ эмоцій, то причины ихъ очень разнообразны и коренятся, главнымъ

1) *Ib.*, 195—196.

2) *Ib.*, p. 214. Ср. *Dissertation on the passions*, p. 161.

3) *Ib.*, p. 197 (Разумѣется „добро“ и „зло“ въ широкомъ, а не въ моральномъ только смыслѣ).

образомъ, въ индивидуальных особенностяхъ каждаго человѣка, какъ это можно сказать и о причинахъ бурныхъ аффектовъ. Относительно вліянія этихъ болѣе тихихъ эмоцій на нашу волю нужно замѣтить, что хотя бурныя страсти обычно имѣютъ болѣе сильное дѣйствіе на волю, однако въ иныхъ случаяхъ болѣе спокойныя эмоціи, соединенныя съ размышленіемъ и настойчивостью, способны контролировать эти яркія проявленія эмоциональной жизни даже во время ихъ наиболѣе бурнаго обнаруженія. При этомъ нужно замѣтить, что спокойная эмоція можетъ легко перейти въ бурную или благодаря измѣненію общаго настроенія и окружающей обстановки, или благодаря содѣйствію сопутствующей эмоціи (вслѣдствіе воздѣйствія со стороны привычки или воображенія). Именно борьба разсудка и страсти въ такомъ пониманіи разнообразитъ человѣческую жизнь, когда такимъ образомъ устанавливается различіе не только между отдѣльными людьми, но и въ предѣлахъ личности опредѣленнаго человѣка, переживающаго въ различныя времена различныя настроенія ¹⁾. Въ виду такого взаимодѣйствія указанныхъ видовъ эмоцій, для Юма кажутся особенно очевидными ошибки метафизиковъ, которые приписывали исключительное значеніе какому-либо опредѣленному типу эмоцій, отрицая въ то же самое время вліяніе другого. Въ дѣйствительности, полагаетъ Юмъ, обѣ эти формы эмоциональной жизни оказываютъ воздѣйствіе на волю, и гдѣ онѣ кажутся противоположными, тамъ имѣетъ перевѣсъ одна изъ этихъ формъ, сообразно общему характеру даннаго лица или его частному настроенію. То, что обычно называется силою духа, предполагаетъ преобладаніе спокойныхъ эмоцій надъ бурными, хотя мы можемъ замѣтить, что никто не обладаетъ этой способностью давать всегда перевѣсъ спокойнымъ страстямъ настолько, чтобы ни въ одномъ случаѣ не уступать влеченію бурнаго чувства или желанія ²⁾.

¹⁾ *Ib.*, p. 214.

²⁾ *Ib.*, p. 197. Сравни. *Dissertation on the passions*, p. 162 (ed. by Green and Grose, London, 1889).

IV.

Такъ рѣшается у Юма вопросъ о мотивахъ нашей дѣятельности. Другимъ кардинальнымъ вопросомъ при анализѣ нашей активности является проблема свободы воли. Вопросъ о свободѣ и необходимости, въ отношеніи человѣческихъ дѣйствій, является, по мнѣнію Юма, „самымъ спорнымъ вопросомъ въ метафизикѣ, самой спорной изъ всѣхъ наукъ“¹⁾. Но Юмъ думаетъ, что при ближайшемъ разсмотрѣніи споръ этотъ есть въ значительной степени споръ о словахъ, ибо въ дѣйствительности, если съ этими словами соединять вполнѣ опредѣленное значеніе, въ этомъ вопросѣ можно безъ труда достигнуть извѣстнаго соглашения²⁾. Это соглашение можетъ быть достигнуто, прежде всего, на почвѣ анализа соответствующихъ идей, т.-е. идей необходимости и свободы. Что касается первой изъ нихъ, необходимости, то истинный характеръ ея познается только изъ наблюденія надъ матеріальными процессами, когда мы приходимъ къ убѣжденію, что матерія во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ приводится въ движеніе необходимой силой, и всякое дѣйствіе въ природѣ точно опредѣлено энергіей своей причины. Дальнѣйшій анализъ этой идеи показываетъ намъ, что она имѣетъ свой источникъ исключительно въ образіи, констатируемомъ въ природѣ, гдѣ сходные объекты всегда связаны другъ съ другомъ, и умъ побуждается, въ силу привычки, къ заключенію объ одномъ изъ нихъ при появленіи другого. Помимо постоянного соединенія сходныхъ объектовъ и постоянного заключенія объ одномъ изъ нихъ на основаніи другого, у насъ нѣтъ идеи необходимости или связи³⁾. Но именно эти два условія—постоянное соединеніе двухъ объектовъ и постоянное заключеніе объ одномъ изъ нихъ на основаніи другого—имѣютъ мѣсто и въ отношеніи произвольныхъ дѣйствій людей, т.-е. та-

1) Enquiry concerning human understanding, p. 77 (ed. by Green and Grose).

2) *Ib.*, p. 67.

3) *Ib.*, p. 67.

кихъ дѣйствій, которыя разсматриваются какъ свободныя. Въ этомъ существуетъ полное согласіе между людьми. Такъ, говоритъ Юмъ,—„общепризнанный фактъ, что существуетъ очень большое однообразіе въ поступкахъ людей у всѣхъ народовъ и во всѣ эпохи и что человѣческая природа почти остается одинаковой во всѣхъ принципахъ и проявленіяхъ. Одинаковые мотивы всегда производятъ одни и тѣ же дѣйствія, одинаковыя явленія вытекаютъ изъ одинаковыхъ причинъ. Честолюбіе, скупость, тщеславіе, дружба, великодушіе, духъ общности—всѣ эти страсти, смѣшанныя въ различной степени и распределенныя среди разнообразныхъ членовъ общества, были съ начала міра и теперь еще остаются источникомъ всѣхъ дѣйствій, какія только могли наблюдаться среди человѣчества“ ¹⁾. Человѣчество настолько одинаково во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ, что исторія не даетъ намъ ничего новаго или совершенно необычнаго въ этомъ отношеніи ²⁾. „Главная польза исторіи состоитъ въ томъ, что она открываетъ постоянныя и всеобщіе принципы человѣческой природы, показывая намъ людей во всемъ разнообразіи обстоятельствъ и положеній, и доставляетъ намъ матеріаль, на основаніи котораго мы можемъ дѣлать наблюденія и знакомиться съ настоящими пружинами человѣческой дѣятельности и поведенія“ ³⁾. Такимъ образомъ, для обнаруженія вымысла въ историческомъ повѣствованіи самымъ лучшимъ аргументомъ является доказательство, что поступки, приписываемые какому-либо лицу, прямо противоположны порядку природы, и что никакіе человѣческіе мотивы не могли бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, заставить это лицо поступать такимъ именно образомъ ⁴⁾. На почвѣ повсѣдневнаго опыта у насъ постепенно вырабатывается знаніе мотивовъ человѣческой дѣятельности, когда мы анализируемъ поступки людей, вы-

¹⁾ Ib. p., 68.

²⁾ Ib., p. 68.

³⁾ Ib., p. 68.

⁴⁾ Ib., p. 69.

раженія, жесты. Равнымъ образомъ, имѣя представленіе объ этихъ мотивахъ, въ видѣ разнообразныхъ наклонностей, мы приходимъ къ своеобразному истолкованію поступковъ людей. Такимъ образомъ, „общія наблюденія, накопленныя рядомъ опытовъ, даютъ намъ ключъ къ человѣческой природѣ и учатъ насъ распутывать ея сложныя явленія“¹⁾. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что „связь между мотивами и произвольными дѣйствіями не только такъ же правильна и однообразна, какъ связь между причиной и дѣйствіемъ во всякой части природы, но что эта правильная связь пользуется всеобщимъ признаніемъ среди людей и никогда не была предметомъ спора ни въ философіи, ни въ обыденной жизни“²⁾. Отсюда основаніемъ для всѣхъ нашихъ заключеній относительно будущаго является именно это единообразіе человѣческихъ поступковъ³⁾. Если бы мы не признавали этой возможности дѣлать заключенія о произвольныхъ актахъ на основаніи мотивовъ, о поступкахъ на основаніи характеровъ, то едва ли могли бы существовать разнообразныя дисциплины, которыя мы имѣемъ передъ собой. Такъ не могло бы быть исторіи, если бы мы не могли довѣрять историку, опираясь на тотъ опытъ, который пріобрѣтень нами самими относительно людей въ ихъ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ. Равнымъ образомъ, политика (наука о государствѣ) также не могла бы считаться научной дисциплиной, разъ мы стали бы отвергать, что законы и формы правленія оказываютъ извѣстнаго единообразное вліяніе на общество. Наконецъ, не могло бы быть никакого фундамента и для науки о нравственности, если бы у извѣстныхъ лицъ не было опредѣленной способности переживать спеціальныя чувства и если бы эти чувства не вліяли постоянно, опредѣленнымъ образомъ, на ихъ поступки⁴⁾. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности та форма очевидности, кото-

1) *Иб.*, р. 69.

2) *Иб.*, р. 72.

3) *Иб.*, р. 72.

4) *Иб.*, р. 73.

рую мы наблюдаемъ въ явленіяхъ природы, и другая форма, которую мы встрѣчаемъ въ области моральныхъ отношеній, тѣсно связаны между собой, образуя одну цѣль доказательствъ, и это обстоятельство особенно убѣждаетъ насъ, что природа ихъ одинакова и что они выводятся изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ. Такъ, напримѣръ, если узникъ, не имѣя денегъ, сознаетъ невозможность бѣгства не только при взглядѣ на окружающія внѣшнія препятствія (запертыя двери, высокія стѣны и т. п.), но и при мысли о непреклонности тюремщиковъ, то здѣсь наблюдается именно связь естественныхъ и моральныхъ препятствій, ограничивающихъ его свободу. Связь, извѣстная намъ по опыту, оказываетъ одинаковое вліяніе на сознаніе, независимо отъ того, что представляютъ собою объекты, между которыми наблюдается эта связь, т.-е. будутъ ли они мотивами, хотѣніями, дѣйствіями или же фигурами и движеніемъ ¹⁾).

Но если, дѣйствительно, всѣ люди, въ практикѣ своей жизни, признаютъ охарактеризованную необходимость въ своихъ дѣйствіяхъ и разсужденіяхъ, то чѣмъ объяснить часто встрѣчающееся теоретическое отрицаніе этой необходимости? Юмъ думаетъ, что причина этого явленія заключается въ склонности людей вѣрить, что они могутъ и не ограничиваться заключеніемъ относительно соединенія объектовъ, а въ состояніи проникнуть болѣе глубоко въ силы природы и замѣтить нѣчто, подобное необходимой связи между причиной и дѣйствіемъ. Далѣе, когда они начинаютъ размышлять о своихъ умственныхъ операціяхъ и не чувствуютъ подобной же связи между мотивомъ и поступкомъ, тогда они естественно склоняются къ предположенію, что существуетъ различіе между дѣйствіями, которыя являются результатомъ матеріальной силы, и между тѣми, которыя возникаютъ въ связи съ дѣятельностью нашего мышленія ²⁾). Дальнѣйшею причиной отрицанія необходимости или признанія свободы можетъ служить явленіе

¹⁾ *Ib.*, p. 74. *Ср.* Treatise, II, p. 187.

²⁾ *Ib.*, p. 75. *Ср.* Treatise, II, p. 188—189.

своеобразной иллюзіи, что мы, при совершеіи многихъ поступковъ, именно переживаемъ состояніе свободы или безразличія, при чемъ это состояніе испытывается не столько при размышленіи о поступкахъ, сколько при ихъ выполненіи. Но это состояніе есть только иллюзія, и въ дѣйствительности всякое наше дѣйствіе имѣетъ мотивъ, хотя бы такимъ мотивомъ было и фантастическое желаніе проявить свободу. Равнымъ образомъ, несмотря на это наше интуитивное сознаніе свободы, посторонній зритель всегда въ состояніи сдѣлать вѣрное заключеніе о нашихъ дѣйствіяхъ на основаніи мотивовъ и характера ¹⁾.

Если теперь необходимость нашихъ дѣйствій, въ смыслѣ обусловленности ихъ мотивами, составляетъ несомнѣнный фактъ, то что нужно разумѣть подъ свободой нашей воли? Очевидно, „свобода есть не что иное, какъ только способность поступать или не поступать сообразно рѣшенію воли, т.-е. если мы хотимъ остаться на мѣстѣ, мы можемъ это сдѣлать; если хотимъ двигаться, можемъ (осуществить) и это“ ²⁾. Такъ условно понимаемая свобода присуща, по общему мнѣнію, всякому, кто не сидитъ въ тюрьмѣ и не закованъ въ кандалы ³⁾.

Если мы будемъ понимать необходимость въ такомъ ограниченномъ смыслѣ, то этимъ не только не попадемъ въ противорѣчіе съ нравственностью, но, наоборотъ, это послѣдняя и возможна только при допущеніи такой именно формы необходимости, которая должна отличаться отъ внѣшняго принужденія. Только при такомъ условіи и возможна моральная оцѣнка поступка и связанное съ нею нравственное вмѣненіе. Поступки дѣлаютъ человѣка преступнымъ лишь постольку, поскольку они являются показателями преступныхъ принциповъ въ его душѣ; если же, вслѣдствіе измѣненія этихъ принциповъ, они перестаютъ быть вѣрными показателями послѣднихъ, то они въ то же время утра-

¹⁾ Ib., p. 77.

²⁾ Ib., p. 78.

³⁾ Ib., p., 78.

чиваютъ и характеръ преступности. Но если мы отвергнемъ доктрину необходимости, то мы не можемъ говорить, что поступки служатъ показателями чего-либо, и слѣдовательно, не можемъ называть ихъ и преступными. Равнымъ образомъ, если поступки могутъ быть объектами нашего нравственнаго чувства лишь постольку, поскольку они являются показателями внутренняго характера, аффектовъ и чувствованій, то совершенно невозможно, чтобы эти поступки вызывали похвалу или порицаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда они не вытекаютъ изъ этихъ принциповъ, а обуславливаются чисто внѣшними данному человѣку факторами (напр., внѣшнимъ принужденіемъ) ¹⁾.

V.

Что касается теперь анализа эмоциональной жизни, то изслѣдованіе природы эмоцій должно представлять тѣмъ большій интересъ въ глазахъ Юма, что, по словамъ этого мыслителя, до сего времени моральная философія находилась; въ отношеніи плодотворности научнаго изысканія, въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ была астрономія до Коперника ²⁾. А между тѣмъ Юмъ рѣшается думать, что эмоціи, въ своемъ теченіи и возникновеніи, подчиняются извѣстному правильному механизму, который доступенъ точному разслѣдованію не меньше, чѣмъ законы движенія, оптики, гидростатики или явленія изъ какой-либо другой области естественныхъ наукъ ³⁾.

Свое изслѣдованіе эмоциональной сферы Юмъ поставляетъ въ тѣсную связь съ тѣми психологическими предпосылками, на которыя опирается его теоретическая философія. Какъ извѣстно, все содержаніе нашей душевной жизни Юмъ представляетъ состоящимъ изъ перцепцій, которыя раздѣляются на впечатлѣнія и идеи ⁴⁾. Впечатлѣнія, въ

¹⁾ *Ib.*, p. 81. Ср. *Treatise*, II, p. 192.

²⁾ *Treatise*, II, p. 81.

³⁾ *Dissertation on the passions*, p. 166.

⁴⁾ Ср. *Enquiry concerning human understanding*, p. 13.

свою очередь, могутъ быть подраздѣлены на первичныя (original) и вторичныя (secondary), каковое подраздѣленіе соотвѣтствуетъ также расчлененію впечатлѣній на впечатлѣнія на почвѣ ощущенія (impressions of sensation) и впечатлѣнія на почвѣ рефлексіи (impressions of reflection). Первичными впечатлѣніями или впечатлѣніями на почвѣ ощущенія называются тѣ впечатлѣнія, которыя возникаютъ въ нашей душѣ независимо отъ какой-либо предшествующей перцепціи, при чемъ они появляются въ связи съ состояніемъ тѣла, жизненной или нервной энергіи („жизненныхъ духовъ“) или въ связи съ воздѣйствіемъ предметовъ на органы внѣшнихъ чувствъ. Что же касается вторичныхъ впечатлѣній или впечатлѣній въ связи съ рефлексіей, то подъ ними разумѣются такія впечатлѣнія, которыя возникаютъ на почвѣ первичныхъ впечатлѣній—или непосредственно или при посредствѣ идей. Первымъ способомъ возникаютъ впечатлѣнія въ связи съ дѣятельностью органовъ внѣшнихъ чувствъ и всякія тѣлесныя страданія и удовольствія, вторымъ способомъ образуются всѣ такъ называемыя страсти или аффекты (passions) и другія подобныя имъ эмоціи ¹⁾. Юмъ далѣе ограничиваетъ свое изслѣдованіе областью вторичныхъ впечатлѣній или впечатлѣній на почвѣ рефлексіи, которыя обаяны своимъ происхожденіемъ или первичнымъ впечатлѣніемъ или ихъ идеямъ. Что же касается самихъ первичныхъ впечатлѣній, то изслѣдованіе ихъ намѣренно устраняется Юмомъ, такъ какъ привлеченіе этихъ предметовъ неизбежно увлекло бы изслѣдователя въ такія спеціальныя научныя дисциплины, какъ анатомія и другіе различные виды естественныхъ наукъ ²⁾.

Впечатлѣнія, возникающія въ связи съ рефлексіей, раздѣляются, въ свою очередь, на два класса: на спокойныя или тихія (calm) впечатлѣнія и на впечатлѣнія болѣе яркія или бурныя (violent). Къ первымъ относятся ощущенія красиваго или некрасиваго, поскольку такія ощущенія

¹⁾ Treatise, II, p. 75—76.

²⁾ Ib., p. 76.

возникаютъ или въ связи съ дѣятельностью вообще, или въ процессѣ творчества, или просто на почвѣ воспріятія предметовъ внѣшняго міра. Впечатлѣнія второго рода встрѣчаются въ видѣ эмоцій или страстей: любви и ненависти, печали и радости, гордости и смиренія ¹⁾). Эта классификація эмоцій очень далека, по мнѣнію Юма, отъ того, чтобы считаться вполне точной. Такъ восхищеніе поэзіей и музыкой часто достигаетъ крайней напряженности, между тѣмъ какъ впечатлѣнія, называемыя страстями въ собственномъ смыслѣ, принимаютъ иногда столь слабую форму эмоціональнаго переживанія, что становятся мало ощутимыми. Но, несмотря на это, приходится ограничиваться этимъ несовершеннымъ и, больше, вульгарнымъ дѣленіемъ, ибо попытка основать совершенно новую классификацію естественно вызвала бы за собой очень большую работу, благодаря крайней сложности и разнообразію въ содержаніи душевной жизни ²⁾.

Собственно страсти или аффекты также раздѣляются на два класса: на прямые или непосредственные (direct) и косвенные или посредственные (indirect). Подъ непосредственными аффектами разумѣются такія эмоціональныя состоянія, которыя возникаютъ непосредственно въ связи съ воспріятіемъ хорошаго или дурного, страданія или удовольствія. Посредственные или косвенные аффекты — это тѣ, которые возникаютъ на почвѣ тѣхъ же самыхъ принциповъ, но только въ соединеніи съ другими качествами. Къ косвеннымъ аффектамъ относятся гордость, смиреніе, честолюбіе, тщеславіе, любовь, ненависть, зависть, жалость, зложелательство, великодушіе и производныя отъ нихъ эмоціи. Прямые или непосредственные аффекты—влеченіе, от-

¹⁾ Ib., p. 76.

²⁾ Ib., p. 76. Бурныя эмоціи нельзя отождествлять съ сильными, а спокойныя—со слабыми: Юмъ предостерегаетъ отъ такого смѣшенія (Treatise, II, p. 198), ибо спокойныя эмоціи могутъ сдѣлаться самыми сильными стимулами нашей дѣятельности, между тѣмъ какъ вліяніе бурныхъ эмоцій часто очень преходящее. Ср. выше стр. 62.

вращеніе, печаль, радость, надежда, страхъ, отчаяніе и увѣренность въ безопасности ¹⁾).

Прежде чѣмъ переходить къ анализу опредѣленныхъ типовъ эмоцій, которые только что были намѣчены, Юмъ, въ своемъ болѣе раннемъ произведеніи (Treatise), останавливается на выясненіи различія между объектомъ этихъ эмоцій и ихъ причиной. Такимъ объектомъ является самъ человѣкъ, который переживаетъ извѣстную эмоцію и въ душѣ котораго наблюдается непосредственно воспринимаемая послѣдовательность впечатлѣній и идей. Но отъ этого объекта нужно отличать причину аффекта, именно ту идею, которая порождаетъ эмоціи. Въ этой причинѣ также необходимо дѣлать различіе между качествомъ, которое производитъ дѣйствіе, и между субъектомъ, въ которомъ заключается это качество. Это на первый взглядъ смутное различіе Юмъ далѣе пытается уяснить путемъ конкретной иллюстраціи. Такъ, если человѣкъ восхищается красивымъ домомъ, который принадлежитъ ему или который онъ самъ выстроилъ по задуманному имъ плану, то объектомъ эмоціи въ данномъ случаѣ является самъ этотъ человѣкъ, а причиной — домъ. Въ этой причинѣ снова можно различать два элемента: качество (въ данномъ случаѣ красота), вызывающее эмоцію, и субъектъ, поскольку домъ рассматривается какъ собственность этого человѣка или его созданіе. Оба эти элемента являются существенно-необходимыми для возбужденія эмоціи, и если будетъ дѣйствовать только какой-нибудь одинъ изъ этихъ элементовъ, то не можетъ получиться и опредѣленнаго впечатлѣнія ²⁾).

Въ дальнѣйшемъ анализѣ эмоциональной жизни Юмъ съ особенною подробностью останавливается на выясненіи значенія для жизни эмоцій тѣхъ сторонъ нашей психики, которыя играютъ такую большую роль и въ теоретической философіи этого мыслителя. Это ассоціаціи, воображеніе, привычка.

¹⁾ *Иб.*, р. 77.

²⁾ *Иб.*, р. 77—79.

Что касается ассоціацій, то здѣсь Юмъ, прежде всего, разумѣетъ ассоціацію идей или, какъ онъ говоритъ, извѣстный порядокъ между идеями, переходъ отъ одного объекта къ другому—или сходному, или смежному, или произведенному имъ ¹⁾. Такимъ образомъ, здѣсь указываются три основныя формы ассоціацій идей, съ которыми мы встрѣчаемся и въ „Исслѣдованіи о человѣческомъ умѣ“ ²⁾. Но кромѣ ассоціацій идей Юмъ отмѣчаетъ другую форму ассоціаціонныхъ сдѣпленій, именно ассоціацію впечатлѣній. По его мнѣнію, всѣ сходныя впечатлѣнія находятся въ извѣстной связи между собой, и лишь только возникаетъ одно, непосредственно слѣдуютъ и другія. Такъ, печаль и разочарованіе переходятъ въ гнѣвъ, гнѣвъ—въ зависть, а зависть—въ зложелательство, зложелательство—опять въ печаль, пока не завершится весь кругъ. Равнымъ образомъ, если мы находимся въ состояніи радостнаго восхищенія, то у насъ естественно возникаютъ чувства любви, великодушія, состраданія, мужества, гордости и другія подобныя ассоціаціи. При этомъ Юмъ полагаетъ, что между ассоціаціями впечатлѣній можно различать тѣ же типы сдѣпленій, что и между ассоціаціями идей ³⁾.

Наконецъ, Юмъ отмѣчаетъ тѣсную связь обѣихъ этихъ формъ ассоціацій—ассоціаціи идей и ассоціаціи впечатлѣній, поскольку обѣ эти формы ассоціацій помогаютъ другъ другу, вызываютъ одна другую и поскольку болѣе легкой переходъ отъ одной къ другой наблюдается тамъ, гдѣ они обѣ сталкиваются въ одномъ объектѣ. Такъ, если человѣкъ приведенъ въ раздраженное состояніе благодаря оскорбленію со стороны другого лица, то онъ можетъ найти массу поводовъ для недовольства, нетерпѣнія, страха и другихъ неприятныхъ эмоцій, особенно, если онъ можетъ открыть эти поводы въ томъ лицѣ или около того лица, которое

¹⁾ *Ib.* p. 82.

²⁾ *Enquiry concerning human understanding*, p. 18 (ed. by Green and Grose, London, 1889).

³⁾ *Ib.* p. 82.

было причиной его перваго аффекта. Такимъ образомъ, принципы, вызывающіе переходъ идей, сталкиваются здѣсь съ принципами, вызывающими аффекты, и благодаря такому соединенному воздѣйствію, естественно, получается болѣе сильное впечатлѣніе въ нашей душѣ ¹⁾).

Въ другомъ мѣстѣ своего „Трактата“ Юмъ уподобляетъ роль ассоціацій своеобразному закону притяженія и проводитъ параллель между дѣйствіемъ этого закона въ процесѣ возникновенія эмоцій и между тѣми явленіями, которыя наблюдаются въ актѣ причиннаго заключенія. Здѣсь же вскрывается и роль воображенія, которому, какъ мы сейчасъ увидимъ, принадлежитъ большое значеніе въ процесѣ возникновенія эмоціоанальной жизни. Именно, въ процесѣ причиннаго заключенія мы всегда можемъ констатировать наличное впечатлѣніе и соотвѣтствующую идею. Благодаря наличному впечатлѣнію достигается особенная живость дѣятельности воображенія, и эта живость сообщается, благодаря легкому переходу, соотвѣтствующей идеѣ. Если отсутствуетъ наличное впечатлѣніе, то не получается фиксаціи вниманія и общаго возбужденія необходимыхъ въ этомъ случаѣ жизненныхъ процессовъ (движеній „животныхъ духовъ“). Если же нѣтъ отношенія къ соотвѣтствующей идеѣ, вниманіе продолжаетъ оставаться на своемъ первомъ объектѣ и не оказываетъ никакого дальнѣйшаго воздѣйствія ²⁾).

По мнѣнію Юма, нельзя сомнѣваться въ томъ, что эмоціоанальная жизнь протекаетъ въ тѣсной связи съ дѣятельностью воображенія. Воображеніе и эмоціи, думаетъ онъ, тѣсно соединены другъ съ другомъ, и все, что затрагиваетъ первое, не является безразличнымъ и для послѣднихъ. Когда идеи хорошаго или дурнаго пріобрѣтаютъ особенную живость, аффекты дѣлаются болѣе сильными и при всѣхъ своихъ измѣненіяхъ сохраняютъ миръ съ воображеніемъ ³⁾). Благодаря воображенію устанавливаются всякія

¹⁾ Ib. p. 82—83.

²⁾ Ib., p. 87—88.

³⁾ Ib., p. 202—203.

связи и отношенія между объектами. Мы не знаемъ дѣйствительной связи между вещами,—намъ только извѣстно, что идея одной вещи ассоціируется съ идеей другой вещи и что, благодаря воображенію, дѣлается очень легкимъ переходъ отъ одной вещи къ другой. Но такъ какъ этотъ легкий переходъ идей и такой же переходъ эмоцій взаимно помогаютъ другъ другу, то мы уже заранѣе должны ожидать, что этотъ принципъ долженъ имѣть могущественное вліяніе на наши внутреннія движенія и эмоціи ¹⁾.

Эта роль воображенія съ особенною силою вскрывается, по мнѣнію Юма, въ воздѣйствіи на насъ краснорѣчія или вообще мнѣнія другого лица, разъ это мнѣніе соединяется со страстью. Такъ мы можемъ и безъ краснорѣчія убѣдить себя въ томъ, что извѣстные предметы должны имѣть цѣну для насъ, а другіе—только достойны отверженія. Но пока ораторъ не воздѣйствуетъ на наше воображеніе и не придастъ силы соотвѣтствующимъ идеямъ, тѣ могутъ имѣть только слабое вліяніе на волю и эмоціи. Равнымъ образомъ, простое мнѣніе лица, если оно усилено страстью, можетъ оказать на насъ такое вліяніе со стороны идей добра и зла, которое не могло бы имѣть мѣста при отсутствіи этого условія. Главная роль въ этомъ случаѣ принадлежитъ, по мнѣнію Юма, симпатіи, или своеобразному эмоциональному общенію, гдѣ и наблюдается превращеніе идеи въ впечатлѣніе силою воображенія ²⁾.

Въ этой послѣдней фразѣ уже заключается упоминаніе о принципѣ симпатіи, которому Юмъ также приписываетъ громадное значеніе въ процессѣ возникновенія и теченія эмоцій, но объ этомъ мы скажемъ нѣсколько ниже, а теперь нѣсколько остановимся на выясненіи роли пространственныхъ и временныхъ отношеній въ связи съ дѣятельностью воображенія.

Вліяніе отношеній пространства и времени сказывается на дѣятельности нашего воображенія въ томъ, что вообра-

¹⁾ Dissertation on the passions, p. 160—161.

²⁾ Treatise, II, p. 204—5.

женіе дѣйствуетъ съ меньшею интенсивностью по мѣрѣ увеличенія разстоянія (въ пространствѣ или во времени) между самимъ лицомъ и тѣми объектами, на которые направляется эта дѣятельность въ извѣстный моментъ. Этотъ фактъ объясняется, по мнѣнію Юма, тѣмъ обстоятельствомъ, что, при значительныхъ разстояніяхъ, нашей душѣ приходится въ процессѣ своей дѣятельности захватывать цѣлый рядъ предметовъ, на воспріятіе которыхъ какъ бы разсѣивается наша энергія, такъ какъ въ это время требуется сосредоточеніе, хотя и не продолжительное, на этихъ промежуточныхъ вещахъ. Благодаря этому получается идея прерывистости въ теченіи нашихъ психическихъ процессовъ, и самое воспріятіе отдаленнаго объекта не бываетъ столь яркимъ и интенсивнымъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ отношеніи болѣе близкихъ предметовъ. Этимъ объясняется, по мнѣнію Юма, то обстоятельство, что люди больше интересуются близкимъ къ нимъ (во времени или въ пространствѣ), чѣмъ отдаленнымъ. Разбитое зеркало у себя въ домѣ можетъ больше привлечь къ себѣ вниманія, чѣмъ пожаръ дома за нѣсколько миль ¹⁾. Далѣе, мы знаемъ, что увеличеніе разстоянія въ пространствѣ имѣетъ меньшее вліяніе на воображеніе, чѣмъ увеличеніе промежутковъ во времени. Иначе сказать, наша эмоціональная жизнь въ своемъ теченіи зависитъ гораздо больше отъ измѣненій въ условіяхъ времени, чѣмъ въ условіяхъ пространства. Это различіе объясняется особымъ характеромъ нашихъ представленій пространства и времени. Пространство мы представляемъ себѣ какъ рядъ частичекъ, существующихъ вмѣстѣ или совместно и расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ, благодаря чему мы можемъ сразу обнять своимъ взоромъ весь этотъ рядъ. Вслѣдствіе этого же дѣятельность воображенія дѣлается болѣе легкой и плавной, и мы не испытываемъ значительныхъ затрудненій при воспріятіи болѣе увеличенныхъ пространственныхъ частей. Что же касается воспріятія времени, то

¹⁾ Treatise, II, p. 205—207.

мы въ каждый данный моментъ воспринимаемъ только строго опредѣленную часть извѣстнаго временнаго ряда, и всякая новая часть можетъ сдѣлаться достояніемъ нашего воспріятія не прежде, чѣмъ выйдетъ изъ сферы нашего сознанія предшествующій моментъ времени. Въ силу этого получается своеобразный перерывъ въ нашей мысли, который даетъ знать о себѣ и соотвѣтственнымъ чувствомъ ¹⁾). Наконецъ, что касается различія временныхъ отношеній, которыя относятся къ будущему, отъ тѣхъ, которыя имѣютъ дѣло съ прошедшимъ, то это увеличеніе разстоянія во времени съ гораздо большею силою сказывается на послѣднемъ, чѣмъ на первомъ: мы находимся въ гораздо большемъ затрудненіи, если приходится нашему воображенію увеличивать разстояніе въ прошедшемъ, чѣмъ въ будущемъ. Это обстоятельство имѣетъ для себя причину въ томъ, что направленіе мыслей къ будущему болѣе соотвѣтствуетъ естественному направленію событій, поскольку въ фактахъ нашего воспріятія они существуютъ какъ настоящія, являясь болѣе тѣсно связанными съ будущимъ. Обращеніе же своего взора въ прошлое требуетъ гораздо большаго напряженія, и это обстоятельство находитъ свое отраженіе и въ своеобразномъ чувствѣ усилія, которое наблюдается при воспріятіи увеличенныхъ промежутковъ прошлаго времени ²⁾). Мы не будемъ входить въ подробности дальнѣйшихъ объясненій, которыя приводитъ Юмъ какъ для уясненія этого послѣдняго факта, такъ и для истолкованія другихъ аналогичныхъ явленій, какъ напр., почему, благодаря разстоянію, увеличивается наше уваженіе къ предмету, почему это чувство усиливается больше въ связи съ увеличеніемъ разстоянія во времени, чѣмъ въ пространствѣ и т. п. Всѣ эти объясненія очень напоминаютъ только что изложенныя соображенія Юма и имѣютъ свое конечное основаніе въ своеобразномъ представленіи этого мыслителя о природѣ пространственныхъ и временныхъ отношеній.

¹⁾ *Иб.*, р. 207.

²⁾ *Иб.*, р. 207—208.

Прежде чѣмъ выяснять громадное значеніе явленія симпатіи въ актахъ эмоціональной жизни, мы должны отмѣтить роль еще одного основного фактора въ жизни эмоцій, которому Юмъ придаетъ столь большое значеніе и при анализѣ интеллектуальной дѣятельности, въ связи съ выясненіемъ природы причиннаго умозаключенія. Факторъ этотъ привычка—въ широкомъ, біологическомъ смыслѣ слова.

Роль привычки, въ отношеніи эмоціональной сферы, обнаруживается, по мнѣнію Юма, въ двухъ формахъ: благодаря привычкѣ достигается бѣльшая легкость въ совершеніи извѣстнаго дѣйствія и, въ связи съ этимъ создается, тенденція или наклонность дѣйствовать именно въ опредѣленномъ направленіи. Если нашей душѣ приходится совершать какое-либо дѣйствіе или просто воспринимать какой-либо объектъ, въ отношеніи которыхъ у нея еще не образовалось привычки, то въ этомъ случаѣ замѣчается какъ бы нѣкоторая негибкость въ самыхъ способностяхъ и констатируется затрудненіе для самой жизненной энергіи („жизненныхъ духовъ“) двигаться въ этомъ новомъ направленіи. Такъ какъ здѣсь имѣетъ мѣсто упомянутое возбужденіе жизненной энергіи, то это обстоятельство порождаетъ чувство неожиданности, удивленія и вообще вызываетъ цѣлый рядъ волненій, проистекающихъ отъ воспріятій новизны. Эти волненія обычно носятъ пріятный для насъ характеръ, но они могутъ усиливать и непріятное настроеніе, разъ послѣднее уже имѣло мѣсто до появленія новой эмоціи. Во всякомъ случаѣ всякая новая вещь производитъ на насъ бѣлье сильное впечатлѣніе и доставляетъ намъ больше удовольствія или страданія, чѣмъ вещь, постоянно принадлежащая намъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы уже не испытываемъ впечатлѣній новизны, не переживаемъ никакихъ волненій и не получаемъ чисто тѣлесныхъ возбужденій, а смотримъ на предметы съ гораздо большимъ спокойствіемъ ¹⁾. Благодаря повторному дѣйствію извѣстныхъ возбужденій въ нашей душѣ

¹⁾ *Иб.*, р. 201.

возникаетъ ощущение легкости, которое является другимъ очень могущественнымъ источникомъ удовольствія, если только это ощущение не переходитъ извѣстной границы. Это удовольствіе обуславливается не столько возбужденіемъ общей жизненной энергіи, сколько равномернымъ распределеніемъ этой энергіи, и однако наблюдающееся при этомъ движеніе иногда бываетъ столь сильнымъ, что обращаетъ страданіе въ удовольствіе и заставляетъ насъ находить вкусъ въ томъ, что прежде казалось терпкимъ и неприятнымъ. Но, подобно тому, какъ, вслѣдствіе упомянутаго ощущенія легкости, страданіе превращается въ удовольствіе, такъ и удовольствіе переходитъ въ страданіе, когда это ощущение является слишкомъ сильнымъ, ослабляя при этомъ настолько активность духа, что въ насъ уже больше не возбуждается интересъ къ этимъ предметамъ. Поэтому намъ становятся неприятными, благодаря привычкѣ, только тѣ вещи, которыя по самой природѣ своей сопровождаются нѣкоторымъ чувствомъ, ослабѣвающимъ отъ повторенія. Мы можемъ подолгу смотрѣть на облака, деревья, камни, не испытывая чувства отвращенія. Но если красивая женщина, или музыка, или хорошее настроеніе, или что-либо другое, что по самой природѣ своей должно быть пріятнымъ, перестаетъ интересоваться насъ и становится для насъ безразличнымъ, то у насъ легко возникаетъ эмоція, противоположная прежнему влеченію къ этимъ предметамъ ¹⁾.

При выясненіи роли воображенія въ явленіяхъ эмоціо-
нальной жизни мы уже упоминали, что эта душевная дѣ-
ятельность находится въ тѣсной связи съ той формой пси-
хическихъ переживаній, которая извѣстна подъ именемъ
симпатіи. Анализу процессовъ, обнимаемыхъ этимъ назва-
ніемъ, Юмъ посвящаетъ очень много мѣста въ своемъ
„Трактатѣ“, считая эти процессы какъ бы центральными
въ общей суммѣ эмоціо-нальной жизни и имѣющими гро-

¹⁾ *Ib.*, p. 201—202.

мадное значеніе для выясненія самаго существа моральной дѣятельности. Какъ мы сейчасъ увидимъ, Юмъ не смотритъ на симпатію какъ только на отдѣльную или изолированную форму чувства,—наоборотъ, онъ видитъ въ симпатіи болѣе универсальный принципъ, помогающій понять намъ многія, на первый разъ какъ бы совершенно необъединенныя проявленія въ жизни эмоцій.

Нѣтъ ни одного свойства въ человѣческой природѣ, говоритъ Юмъ, столь замѣчательнаго и самого по себѣ, и по своимъ послѣдствіямъ, какъ эта склонность симпатизировать другимъ и получать, черезъ общеніе съ ними, ихъ расположенія и чувства, иногда отличныя или даже противоположныя тѣмъ, которыя мы испытываемъ въ данный моментъ. Это приложимо не только къ дѣтямъ, которыя до вѣрчиво относятся ко всему, сообщаемому имъ, но и къ взрослымъ людямъ—даже съ сильно развитымъ интеллектомъ, которые часто испытываютъ сильное затрудненіе въ томъ, чтобы слѣдовать указаніямъ своего разсудка, если при этомъ получается разладъ съ настроеніемъ ихъ друзей. Этимъ принципомъ, по мнѣнію Юма, объясняется и то единообразіе, которое мы замѣчаемъ въ общемъ природномъ складѣ и способѣ мысли у людей, принадлежащихъ къ одной и той же націи. Ненависть, раскаяніе, уваженіе, любовь, веселое или печальное настроеніе,—всѣ эти эмоціи возникаютъ гораздо чаще на почвѣ общенія съ другими людьми, чѣмъ на почвѣ только личнаго природнаго расположенія ¹⁾.

Основаніе для чувства симпатіи коренится, по мнѣнію Юма, въ томъ общемъ сходствѣ, которое замѣчается между всѣми людьми, поскольку мы никогда не наблюдаемъ въ другихъ людяхъ такой эмоціи, которая не имѣла бы параллели, въ той или другой степени, въ насъ самихъ. Несмотря на многочисленныя различія, наблюдаемыя между людьми, мы всегда можемъ констатировать элементы сход-

¹⁾ Иб., р. 111.

ства среди этого разнообразія, и, благодаря именно этому сходству, мы можемъ входить въ чувства другихъ и усваивать ихъ легко и съ удовольствіемъ. Поэтому тамъ, гдѣ, вмѣстѣ съ сходствомъ нашихъ натуръ въ общихъ свойствахъ, есть еще специальное сходство въ манерахъ, характерѣ, мѣстности, языкѣ,—тамъ, благодаря всему этому, облегчается возникновеніе чувства симпатіи. Чѣмъ тѣснѣе отношеніе между нами самими и какимъ-либо объектомъ, тѣмъ легче воображеніе дѣлаетъ переходъ къ соотвѣтствующей идеѣ и сообщаетъ ему живость воспріятія, при помощи котораго мы всегда образуемъ идею о нашей собственной личности ¹⁾.

Юмъ далѣе особенно настойчиво подчеркиваетъ этотъ процессъ перехода идеи въ впечатлѣніе, въ каковомъ процессѣ онъ видитъ самую существенную черту переживанія, которое мы называемъ симпатіей. „Когда, говоритъ Юмъ, мы симпатизируемъ эмоціямъ и чувствамъ другихъ людей, то переживаемые нами процессы возникаютъ въ *нашемъ* духѣ прежде всего только какъ идеи, и мы понимаемъ ихъ принадлежность всякому другому лицу точно такъ же, какъ это мы утверждаемъ относительно всякаго другого факта. Очевидно, идеи эмоцій, переживаемыхъ другими лицами, превращаются въ настоящія впечатлѣнія, отпечатками которыхъ онѣ являются, и эмоціи возникаютъ въ согласіи съ образами, которые мы составляемъ относительно нихъ ²⁾.

Такимъ образомъ, въ симпатіи имѣетъ мѣсто переходъ идей въ впечатлѣніе ³⁾. Поэтому и самую симпатію Юмъ въ одномъ мѣстѣ опредѣляетъ прямо какъ процессъ превращенія идеи въ впечатлѣніе силою воображенія ⁴⁾.

Благодаря этому своеобразному свойству человѣческой природы души людей являются какъ бы зеркалами въ отношеніи другъ друга—не только потому, что одна душа про-

¹⁾ *Иб.*, р. 112.

²⁾ *Иб.*, р. 113.

³⁾ *Иб.*, р. 113—114.

⁴⁾ *Иб.*, р. 125.

сто отражаетъ эмоціи другой, но и потому, что лучи аффектовъ, чувствъ, мнѣній могутъ подвергаться обратному отраженію. Такъ, удовольствіе, которое испытываетъ богатый человѣкъ отъ своего богатства, путемъ воздѣйствія на зрителя можетъ и въ послѣднемъ пробуждать чувство удовольствія и уваженія. Эти чувства посторонняго человѣка, будучи восприняты, путемъ симпатій, богачомъ, усиливаютъ и его удовольствіе, и въ свою очередь, подвергшись дальнѣйшему отраженію, дѣлаются новымъ источникомъ удовольствія и уваженія для зрителя ¹⁾).

Это чувство симпатіи служить, по мнѣнію Юма, основою и тѣхъ общественныхъ тенденцій, которыя являются изначальными задатками человѣческой природы. Благодаря такимъ первичнымъ стремленіямъ къ жизни сообща образуются общественныя соединенія какъ въ мірѣ животныхъ, такъ въ мірѣ людей, независимо отъ тѣхъ практическихъ выгодъ, которыя можетъ доставить такое объединенное существованіе. По мнѣнію Юма, мы не можемъ имѣть ни одного желанія, которое не имѣло бы отношенія къ обществу. Полная изолированность или отъединенность можетъ считаться для насъ величайшимъ наказаніемъ. Каждое удовольствіе ослабѣваетъ въ своей силѣ, если только оно переживается наединѣ, и всякое страданіе дѣлается при этомъ болѣе жестокимъ и нестерпимымъ. Какія бы страсти ни владѣли нами, будетъ ли это гордость, честолюбіе, скупость, любопытство, мщеніе, страсть къ наслажденіямъ,—душою всѣхъ ихъ является симпатія, и всѣ онѣ не имѣли бы никакой силы, если бы мы всецѣло абстрагировались отъ мыслей и чувствъ, испытываемыхъ другими людьми ²⁾).

„Пусть,—заключаетъ Юмъ не безъ нѣкотораго паэоса,—всѣ силы и элементы природы согласятся служить и повиноваться одному человѣку, пусть солнце восходитъ и заходитъ по его приказанію, пусть море и рѣки текутъ какъ ему угодно, пусть земля добровольно производитъ все по-

¹⁾ Ib., p. 152.

²⁾ Ib., p. 150.

лезное и пріятное для него: человекъ этотъ будетъ несчастенъ до тѣхъ поръ, пока вы не дадите ему, по крайней мѣры, одно лицо, съ которымъ онъ могъ бы раздѣлить свое счастье, съ которымъ его связывали бы пріятныя чувства дружбы и уваженія“ ¹⁾).

Универсальность чувства симпатіи подтверждается, по мнѣнію Юма, фактомъ существованія этого чувства въ мірѣ животныхъ. Страхъ, гнѣвъ и другія эмоціи часто сообщаются отъ одного животнаго къ другому, при чемъ у насъ нѣтъ основанія думать, что животнымъ извѣстна причина, вызвавшая первоначальную эмоцію. Печаль или страданіе воспринимается у животныхъ на почвѣ симпатіи, влечетъ тѣ же самыя послѣдствія и вызываетъ тѣ же самыя эмоціи, которыя возникаютъ въ подобномъ случаѣ и у насъ. Такъ вой одной собаки, вызываемый какимъ-либо страданіемъ, находитъ столь замѣтный откликъ въ ея собратяхъ. Это чувство симпатіи констатируется также въ играхъ животныхъ, когда животныя, повидимому, опасаются причинить болевья ощущенія другъ къ другу, хотя въ этомъ случаѣ они пользуются своими обычными орудіями нападенія и защиты ²⁾).

VI.

Мы уже знаемъ, что Юмъ раздѣляетъ всѣ аффекты на двѣ главныя категоріи: аффекты прямыя или непосредственныя и аффекты косвенныя или посредственныя. Изъ прямыхъ или непосредственныхъ аффектовъ Юмъ съ особенною обстоятельностью анализируетъ чувства страха и надежды, каковыя эмоціи являются, по мнѣнію Юма, смѣшанными, возникая въ связи съ вѣроятнымъ ожиданіемъ хорошаго или дурного. Впрочемъ, этотъ принципъ „вѣроятнаго“ или степеней вѣроятности имѣетъ отношеніе къ выясненію природы и другихъ эмоцій. Такъ, напр., радость, по мнѣнію Юма, возникаетъ въ томъ случаѣ, если у насъ

¹⁾ *Иб.*, р. 150.

²⁾ *Иб.*, р. 180.

есть увѣренность въ хорошемъ или когда хорошее налицо. Если же для насъ столь же несомнѣннымъ является дурное, то у насъ возникаетъ печаль или скорбь ¹⁾. Отсюда и самое состояніе вѣроятности или извѣстнаго колебанія сначала изображается Юмомъ въ отношеніи эмоциональной жизни вообще. Это состояніе возникаетъ благодаря столкновенію противоположныхъ шансовъ, которые являются въ данномъ случаѣ причинами извѣстнаго явленія. Именно здѣсь наблюдается колебаніе нашего духа—будетъ ли это умъ или воображеніе, ибо pro и contra извѣстнаго явленія попеременно удерживаютъ въ своей власти нашъ духъ, и послѣдній не можетъ принять опредѣленнаго рѣшенія въ ту или другую сторону. Такимъ образомъ порождается то состояніе неувѣренности, которое является, между прочимъ, столь типичнымъ для эмоціи страха ²⁾. Этотъ актъ колебанія можно иллюстрировать анализомъ процесса возникновенія эмоцій радости и печали. Такъ, если объектъ, относительно котораго мы сомнѣваемся, вызываетъ извѣстное влеченіе или отвращеніе, то душа, поскольку она въ опредѣленный моментъ будетъ направляться въ ту или другую сторону, будетъ, соотвѣтственно этому, испытывать впечатлѣнія или радости или печали. Здѣсь, слѣдовательно, получается состояніе удовлетворенности или неудовлетворенности, и сердце наше здѣсь такъ же какъ бы раздѣляется между двумя противоположными эмоціями, какъ это раздѣленіе или раскалываніе между противоположностями мы замѣчаемъ и въ отношеніи ума ³⁾. Несомнѣнно, въ этомъ процессѣ колебанія принадлежитъ большая роль нашему воображенію, которое въ данномъ случаѣ приходитъ въ соприкосновеніе съ эмоциональною сферой, при чемъ болѣе подвижная работа воображенія здѣсь сталкивается съ своеобразной инерціей эмоціи. Въ этомъ смыслѣ душу человѣческую, по мнѣнію Юма, можно сравнить съ музыкаль-

1) Dissertation on the passions, p. 139.

2) *Ib.*, p. 140; Treatise, II, p. 216.

3) Dissertation on the passions, p. 140; Treatise, II, p. 216.

нымъ инструментомъ—но только не съ духовымъ, гдѣ звукъ прекращается, лишь только перестаютъ дуть въ инструментъ, а съ инструментомъ струннымъ, гдѣ вибраціи имѣютъ мѣсто и послѣ удара, обусловливая такимъ образомъ явленіе постепеннаго замиранія звуковъ. Воображеніе, продолжаетъ Юмъ, крайне живо и подвижно, а эмоціи, въ сравненіи съ нимъ, медленны и стойки по своему теченію; поэтому, лишь только налицо предметъ, вызывающій разнообразныя точки зрѣнія въ отношеніи воображенія и эмоцій, то хотя воображеніе можетъ быстро перейти отъ одного взгляда къ другому, однако каждый ударъ не дастъ ясной и раздѣльной ноты эмоціи, но одна эмоція всегда соединится и какъ бы смѣшается съ другой. Сообразно тому, насколько вѣроятность клонится въ сторону хорошаго или дурного, является преобладающею въ данномъ сложномъ процессѣ эмоція или радости или печали, и эти эмоціи, вслѣдствіе присоединенія сюда противоположныхъ точекъ зрѣнія со стороны воображенія, вызываютъ эмоціи надежды и страха ¹⁾. Эмоціи страха и надежды могутъ возникнуть тогда, когда одинаковы шансы съ обѣихъ сторонъ и нѣтъ превосходства ни съ той, ни съ другой стороны. Въ такомъ случаѣ эмоціи по большей части не бываютъ рѣзко выраженными и не завладѣваютъ всею душою, такъ что послѣдняя вполнѣ естественно испытываетъ состояніе колебанія и какъ бы бросается отъ одного предмета къ другому. Если въ это время бросить нашъ духъ въ сторону печали, то сразу же обнаруживается дѣйствіе этой эмоціи на все сложное состояніе, которое и окрашивается чувствомъ печали. Если продолжается увеличеніе вѣроятности въ этомъ послѣднемъ направленіи, будетъ постепенно увеличиваться и эмоція страха, пока, по мѣрѣ постепеннаго уменьшенія радости, не перейдетъ въ чистую печаль. Если теперь подобнымъ же образомъ уменьшить чувство печали, то настроеніе будетъ постепенно проясняться,

) Dissertation on the passions, p. 140; Treatise, p. 216—214.

пока не перейдетъ въ надежду. Эта послѣдняя эмоція можетъ, по мѣрѣ увеличенія соотвѣтственной вѣроятности, постепенно перейти въ радость. Все это, по мнѣнію Юма, можетъ служить доказательствомъ того, что эмоціи страха и надежды имѣютъ сложный или составной характеръ, и эта сложность обнаруживается путемъ своеобразнаго эксперимента (уменьшенія или увеличенія вѣроятности), подобно тому какъ пропусканіе солнечнаго луча черезъ призму вскрываетъ сложную природу этого луча ¹⁾.

Итакъ, надежда и страхъ порождаются своеобразнымъ состояніемъ вѣроятности, ибо вслѣдствіе этого состоянія возникаютъ тѣ черты колебанія и нерѣшительности, которыя являются столь типичными для этихъ эмоцій. Но эти эмоціи могутъ появиться и при отсутствіи этихъ переживаній колебанія, обусловленныхъ опредѣленными степенями вѣроятности. Такъ, и непріятность только возможная, если еще не выступаетъ на сцену вопросъ о степеняхъ вѣроятности, можетъ порождать страхъ, особенно если эта непріятность очень близка. Человѣкъ не можетъ безъ трепета думать о чрезмѣрныхъ страданіяхъ отъ пытки, если даже рискъ подвергнуться этимъ страданіямъ низведенъ до минимума. Такимъ образомъ, здѣсь малая степень вѣроятности компенсируется огромностью предстоящаго несчастья. Мало того, даже зло или несчастье, которое относится къ разряду невозможнаго, въ состояніи причинить намъ страхъ. Такъ мы можемъ испытывать трепеть, находясь на краю пропасти, хотя мы знаемъ, что мы въ безопасности и что сдѣлать шагъ впередъ зависитъ только отъ насъ самихъ. Въ данномъ случаѣ непосредственная близость непріятнаго вліяетъ на воображеніе и создаетъ настроеніе своеобразной вѣры въ возможность несчастья; но затѣмъ, благодаря возникающей при этомъ мысли о нашей безопасности, вѣра эта утрачивается, уступая мѣсто упомянутой своеобразной эмоціи ²⁾. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія

1) Dissertation on the passions, p. 140—141; Treatise, II, p. 219.

2) Dissertation on the passions, p. 141—142; Treatise, II, p. 219—220.

подробности Юмовскаго анализа чувства страха,—скажемъ только, что, на почвѣ изложенныхъ принциповъ, по мнѣнію Юма, можетъ быть объяснено и такое явленіе изъ эмоціональной сферы, которое на первый разъ кажется очень страннымъ. Юмъ разумѣетъ здѣсь переходъ изумленія въ страхъ или вообще испугъ отъ неожиданности. Это явленіе, конечно, не можетъ быть объяснено простымъ предположеніемъ, что человѣческая природа по самой своей сущности является робкой и трусливой,—здѣсь нужно болѣе сложное объясненіе. Именно внезапность и новизна явленія естественно возбуждаетъ смятеніе въ нашей душѣ, подобно всякой другой необычной для насъ вещи. Это возбужденіе вызываетъ, въ свою очередь, чувство любопытства или стремленіе узнать новый предметъ, каковое чувство, будучи очень рѣзкимъ и сильнымъ, благодаря внезапному и стремительному импульсу со стороны объекта, дѣлается неприятнымъ и похожимъ въ своемъ колебаніи и неувѣренности на чувство страха или смѣшанныхъ эмоцій печали и радости. Этотъ сначала только образъ страха естественно обращается въ самую вещь, доставляя намъ реальное опасеніе неприятности, такъ какъ наша душа всегда образуетъ свои сужденія больше подъ вліяніемъ своего наличнаго настроенія, чѣмъ подъ вліяніемъ природы дѣйствующихъ на нее объектовъ ¹⁾.

Такимъ образомъ, всѣ виды неувѣренности имѣютъ тѣсную связь съ чувствомъ страха, даже если въ этомъ случаѣ и не наблюдается столкновенія эмоцій. Такъ, если мы, уѣзжая куда-либо, оставляемъ своего друга въ болѣзни, то мы должны чувствовать относительно него безпокойство въ гораздо большей степени, чѣмъ если бы мы были съ нимъ, хотя, быть можетъ, наше присутствіе было бы, по существу его болѣзни, совершенно бесполезно. Хотя въ этомъ случаѣ мы находимся одинаково въ неувѣренности относительно главнаго объекта эмоціи, т.-е. жизни или

¹⁾ Treatise, II, p. 221.

смерти нашего друга, однако есть множество мелких обстоятельствъ въ положеніи нашего друга, знаніе которыхъ фиксируетъ идею и предупреждаетъ это колебаніе и неувѣренность, столь близкія страху. Далѣе, даже одно состояніе сомнѣнія можетъ породить эту эмоцію, хотя бы здѣсь шла рѣчь о пріятномъ и желательномъ для насъ. Такъ новобрачная въ первую ночь идетъ къ своему ложу полная страховъ и опасеній, хотя она ничего не ожидаетъ, кромѣ удовольствій высшаго типа, о которыхъ она давно мечтала. Но, заключаетъ Юмъ, „новизна и величіе событія, смѣсь желаній и радостей приводятъ ея душу въ такое смятеніе, что она не знаетъ, на какомъ чувствѣ ей остановиться; отсюда происходитъ колебаніе или неустойчивость настроенія, каковыя чувства, будучи въ нѣкоторой степени непріятными, вырождаются въ страхъ“¹⁾.

Что касается смѣшенія чувствованій, о которомъ много говоритъ Юмъ и которому онъ придаетъ большое значеніе въ общей экономіи эмоціональной жизни, то этотъ процессъ имѣетъ мѣсто при особыхъ условіяхъ. Такъ, если эмоціи появляются въ связи съ воздѣйствіемъ объектовъ, совсѣмъ не связанныхъ между собою, то между ними не можетъ быть постояннаго смѣшенія, и онѣ протекаютъ въ порядкѣ послѣдовательности. Если человѣкъ въ одно и то же время удрученъ проигрышемъ процесса и обрадованъ рожденіемъ сына, то душа, какъ бы быстро она ни перебѣгала отъ одного предмета къ другому, отъ непріятнаго къ пріятному, едва ли можетъ растворить одно чувство въ другомъ и сама остаться между ними въ состояніи безразличія. Но душа болѣе легко достигаетъ спокойнаго состоянія, если переживаемое чувство представляетъ собою смѣсь пріятнаго и непріятнаго, ибо соединеніе этихъ противоположностей можетъ повести къ временному уничтоженію яркихъ эмоціональных переживаній и можетъ содѣйствовать такимъ образомъ появленію болѣе спокойнаго душевнаго со-

1) Treatise, II, p. 221—222; Dissertation on the passions, p. 142—143.

стоянія. Но если, далѣе, объектъ не является сложнымъ соединеніемъ хорошаго и дурного, а просто разсматривается какъ вѣроятный или невѣроятный, въ какой бы то ни было степени, то въ этомъ случаѣ противоположныя эмоціи будутъ одновременно находиться въ нашей душѣ и, вмѣсто взаимнаго разрушенія или растворенія, будутъ существовать вмѣстѣ, а изъ этого соединенія возникнетъ уже новое душевное переживаніе—страхъ или надежда ¹⁾. Это взаимное отношеніе эмоцій можетъ быть иллюстрировано, по мнѣнію Юма, слѣдующими сравненіями. Эмоціи противоположнаго характера, гдѣ объекты всецѣло различны, могутъ быть уподоблены двумъ различнымъ жидкостямъ, которыя находятся въ двухъ не сообщающихся между собою сосудахъ. Если объекты внутренно связаны между собою, то возникающія при этомъ эмоціи подобны щелочи и кислотѣ, которыя, будучи смѣшаны, разрушаютъ другъ друга. Если же отношеніе имѣетъ болѣе несовершенный характеръ и выражается въ противорѣчивыхъ взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ, то эмоціи въ этомъ случаѣ похожи на смѣсь изъ уксуса и масла, гдѣ смѣшиваемые элементы не проникаютъ другъ въ друга и не составляютъ новаго соединенія, какъ чего-то вполнѣ цѣльнаго ²⁾.

VII.

Что касается косвенныхъ или посредственныхъ эмоцій, то Юмъ болѣе подробно останавливается на анализѣ такихъ чувствованій, какъ гордость и смиреніе, любовь и ненависть и нѣкоторыя производныя отъ нихъ эмоціи.

Гордость Юмъ опредѣляетъ какъ своеобразное удовлетвореніе нами же самими, возникающее въ связи съ сознаниемъ присущихъ намъ—совершенства или силы. Смиреніе или униженіе есть неудовлетворенность нами самими, благодаря какому-либо недостатку или слабости. Любовь или

¹⁾ Treatise, II, p. 217—218; Dissertation on the passions, p. 143..

²⁾ Treatise, II, p. 218—219; Dissertation on the passions, p. 143..

дружба представляют собою чувство расположенія къ другому лицу или на почвѣ признанія его совершенства или въ связи съ услугами съ его стороны. Ненависть есть эмоція, противоположная этому чувству¹⁾.

Во всѣхъ этихъ эмоціяхъ мы можемъ наблюдать ясное различіе между объектомъ эмоціи и ея причиной. Такъ объектомъ гордости и униженія являемся мы сами, причиной эмоціи служить—нѣкоторое превосходство въ первомъ случаѣ и нѣкоторый недостатокъ—въ второмъ. Объектомъ любви и ненависти является нѣкоторое другое лицо, причинами—какое-либо превосходство или какіе-либо недостатки. Если обобщить причины этихъ эмоцій, то можно сказать, что причинами здѣсь является то, что возбуждаетъ эмоцію, объектомъ же—то, на что душа направляетъ свое вниманіе во время возбужденія эмоціи. Напримѣръ, гордость можетъ возбуждаться благодаря нашимъ достоинствамъ и заслугамъ, и существеннымъ моментомъ въ данномъ случаѣ является обращеніе нашего взора на самихъ себя въ связи съ переживаніемъ чувства удовольствія или удовлетворенности²⁾.

Для уясненія природы этихъ эмоцій громадное значеніе имѣютъ различные виды ассоціацій, о чемъ у насъ уже была рѣчь при анализѣ общихъ условій эмоціональной жизни.

Далѣе, въ процессѣ возникновенія упомянутыхъ чувствованій, особенно эмоцій гордости и смиренія, большая роль принадлежитъ различнаго рода отношеніямъ идей. Такъ все, чѣмъ мы гордимся, въ нѣкоторомъ смыслѣ принадлежитъ намъ. Это—всегда *наше* знаніе, *наше* чувство, *наши*—красота, имущество, семья. Сами мы, которые въ данномъ случаѣ являемся объектомъ эмоціи, должны имѣть отношеніе къ какому-либо качеству или обстоятельству, которое служитъ причиной эмоціи. Между этимъ объектомъ и причиной должна быть связь, долженъ быть легкій переходъ на почвѣ воображенія или легкость пониманія при пере-

1) Dissertation on the passions, p. 144.

2) Ib., p. 144.

ходѣ отъ объекта къ причинѣ. Гдѣ этой связи нѣтъ, ни одинъ объектъ не можетъ возбуждать гордости или униженія, и если эта связь существуетъ, то по мѣрѣ ея ослабленія слабѣетъ и сама эмоція ¹⁾.

Затѣмъ, Юмъ указываетъ цѣлый рядъ „обстоятельствъ“ или „качествъ“, въ связи съ которыми возбуждаются эмоціи гордости и смиренія. Здѣсь онъ, прежде всего, называетъ явленіе красоты и безобразія, поскольку красивое и некрасивое являются субъективными качествами и могутъ именно у насъ возбуждать упомянутыя эмоціи ²⁾. Затѣмъ имъ отмѣчается большое значеніе собственности, какъ одного изъ важнѣйшихъ факторовъ при пробужденіи названныхъ эмоцій ³⁾. Наконецъ, Юмъ указываетъ цѣлый рядъ специальныхъ условій въ отношеніи объектовъ, въ связи съ которыми возникаютъ характеризуемая имъ эмоція. Это, прежде всего, очевидность объектовъ и легкость ихъ воспріятія, благодаря чему гораздо легче и скорѣе является чувство одобренія въ другихъ лицахъ. Затѣмъ, однимъ изъ этихъ условій является постоянство и устойчивость объекта: что носить случайный и слишкомъ преходящій характеръ, то даетъ мало удовлетворенія и съ трудомъ вызываетъ пріятное чувство гордости. Далѣе, объекты, вызывающіе эти эмоціи, должны быть общими у насъ только съ немногими другими лицами. Поэтому у насъ не можетъ возникать чувство гордости при обладаніи такими предметами, которыми могутъ пользоваться очень многіе. Таковы—свѣтъ солнца, хорошая погода, счастливый климатъ и т. п. Наконецъ, послѣднимъ условіемъ въ данномъ случаѣ являются такъ называемыя „общія правила“, при помощи которыхъ мы составляемъ понятіе о различныхъ рангахъ людей, согласно силѣ ли и богатству, которыми они обладаютъ. Вліяніе этихъ общихъ правилъ объясняетъ очень многое въ механизмѣ возникновенія и теченія аффектовъ. Если бы человекъ вы-

¹⁾ *Иб.*, р. 146.

²⁾ *Иб.*, р. 148.

³⁾ *Иб.*, р. 150.

рось въ другихъ условіяхъ или совершенно въ другомъ мірѣ и если бы онъ сразу былъ перенесенъ въ наше общество, то онъ, при соприкосновеніи съ разными явленіями, естественно долженъ былъ бы испытывать сильное колебаніе въ своихъ чувствахъ, не рѣшаясь сразу стать на сторону опредѣленной эмоціи. Привычкѣ и здѣсь принадлежитъ очень большая роль, поскольку на почвѣ ея вырабатывается извѣстный масштабъ, которымъ мы пользуемся при установленіи своеобразнаго эмоціональнаго отношенія къ разнообразнымъ явленіямъ¹⁾.

Этотъ анализъ эмоціи гордости и смиренія имѣетъ приложение, по мнѣнію Юма, къ другимъ косвеннымъ эмоціямъ, и въ частности—къ чувствамъ любви и ненависти, съ тѣмъ только различіемъ, что объектомъ въ данномъ случаѣ является уже другое лицо, а не мы сами. Затѣмъ, существенное отличіе любви и ненависти отъ гордости и смиренія заключается въ томъ, что эмоціи перваго рода характеризуются присутствіемъ въ большей степени активнаго элемента, поскольку тѣ вызываютъ вліяніе или отвращеніе и поэтому часто сопровождаются чувствами благожелательности или злобности (разумѣется желаніе блага любимому лицу и желаніе зла—ненавидимому²⁾).

Изъ эмоцій, родственныхъ только что охарактеризованнымъ, Юмъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній относительно чувствъ — состраданія, недоброжелательности и зависти, презрѣнія и отвращенія.

Состраданіе можетъ возникнуть и въ томъ случаѣ, если раньше мы не питали дружественныхъ чувствъ въ отношеніи того лица, которое въ данный моментъ вызываетъ наше сочувствіе. Это чувство можетъ явиться въ связи съ яснымъ и яркимъ представленіемъ страданій другого лица, поскольку въ этомъ оживленіи идеи главная роль принадлежитъ дѣятельности воображенія³⁾.

1) *Иб.*, р. 153—155; *Treatise*, II, р. 88—92.

2) *Иб.*, р. 156—157; *Treatise*, II, р. 153.

3) *Иб.*, р. 157.

Зложелательство и зависть также могутъ появиться независимо отъ предшествующаго нерасположенія къ другому лицу. Эти эмоціи возникаютъ на почвѣ сравненія нашего положенія или вообще насъ самихъ съ другими людьми, и чѣмъ болѣе несчастными кажутся намъ другіе, тѣмъ болѣе счастливыми кажемся мы самимъ себѣ ¹⁾).

Въ связи съ тяжелымъ, бѣдственнымъ состояніемъ другихъ лицъ можетъ возникать чувство отвращенія или отверженія, но при болѣе глубокомъ проникновеніи въ существо положенія здѣсь можетъ возникнуть эмоція состраданія и расположенія ²⁾).

Что касается роли отношенія идей въ процессѣ возникновенія этихъ чувствованій, то роль эта, по мнѣнію Юма, слишкомъ очевидна, чтобы подробно останавливаться на выясненіи ея. Такъ мы, напр., очень хорошо знаемъ, что зависть возбуждается въ зависимости отъ болѣе близкаго, а не отдаленнаго отношенія къ намъ лица, которое чѣмъ-либо превосходитъ насъ. Естественнѣе возникнуть этому чувству между двумя поэтами въ области одного и того рода творчества, чѣмъ между поэтомъ и философомъ или даже между двумя поэтами, произведенія которыхъ относятся къ различнымъ видамъ поэтическаго творчества ³⁾).

Мы не будемъ останавливаться на многихъ другихъ тонкихъ психологическихъ замѣчаніяхъ Юма, которыя онъ дѣлаетъ въ своемъ анализѣ. Такъ, въ особенности интересны его взгляды на природу красоты, поскольку онъ въ этой области пытается провести свою утилитарную точку зрѣнія ⁴⁾).

Въ заключеніе своего анализа, очень растянутаго въ своемъ первомъ произведеніи (*Treatise*), Юмъ пытается доказать, что характеризующая имъ эмоція не только является принадлежностью человѣческой природы, но и встрѣчается

¹⁾ *Ib.*, p. 157.

²⁾ *Ib.*, p. 158.

³⁾ *Ib.*, p., 159—160; *Treatise*, II, p. 163.

⁴⁾ *Treatise*, II, p. 96—98.

въ мірѣ животныхъ. Сюда можно отнести, по мнѣнію Юма, гордую осанку лебедя или павлина, въ связи съ презрительнымъ отношеніемъ къ другимъ живымъ существамъ, явленія соревнования въ извѣстныхъ качествахъ (напр., въ силѣ, въ искусствѣ пѣнія и т. п.), встрѣчающіяся у различныхъ животныхъ и птицъ ¹⁾. При этомъ, думаетъ Юмъ, по аналогіи мы можемъ заключить, что и условія возникновенія этихъ эмоцій, въ общей формѣ,—тѣ же, что и у человѣка ²⁾.

Свой анализъ эмоцій любви и ненависти Юмъ заканчиваетъ (въ своемъ первомъ произведеніи) краткой характеристикой чувства любви между полами. Чувство это, по мнѣнію Юма, довольно сложной природы: сюда входитъ удовольствіе въ связи съ воспріятіемъ красоты, тѣлесное влеченіе на почвѣ инстинкта продолженія рода и благородная нѣжность или благорасположеніе. Эта эмоція, какъ и другіе виды охарактеризованныхъ чувствованій, наблюдаются въ болѣе элементарной формѣ, и въ мірѣ животныхъ, о чемъ уже была рѣчь раньше, при изображеніи универсальной природы симпатіи ³⁾.

VIII.

Изложенію своихъ этическихъ воззрѣній Юмъ, какъ мы видѣли, предпосылаетъ характеристику основныхъ душевныхъ процессовъ, которыми опредѣляется наша моральная дѣятельность. Такими процессами являются въ этомъ случаѣ акты воли въ широкомъ смыслѣ и эмоциональныя переживанія. Характеристикѣ тѣхъ и другихъ удѣляется достаточно мѣста въ главнѣйшихъ произведеніяхъ Юма (въ обѣихъ редакціяхъ). Въ этомъ отношеніи Юмъ смотритъ на дѣло гораздо глубже, чѣмъ многіе изъ его предшественниковъ, особенно ближайшихъ. Такъ, что касается такихъ моралистовъ, какъ Гетчесонъ и Бэтлеръ, то у нихъ почти совсѣмъ отсутствуетъ ученіе о волѣ, и характеръ этой психической дѣя-

¹⁾ *Иб.*, р. 118—119.

²⁾ *Иб.*, р. 120.

³⁾ *Иб.*, р. 176—178.

тельности изображается очень блѣдно, часто въ видѣ случайныхъ и разрозненныхъ намековъ. Анализу эмоциональной жизни у нихъ удѣляется больше мѣста, но и этотъ анализъ не всегда поставляется въ тѣсную связь съ изложеніемъ моральныхъ взглядовъ. По крайней мѣрѣ, мы видѣли, что главное сочиненіе Гетчесона, посвященное анализу эмоциональной жизни, вышло уже послѣ его „Исслѣдованія объ источникѣ нашихъ идей красоты и добродѣтели“¹⁾.

Что касается теперь юмовскаго анализа волевой дѣятельности, то здѣсь заслуживаютъ особеннаго вниманія три пункта: самое опредѣленіе воли, вопросъ о свободѣ воли и взглядъ на эмоціи, какъ на главныя пружины нашей дѣятельности (въ связи съ этимъ вопросъ объ отношеніи между разсудкомъ и страстями). Опредѣленіе воли, данное Юмомъ, не можетъ считаться вполнѣ точнымъ и яснымъ, хотя оно отдѣляетъ элементы сознательности и новизны, которые, по мнѣнію Юма, являются существенными чертами волевого акта. Очевидно, Юмъ понимаетъ подъ волей болѣе высокія проявленія нашей активности, включая болѣе элементарные волевые акты въ область эмоциональной жизни (таковы, напр., желаніе и отвращеніе). Такимъ путемъ устанавливается болѣе тѣсная связь между обѣими этими сферами, хотя это не всегда ведетъ къ болѣе ясному пониманію природы этихъ дѣятельностей. Опредѣленіе акта воли, какъ своеобразнаго „впечатлѣнія“, очень напоминаетъ извѣстное опредѣленіе Мальбранша²⁾, хотя въ этомъ послѣднемъ опредѣленіи нѣтъ того элемента новизны, который выдвигается на первый планъ Юмомъ. Далѣе, въ вопросѣ о свободѣ воли Юмъ выставляетъ себя защитникомъ детерминизма, распространяя этотъ детерминизмъ на всѣ самые сложные и возвышенные акты нашей психики. Этотъ детерминизмъ является не новымъ въ исторіи философской мысли, и мы находимъ его ясно выраженнымъ у Гоббса, Спинозы и нѣкоторыхъ другихъ мыслителей, жившихъ раньше Юма. Въ частности,

¹⁾ Ср. „Этическія воззрѣнія Гетчесона“. Вопросы философіи, кн. 96.

²⁾ Malebranche. De la recherche de la vérité. Oeuvres. Paris, 1842, p. II, p. 6.

здѣсь заслуживаетъ упоминанія мало извѣстный Антоній Коллинзъ (Antony Collins), которому принадлежатъ два небольшихъ трактата: „Философское изслѣдованіе о человѣческой свободѣ“ и „Диссертація о свободѣ и необходимости“¹⁾. Въ обоихъ этихъ трактатахъ мы встрѣчаемъ, на ряду съ полемикой противъ интеллектуалистической морали, явно детерминистическіе принципы, развиваемые въ духъ Гоббса. Мы можемъ предположить, что Юму были извѣстны эти сочиненія, все равно какъ онъ, несомнѣнно, былъ знакомъ съ произведеніями Гоббса и зналъ, хотя бы по изложенію Бэйля, существенные взгляды Спинозы. Но все это не умаляетъ философской оригинальности Юма, поскольку она обнаруживается въ своеобразной аргументаціи Юма, какъ при защитѣ своего детерминизма, такъ и при опроверженіи противоположныхъ взглядовъ, пытавшихся найти для себя убѣжище въ области морали и теологіи. Мы видѣли, какъ беспощадно разоблачаетъ Юмъ всѣ эти неудачныя попытки и какъ убѣдительно старается показать, что детерминизмъ вполне совмѣстимъ съ самыми возвышенными представленіями—этическими и теологическими.

Наконецъ, намъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго пункта въ ученіи Юма о волѣ. Это вопросъ о мотивахъ воли. Юмъ является здѣсь яркимъ противникомъ интеллектуализма, считая настоящимъ двигателемъ нашей дѣятельности не умъ, а чувство. Чтобы понять самое зерно этого взгляда, нужно помнить, что Юмъ понимаетъ подъ разсудкомъ или умомъ чисто абстрактную дѣятельность, которая оперируетъ въ сферѣ отношенія идей, а не фактовъ. Съ этой точки зрѣнія вполне понятно отрицаніе за этимъ факторомъ активнаго участія въ процессъ нашей волевой дѣятельности. Равнымъ образомъ, вполне справедливо положеніе, что настоящею пружиною нашей активности являются эмоціи въ ихъ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Это положеніе находитъ для себя блестящее подтвержденіе

¹⁾ A. Collins. A philosophical inquiry concerning human liberty, London, 1717; A dissertation on liberty and necessity, London, 1729.

въ современной психологической наукѣ, гдѣ этимъ эмоціо-
нальнымъ стимуламъ отводится главная роль. Правда, теперь
уже не проводится такой рѣзкой грани между различными
сферами нашей психики, какъ это еще имѣетъ мѣсто въ
извѣстной степени у Юма, однако жъ и съ точки зрѣнія
современной психологіи разсудокъ можетъ бороться съ
эмоціями только противопоставляя имъ противоположныя
чувствованія. Поэтому психологически тонкимъ можетъ пред-
ставляться намъ и то истолкованіе борьбы между разсуд-
комъ и страстями, которое мы встрѣчаемъ у Юма. Этимъ,
конечно, мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что Юмъ является
въ своемъ анализѣ волевой дѣятельности безупречнымъ из-
слѣдователемъ, не вызывающимъ противъ себя никакихъ
возраженій. Несомнѣнно, и послѣ анализа Юма вопросъ объ
отношеніи между эмоціями и интеллектомъ въ процессѣ
волевой дѣятельности остается не рѣшеннымъ во всемъ
своемъ объемѣ, въ особенности, если мы расширимъ зна-
ченіе термина „разумъ“ (вопреки тому узкому употребленію,
которое мы встрѣчаемъ у Юма). Роль ума, въ такомъ расши-
ренномъ пониманіи, несомнѣнно очень значительна въ актахъ
нашей моральной дѣятельности, но мы вполнѣ не уясняемъ
ея, какъ это обнаружится въ послѣдствіи, и послѣ разсмотрѣ-
нія чисто-этическихъ воззрѣній Юма. Равнымъ образомъ, и
аргументація Юма въ пользу детерминизма убѣдительно
больше въ своей отрицательной части, постольку Юмъ
опровергаетъ здѣсь индетерминистическія тенденціи, какъ мы
находимъ ихъ ясно выраженными въ предшествующей ему
философіи. Но едва ли можно понимать свободу человѣче-
ской дѣятельности только въ томъ смыслѣ, какъ ее пони-
маетъ Юмъ. Наконецъ, и извѣстное намъ опредѣленіе воле-
вой дѣятельности Юмомъ очень далеко отъ того, чтобы
претендовать на полную психологическую точность, по-
скольку въ такомъ опредѣленіи не захватываются болѣе
элементарныя проявленія нашей активности.

Анализъ эмоціональной жизни занимаетъ очень значитель-
ное мѣсто въ философскихъ произведеніяхъ Юма. Этому

предмету удѣлена цѣлая, и очень большая (болѣе 200 стр.) часть въ первой редакціи основного труда Юма. Правда, во второй редакціи Юмъ значительно сократилъ эту часть, обративъ ее въ краткую „Диссертацію объ аффектахъ“, однако и здѣсь онъ счелъ необходимымъ затронуть всѣ важнѣйшіе вопросы изъ области эмоціональной жизни. Такою постановкою дѣла Юмъ выгодно отличается, какъ уже мы упоминали, отъ предшествующихъ британскихъ моралистовъ, особенно ближайшихъ, у которыхъ, несмотря на громадное значеніе моральнаго чувства въ ихъ этическихъ построеніяхъ, мы встрѣчаемъ довольно скудные свѣдѣнія относительно эмоціональных процессовъ. Конечно, изслѣдованіе жизни чувствованій имѣло мѣсто и до Юма, и послѣдній могъ воспользоваться тѣмъ матеріаломъ, который былъ собранъ въ этой области до него. Мы разумѣемъ здѣсь прежде всего, Декарта, съ его анализомъ страстей, въ ихъ фізіологической основѣ и въ ихъ психологической природѣ. Несомнѣнно, Юму была хорошо извѣстна и та классификація Декарта основныхъ аффектовъ въ видѣ шести страстей: удивленія, любви, ненависти, желанія, радости и печали ¹⁾. Вѣроятно, Юмъ зналъ и о той трансформациі, которой подверглась эта классификація у Спинозы, который счелъ нужнымъ оставить только три основныхъ аффекта: радость, печаль и желаніе ²⁾. Трудно, впрочемъ, согласиться съ тѣми изслѣдователями философіи Юма, которые находятъ возможнымъ указывать очень близкое сходство юмовскаго анализа нѣкоторыхъ эмоцій съ своеобразными описаніями Спинозы: независимо отъ бросающихся въ глаза различій, мы едва ли можемъ предположить внимательное изученіе Юмомъ „Этики“ Спинозы; повидимому, знакомство Юма съ сочиненіями голландскаго философа ограничивалось штудированіемъ статьи о Спинозѣ въ знаменитомъ „Словарѣ“ Бэйля ³⁾. Кромѣ Декарта и Спинозы, нужно назвать еще двухъ мыслителей,

1) René Des Cartes. Les passions de l'âme. Paris, 1649, p. 94.

2) Spinoza. Ethik, herausg. von Ginsberg. Leipzig, 1875, p. 172.

3) Treatise, I, p. 526.

имѣющихъ извѣстное отношеніе къ картезіанству и въ то же время оставившихъ цѣнный матеріалъ по изученію эмоциональной жизни, которымъ также въ извѣстной степени могъ воспользоваться Юмъ: это Мальбраншъ и Гассенди. Что Юмъ хорошо зналъ перваго, объ этомъ свидѣлствуютъ неоднократныя ссылки его на сочиненія этого философа. Внимательное разсмотрѣніе соответствующихъ частей главнаго сочиненія Мальбранша („Разысканіе истины“) также даетъ намъ право заключать, что Юмъ былъ, въ нѣкоторой степени, обязанъ и этому сочиненію въ своемъ анализѣ жизни чувства¹⁾. Что касается Гассенди, то хотя мы не находимъ у Юма прямыхъ ссылокъ на этого мыслителя, однако можно предположить, что этотъ философъ, быть можетъ, больше другихъ вліялъ на британскаго мыслителя при изображеніи послѣднимъ особенностей эмоциональной сферы. Уже бѣглый просмотръ соответствующей части въ сочиненіяхъ Гассенди вскрываетъ передъ нами сходство и терминологіи, и многихъ психологическихъ замѣчаній съ тою картиною страстей, которую мы находимъ у Юма. При болѣе близкомъ знакомствѣ отдѣляется оригинальность британскаго моралиста, хотя терминологическое сходство остается очень сильнымъ. Такъ, еще у Гассенди мы находимъ подробное описаніе тѣхъ же важнѣйшихъ проявленій эмоциональной жизни, которымъ отводится такъ много мѣста въ психологическомъ анализѣ Юма. Здѣсь уже встрѣчаются хорошо извѣстныя намъ удовольствіе и страданіе, любовь и ненависть, желаніе и отвращеніе, надежда и страхъ и. п.²⁾ Но этимъ, конечно, не ограничивается воздѣйствіе на Юма его предшественниковъ въ дѣлѣ изученія жизни чувствованій. Мы должны назвать здѣсь еще нѣсколькихъ англійскихъ мыслителей, которые оказали несомнѣнное вліяніе на Юма въ этомъ пунктѣ. Это, прежде всего, знаменитый Гоббсъ,

¹⁾ De la recherche de la vérité (Malebranche, Oeuvres, ed. par. S. Simon, Paris, 1842 v. II, p. 373—455). Въ особенности важенъ отдѣлъ о «страстяхъ».

²⁾ Gassendi. Opera omnia, 1658, v. II, p. 481—495:

съ его общепсихологическимъ анализомъ. Въ данномъ случаѣ особенное значеніе имѣетъ сочиненіе Гоббса „О человѣкѣ“ („De Homine“), гдѣ мы находимъ анализъ такихъ эмоцій, какъ радость и ненависть, надежда и страхъ, гнѣвъ, честь и стыдъ, самоуваженіе, состраданіе, соревнованіе и зависть и т. п. ¹⁾ Разумѣется, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается, что взгляды Юма на природу многихъ эмоціональныхъ состояній существенно различны отъ соответственныхъ воззрѣній Гоббса, поскольку послѣдній фундаментомъ всѣхъ нашихъ чувствованій считаетъ эгоистическія тенденціи, однако этотъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ довольно тонкій анализъ Гоббса не могъ не имѣть извѣстнаго значенія для Юма, въ особенности при характеристикѣ такихъ эмоцій, какъ надежда и страхъ, зависть и соревнованіе и т. п. Далѣе, изъ британскихъ предшественниковъ Юма нужно назвать Локка, о громадномъ вліяніи котораго на теоретическую философію Юма мы говорили раньше ²⁾. Локкъ не даетъ намъ обстоятельнаго изслѣдованія эмоціональной сферы, но общія понятія объ этихъ явленіяхъ нашей психики содержатся и въ его „Опытѣ о человѣческомъ умѣ“, и несомнѣнно, эти понятія нашли свое отраженіе и въ анализѣ Юма. Въ частности, здѣсь обращаетъ на себя вниманіе та классификація душевныхъ состояній, которую мы находимъ въ началѣ второй части „Трактата“, когда Юмъ дѣлитъ всѣ наши впечатлѣнія на первичныя и вторичныя или на впечатлѣнія ощущеній и впечатлѣнія рефлексіи, относя при этомъ характеризующимъ имъ эмоціональные процессы къ области продуктовъ своеобразно понимаемой рефлексіи.

Наконецъ, перечисляя тѣ разнообразныя вліянія, подъ которыми слагались взгляды Юма въ отношеніи эмоціональной жизни, мы должны назвать болѣе близкихъ предшественниковъ Юма, которымъ онъ многимъ обязанъ при работкѣ своихъ воззрѣній въ области морали. Это Шефтсбѣри, Гетчесонъ, Бэтлеръ. Что Юму хорошо были извѣстны

1) Hobbes. Opera latina, ed. by Molesworth, v. II, p. 107—110.

2) Н. Виноградовъ. Философія Д. Юма. Ч. I. М., 1905, стр. 40—46.

ихъ психологическіе анализы, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Тотъ анализъ аффектовъ, который мы встрѣчаемъ въ главнѣйшихъ работахъ Шефтсбѣри и Гетчесона, конечно, могъ оказать несомнѣнное воздѣйствіе на Юма, благодаря множеству цѣнныхъ психологическихъ замѣчаній, которыя разсѣяны въ этихъ работахъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ сочиненій оказывается, что Юмъ могъ сравнительно немного заимствовать изъ этихъ трактатовъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ носили ясно выраженный полемическій характеръ, будучи направлены, главнымъ образомъ, противъ психологіи Гоббса. Но какъ бы то ни было, все это свидѣтельствуетъ, что анализъ эмоціональной жизни имѣетъ и въ новой философіи очень длинную исторію, и эта исторія не могла не наложить извѣстнаго отпечатка и на изслѣдованіе Юма. Но, несмотря на все это, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи мы не можемъ не замѣтить оригинальности Юма въ изученіи эмоціональной сферы. Эта оригинальность обнаруживается, прежде всего, въ углубленіи самого процесса психологическаго изслѣдованія и въ привлеченіи новыхъ психическихъ факторовъ, которымъ придавалось такъ мало значенія предшествующими изслѣдователями. Однимъ изъ такихъ факторовъ, прежде всего, является законъ ассоціаціи, который находитъ у Юма такое универсальное истолкованіе. Правда, законъ этотъ формулированъ раньше Юма и раньше Юма мы знаемъ попытки приложить его къ объясненію явленій изъ сферы моральной дѣятельности ¹⁾, но тѣмъ не менѣе мы не встрѣчали опытовъ истолкованія на почвѣ его всей обширной сферы эмоціональныхъ процессовъ. Мы уже не говоримъ о болѣе ранней формулировкѣ этого закона у Юма (въ первой части „Treatise“ и въ „Enquiry“), поскольку здѣсь встрѣчается попытка обнять при помощи его самыя разнообразныя душевныя проявленія ²⁾, замѣтимъ толь-

¹⁾ Мы разумѣемъ трактатъ мало извѣстнаго Д. Гая: J. Gay. Preliminary dissertation concerning the fundamental principle of virtue or morality. London, 1731.

²⁾ Н. Д. Виноградова. Философія Д. Юма. Ч. I М. 1905, стр. 61—62.

ко, что во второй части „Трактата“ Юмъ расширяетъ пониманіе этого закона въ томъ смыслѣ, что примѣняетъ его не только къ идеямъ, но и къ впечатлѣніямъ, подчеркивая постоянно важность такого распространеннаго толкованія этого феномена. Громадное значеніе такого именно толкованія выясняется, по мнѣнію Юма, при анализѣ преимущественно эмоціональных проявленій, гдѣ этимъ своеобразнымъ связямъ принадлежитъ столь выдающаяся роль. Затѣмъ, дѣятельность этого принципа Юмъ поставляетъ въ тѣсную связь съ другимъ фундаментальнымъ факторомъ, который также играетъ громадную роль во всѣхъ психологическихъ объясненіяхъ этого мыслителя. Факторъ этотъ—привычка, которую Юмъ возводитъ на степень обще-біологическаго принципа, приближая его къ тому пониманію, которое теперь соединяется съ терминомъ приспособленіе. Этимъ принципомъ Юмъ многое объясняетъ, какъ мы видѣли ¹⁾, въ области теоретической философіи, ему же онъ приписываетъ большую роль и въ сферѣ эмоціональных проявленій. Въ особомъ подчеркиваніи этого фактора лежитъ несомнѣнная заслуга Юма, какъ психолога, сумѣвшаго подмѣтить важное значеніе этого принципа въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ нашей психики. Дѣйствіе этого принципа изображается здѣсь Юмомъ въ связи съ другою душевною функціею, которая также играетъ большую роль и въ теоретической философіи Юма—съ воображеніемъ. Придавая этому термину самое широкое и иногда очень неопредѣленное значеніе, Юмъ на почвѣ названной дѣятельности объясняетъ самыя сложныя явленія въ области эмоцій. Въ частности, имъ много удѣляется мѣста изображенію этой дѣятельности въ связи съ измѣненіемъ пространственныхъ и временныхъ отношеній, поскольку такое измѣненіе связано съ нашими эмоціональными переживаніями. Здѣсь Юмъ высказываетъ очень много тонкихъ соображеній, которыя не потеряли своего значенія и въ глазахъ позд-

1) Н. Виноградовъ. Философія Д. Юма. Ч. I. М., 1905, стр. 90.

нѣйшихъ, даже новѣйшихъ психологовъ. Далѣе, этому же фактору—воображенію принадлежитъ большая роль при выясненіи той особенности эмоціональной жизни, которая у Юма именуется симпатіей. Конечно, послѣдній терминъ очень не новъ въ исторіи развитія психологической науки, онъ очень часто встрѣчается и у ближайшихъ предшественниковъ Юма—британскихъ моралистовъ, однако до Юма никто не давалъ такого всесторонняго истолкованія этой особенности человѣческой природы. Юмъ также первый вполне ясно и опредѣленно связалъ эту душевную дѣятельность съ соціальными задатками человѣческаго существа и въ то же время какъ бы еще больше универсализировалъ симпатію, распространивъ значеніе этой функціи и на міръ животныхъ вообще, въ лицѣ высшихъ формъ зоологическаго существованія. Эти экскурсы изслѣдователя въ область зоопсихологіи могли только подкрѣплять ранѣе высказанныя психологическія соображенія, совсѣмъ не приводя къ тѣмъ необоснованнымъ заключеніямъ, которыя мы иногда встрѣчаемъ у позднѣйшихъ представителей метода сравнительной психологіи. Мы не будемъ останавливаться на множествѣ въ высшей степени цѣнныхъ замѣчаній объ отдѣльныхъ проявленіяхъ эмоціональной жизни, которыя вмѣстѣ съ анализомъ интеллектуальной дѣятельности давно снискали Юму славу тонкаго и глубокаго психолога.

Но указывая эти положительныя черты въ юмовскомъ анализѣ разнообразныхъ сторонъ нашей психики, мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что анализъ этотъ былъ безупреченъ и не могъ вызывать противъ себя какихъ-либо возраженій даже со стороны тогдашней психологической науки. Односторонности въ юмовскомъ изслѣдованіи интеллектуальной жизни были указаны нами раньше ¹⁾, здѣсь же мы должны замѣтить, что аналогичныя упреки могутъ быть сдѣланы и въ отношеніи анализа Юмомъ нашей эмоціональной и волевой сферъ. Что касается послѣдней, то мы уже упо-

¹⁾ Ibid, p. 226—232.

минали, то Юмъ существеннымъ признакомъ волевой дѣятельности считаетъ сознательность и элементъ новизны въ нашей активности. Но первый признакъ устраняетъ изъ области воли обширный классъ явленій, который имѣетъ громадное значеніе въ нашей жизни и который находится въ тѣсной связи и съ сферой сознанія. Это разнообразныя формы рефлексовъ, автоматическихъ движеній, навыковъ и т. п., которыя составляютъ значительную часть нашей активности. Правда, Юмъ много говоритъ о привычкѣ въ другихъ мѣстахъ своихъ „Трактатовъ“, но и тамъ онъ не даетъ исчерпывающаго анализа этой дѣятельности, понимаетъ ее слишкомъ широко и даже неопредѣленно и не вскрываетъ всей тѣсной связи между нею и нашею сознательною жизнью. Что же касается элемента новизны, то этотъ признакъ тоже не можетъ считаться вполне яснымъ и опредѣленнымъ, и мы не всегда можемъ представить себѣ, насколько существенны должны быть измѣненія въ нашемъ сознаніи или въ нашемъ организмѣ, чтобы на основаніи этихъ измѣненій мы могли сказать, что въ насъ, дѣйствительно, имѣетъ мѣсто настоящій волевой процессъ. Затѣмъ, изъ анализа Юма мы не видимъ, какая же роль принадлежитъ нашему интеллекту въ процессѣ нашей активности. Если эта послѣдняя имѣетъ, въ качествѣ мотивовъ, эмоціи, то все-таки въ этомъ случаѣ извѣстное значеніе должно принадлежать и нашему уму, поскольку во всякомъ истинно-волевомъ актѣ Юмъ предполагаетъ участіе извѣстной сознательности, въ смыслѣ преднамѣренности. Правда, Юмъ понимаетъ подъ интеллектуальною дѣятельностью, главнымъ образомъ, работу нашего разсудка въ сферѣ абстрактныхъ построеній, но онъ не отрицаетъ извѣстнаго значенія за этой психической функціей и въ области фактическихъ отношеній, и вотъ здѣсь-то не всегда вскрывается передъ нами настоящая роль нашего интеллекта. Наконецъ, не можетъ считаться вполне прозрачнымъ и Юмовскій взглядъ на понятіе свободы воли. Если можно соглашаться съ отрицательными аргументами Юма, поскольку онъ является рѣши-

тельнымъ противникомъ индетерминизма, то не всегда можно ясно представить себѣ, въ чемъ же именно Юмъ видитъ свободу воли. Если свобода есть „способность поступать или не поступать согласно рѣшенію нашей воли“, то чѣмъ же именно обусловливается эта способность нашей психики и можетъ ли быть она сведена къ какимъ-либо болѣе элементарнымъ и основнымъ проявленіямъ нашего духа?

Но, быть можетъ, еще больше критическихъ замѣчаній, еще больше пожеланій въ отношеніи ясности и опредѣленности можно высказать по поводу Юмовскаго анализа эмоціональной жизни.

Здѣсь, прежде всего, бросается въ глаза отсутствіе яснаго опредѣленія эмоціи или того, что Юмъ называетъ „*passion*“. Этотъ фактъ самъ Юмъ объясняетъ тѣмъ, что это душевное переживаніе, какъ изначальное и всѣмъ извѣстное по непосредственному опыту, не поддается точному опредѣленію и можетъ быть только описано. Однако едва ли можно согласиться въ этомъ съ Юмомъ, тѣмъ болѣе, что и данное имъ описаніе не всегда уясняетъ истинную природу эмоціональнаго состоянія. Благодаря этой неясности и неопредѣленности мы и не можемъ указать границы между эмоціональными переживаніями и волевыми проявленіями, тѣмъ болѣе что Юмъ къ числу первыхъ относитъ и такія переживанія, какъ желаніе и отвращеніе, которыя обычно мыслятся какъ волевые феномены. Во всякомъ случаѣ, изъ Юмовскаго анализа мы не выносимъ опредѣленнаго впечатлѣнія относительно того, насколько элементъ активности присущъ эмоціональнымъ проявленіямъ и въ чемъ именно онъ выражается. Равнымъ образомъ, для насъ остается не всегда ясной и роль интеллектуальной жизни въ явленіяхъ возникновенія и теченія эмоціональныхъ процессовъ. Что роль эта очень значительна, особенно въ высшихъ формахъ эмоціональной жизни, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, а между тѣмъ Юмъ сравнительно мало говоритъ объ этомъ. Тѣ замѣчанія, которыя мы находимъ, преимущественно во второй части „Трактата“, относительно значенія представленій въ

процессахъ эмоціоальной жизни, конечно, не исчерпываютъ этого очень сложнаго вопроса. Далѣе, при анализѣ эмоціоальныхъ проявленій Юмъ съ самаго начала устраняетъ тотъ основной элементъ въ процессѣ вызванія чувствованій, который онъ именуетъ первичными впечатлѣніями. Онъ поступаетъ такъ изъ опасенія углубиться въ недостаточно плодотворное изслѣдованіе физическихъ и фізіологическихъ процессовъ, которые тѣсно связаны съ актомъ возникновенія этихъ первичныхъ впечатлѣній. Быть можетъ, такое опасеніе и имѣло для себя нѣкоторое основаніе, поскольку мы видимъ у нѣкоторыхъ предшественниковъ Юма мало плодотворныя попытки поставить анализъ эмоціоальной жизни на чисто-фізіологическую почву (даже у самаго Декарта), однако это едва ли уполномочивало Юма совершенно игнорировать физическій или фізіологическій фундаментъ эмоціоальной жизни. Привлеченіе къ изслѣдованію этого физическаго субстрата эмоціоальныхъ проявленій, несомнѣнно, помогло бы болѣе глубоко заглянуть въ природу такихъ болѣе элементарныхъ формъ въ жизни чувствованій, какъ страхъ или нѣкоторыя родственныя ему эмоціи. Тогда, быть можетъ, Юмъ и меньше придавалъ бы значенія представленіямъ въ процессѣ возникновенія этихъ, болѣе элементарныхъ эмоцій, теперь же въ этомъ невольномъ интеллектуализмѣ мы не можемъ не видѣть несознаваемого вліянія главнаго вдохновителя Юма—Локка или даже континентальныхъ прародителей послѣдняго—нѣкоторыхъ представителей картезіанской философіи. Въ связи съ этой особенностью въ теоріи эмоцій Юма заслуживаетъ быть отмѣченной еще одна черта въ объясненіи природы эмоціоальной жизни: это постоянное стремленіе выяснить характеристическія свойства эмоціи путемъ синтеза изъ болѣе простыхъ элементовъ (преимущественно интеллектуальныхъ), которые въ результатѣ соединенія будто бы даютъ совершенно новый продуктъ на подобіе химическаго синтеза. Этотъ принципъ своеобразнаго химизма при объясненіи разнообразныхъ проявленій человѣческой психики,

едва ли совершенно устранимъ изъ аналитической психологии, но Юмъ, дѣйствительно, излишне широко пользуется, этимъ принципомъ, затушевывая такимъ образомъ все своеобразіе живого конкретнаго переживанія. Далѣе, мы упоминали о томъ, какое большое значеніе придаетъ Юмъ дѣятельности воображенія въ общей экономіи аффективной жизни. Теперь же должны замѣтить, что Юмъ здѣсь, какъ и въ области теоретической философіи, нѣсколько злоупотребляетъ этимъ терминомъ, придавая ему слишкомъ широкое и иногда очень неопредѣленное значеніе. Иногда получается впечатлѣніе, что Юмъ прибѣгаетъ къ помощи этого термина только потому, что послѣдній, благодаря своей эластичности, даетъ возможность подвести подъ сферу его дѣятельности такія явленія, которыя по существу своему требовали бы болѣе углубленнаго детальнаго анализа. Аналогичное замѣчаніе можетъ быть сдѣлано и относительно другого термина, которымъ Юмъ слишкомъ широко пользуется въ своемъ анализѣ эмоціональной жизни. Терминъ этотъ — симпатія. Подъ симпатіей Юмъ понимаетъ не эмоцію опредѣленнаго типа, а своеобразную особенность эмоціональной или даже вообще психической жизни, которая даетъ возможность объяснить очень многія и разнообразныя явленія въ сферѣ нашей психики вообще. Мы увидимъ впоследствии, что этой особенности психическихъ переживаній Юмъ придаетъ большое значеніе и въ дѣлѣ уясненія характера нашей моральной дѣятельности или, вѣрнѣе, нашего моральнаго чувства. Несомнѣнно, это слишкомъ широкое пониманіе этого термина не могло не вносить нѣкоторой неясности и неопредѣленности въ самыя объясняемыя явленія, на что справедливо указывалъ, какъ это мы увидимъ позднѣе, другъ Юма—А. Смитъ. Наконецъ, мы не можемъ не замѣтить, что самая конструкція Юмовскаго изслѣдованія жизни чувствованій не можетъ считаться всегда удачной, чѣмъ, быть можетъ, въ извѣстной степени, объясняются упомянутыя неясность и неопредѣленность. Главный матеріалъ для анализа эмоцій находится, какъ мы знаемъ,

во второй части „Трактата“. Но здѣсь этотъ матеріалъ расположенъ довольно своеобразно и не всегда удачно. Мы уже не говоримъ о томъ, что изслѣдованіе о природѣ волевой дѣятельности недостаточно выдѣлено изъ анализа эмоціональной жизни, и за разсужденіями о свободѣ и необходимости слѣдуютъ главы о вліяніи воображенія на эмоціи, о значеніи пространственныхъ и временныхъ отношеній для жизни эмоцій, отдѣлъ о непосредственныхъ страстяхъ и т. п.,—но и въ предѣлахъ трактованія собственно эмоціональныхъ проявленій можно было бы пожелать такого распредѣленія матеріала, которое помогло бы проникнуть болѣе глубоко въ самое существо изслѣдуемыхъ явленій. Именно Юмъ въ своемъ „Трактатѣ“ своему изслѣдованію наиболѣе существенныхъ видовъ эмоцій (гордости и униженія, любви и ненависти и т. п.), имѣющихъ, по его мнѣнію, особенно важное значеніе въ процессѣ моральной дѣятельности, предпосылаетъ только чрезвычайно краткія вводныя замѣчанія объ основныхъ законахъ эмоціональной жизни. Всѣ же дальнѣйшія, и очень важныя, особенности эмоціональныхъ проявленій указываются имъ въ связи съ характеристикой отдѣльныхъ чувствованій. Такой порядокъ изложенія сильно вредитъ цѣльности впечатлѣнія и мѣшаетъ составить ясное и полное представленіе объ основныхъ законахъ въ жизни чувства, какъ эти законы понимаются самимъ Юмомъ. Къ недостаткамъ этой же конструкции относится и расположеніе опредѣленныхъ эмоцій въ цѣляхъ ихъ психологическаго анализа. Расположеніе это, какъ мы видѣли, не одинаково въ обоихъ произведеніяхъ Юма, посвященныхъ изслѣдованію жизни чувствъ, и въ болѣе раннемъ сочиненіи („Treatise“) Юмъ на первый планъ выдвигаетъ посредственные или косвенные аффекты—по его терминологіи (гордость и униженіе, любовь и ненависть и т. п.) и только уже послѣ анализа волевой дѣятельности дѣлаетъ краткія замѣчанія о такъ называемомъ непосредственныхъ или прямыхъ чувствованіяхъ (страхъ и надежда, радость и печаль и т. п.). Во второй редакціи своего тракта-

та объ эмоціяхъ („Dissertation“) Юмъ держится обратнаго порядка, но и здѣсь онъ очень мало мѣста удѣляетъ изображенію природы „непосредственныхъ эмоцій“, которыя, какъ болѣе первичныя переживанія, должны играть доминирующую роль въ общей экономіи нашей психики. Едва ли также нужно особенно доказывать, что самая классификація эмоцій на непосредственныя и посредственныя не можетъ считаться удачной, и нѣкоторыя эмоціи, относимыя Юмомъ къ косвеннымъ аффектамъ (напр., любовь или ненависть, въ ихъ болѣе простыхъ формахъ) могутъ быть рассматриваемы какъ непосредственныя, и наоборотъ, нѣкоторыя изъ непосредственныхъ эмоцій (радость или печаль) нерѣдко могутъ принимать характеръ посредственныхъ душевныхъ волненій. Въ связи съ указаніемъ этихъ же недостатковъ въ общей конструкціи Юмовскаго анализа, нельзя не упомянуть о нѣкоторой неполнотѣ въ самомъ исчисленіи эмоцій и вытекающемъ отсюда опущеніи нѣкоторыхъ душевныхъ волненій, которыя имѣютъ особенное значеніе въ дѣлѣ уясненія самой природы моральнаго чувства. Такъ въ анализѣ Юма не являются предметомъ спеціального трактованія такія эмоціи, какъ гнѣвъ или, въ особенности, стыдъ, тѣсная связь которыхъ съ нашимъ моральнымъ чувствомъ (въ болѣе широкомъ пониманіи этого сложнаго психическаго состоянія) едва ли можетъ подвергаться сомнѣнію.

Н. Виноградовъ.

Ученія софистовъ о естественномъ правѣ¹⁾).

Софистамъ принадлежитъ заслуга впервые съ ясностью поставить проблему естественнаго права. Едва ли можно признать эту заслугу ихъ достаточно оцѣненной. Правда, для того, чтобы судить объ этомъ, мы имѣемъ лишь очень отрывочныя данныя. Но и эти свѣдѣнія позволяютъ утверждать, что философія права софистовъ какъ для своего времени была важнымъ и знаменательнымъ явленіемъ, такъ и вообще намѣтила главнѣйшія линіи естественно-правовой доктрины, имѣвшей въ послѣдствіи столь великую и славную исторію.

Подъ знаменемъ противоположенія закона и природы, νόμος и φύσις софисты утвердили въ греческой философіи знаменательное противопоставленіе естественнаго права и положительнаго. Но утвердить это противопоставленіе значило принципиально порвать со старой традиціей, говорившей о незыблемой силѣ положительнаго закона. Это значило подготовить почву для анализа и критики въ вопросахъ общественныхъ и заложить фундаментъ для идеальныхъ построений, вытекающихъ изъ разума. Старое греческое созерцаніе нашло для себя наилучшее выраженіе

1) Настоящій очеркъ представляетъ отрывокъ изъ главы о софистахъ, входящей въ мой курсъ по исторіи философіи права, первый выпускъ котораго вскорѣ имѣетъ выйти въ свѣтъ. Я печатаю этотъ отрывокъ въ философскомъ журналѣ, полагая, что дѣлаемая мною попытка сопоставленія отдѣльныхъ ученій софистовъ между собою и съ теоріями новаго времени можетъ представить интересъ и для специалистовъ.

въ получившемъ широкое распространеніе среди грековъ стихъ Пиндара:

„Законъ—царь всѣхъ смертныхъ и безсмертныхъ,
превозмогающей рукой даетъ онъ побѣду справед-
ливости“.

Другое знаменитое положеніе, продуктъ аристократи-
ческаго образа мыслей, принадлежало Гераклиту. Полагая,
что присущія положительному закону неравенства и про-
тиворѣчія, дѣленія на свободныхъ и рабовъ отражаютъ
міровой законъ борьбы, онъ требовалъ смиренія разума
предъ этимъ закономъ и признанія его справедливости.

Съ этими воззрѣніями у софистовъ происходитъ полный
разрывъ; они объявляютъ, что законъ не царь, а тиранъ,
нарушающій естественныя отношенія, и этому тираниче-
скому господству положительнаго закона противопоста-
вляютъ изначальную правду природы¹⁾. Въмѣсто стараго
Пиндаровскаго воззрѣнія: νόμος ὁ πάντων βασιλεύς входитъ въ
употребленіе новое опредѣленіе Гиппія: νόμος τύραννος οὐ τῶν
ἀνθρώπων.

Уже одно это противопоставленіе закона природѣ имѣло
огромное значеніе: оно будило мысль объ основаніяхъ
существующаго порядка, утверждало критицизмъ въ отно-
шеніи къ государственнымъ законамъ и общественнымъ
требованіямъ. Но софисты не остановились на одномъ
общемъ лозунгѣ; они старались связать его съ дальнѣйшими
опредѣленіями, вслѣдствіе чего возможно говорить если не
о системахъ, то во всякомъ случаѣ о законченныхъ схемахъ
софистической философіи права. И замѣчательно, что эти

¹⁾ Противопоставленіе закона природѣ, если вѣрить Диогену Лаэртію,
высказывается одновременно съ болѣе ранними софистами и ученикомъ
Анаксагора Архелаемъ. Дюмлеръ предполагаетъ въ данномъ случаѣ заим-
ствованіе Археля у софистовъ (Akademika, S. 257). Мысль объ этомъ, какъ
и самое сообщеніе Диогена подвергается основательнымъ сомнѣніямъ у
Целлера (Ed. Zeller, Philosophie der Griechen. 1 Th. 2 Hälfte. S. 1037.
Note 5). Всего скорѣе софистическая формула была приписана Архелая въ
позднѣйшее время.

схемы предвосхищаютъ основныя направленія позднѣйшаго времени.

Въ новое время, въ эпоху расцвѣта естественно-правовыхъ ученій по вопросу о характерѣ естественнаго состоянія, предшествовавшаго утвержденію положительнаго закона, существовало два рѣзко расходящихся взгляда, съ особенной яркостью выразившихся въ ученіяхъ Гоббса и Локка. Согласно одному воззрѣнію, естественное состояніе есть всеобщая вражда, *bellum omnium contra omnes*; согласно другому—это напротивъ блаженное время мира, равенства и свободы. Въ первомъ случаѣ положительный законъ получалъ значеніе спасительнаго выхода изъ бѣдствій естественныхъ отношеній, во второмъ—онъ казался лишь несовершеннымъ порожденіемъ испорченныхъ нравовъ, получающимъ оправданіе только отъ приближенія къ праву природы. Не столь рѣзко, но все же вполне опредѣленно эта антитеза была намѣчена и въ древней философіи права.

Согласно свидѣтельству Платона, первая точка зрѣнія была высказана Протагоромъ. Первоначально, учить Протагоръ, люди жили разрозненно и не имѣли городовъ. Попытки собираться вмѣстѣ и спастись, строя города, кончались неудачей: безъ политическаго искусства они обижали другъ друга, такъ что имъ приходилось снова разсѣиваться и погибать. Только тогда, когда у людей появились стыдъ и правда, ставшіе „укладами городовъ и узами дружбы“, они получили возможность совмѣстной жизни.

Какъ видно отсюда, согласно Протагору, политическое искусство, опирающееся на стыдъ и правду, является сравнительно позднимъ достояніемъ людей: оно не было свойственно имъ съ самаго начала; первоначальное ихъ состояніе есть состояніе разрозненности и взаимныхъ обидъ. Протагоръ называетъ стыдъ и правду искусствами и разъясняетъ, что основанная на нихъ гражданская добродѣтель „существуетъ не по природѣ и не сама собою, а пріобрѣтается изученіемъ и дается людямъ въ силу привле-

жанія* (Protag. 322 D и 323 C). Въ соотвѣтствіи съ этимъ стоитъ и другое, по всей вѣроятности, болѣе позднее положеніе Протагора, которое у Платона приводится, какъ согласное съ его ученіемъ, что мѣрою справедливаго и прекраснаго является государство: „то, что представляется каждому государству справедливымъ и прекраснымъ, то и является таковымъ для него, пока оно таковымъ считается“ (*οἷά γ' ἄν ἐκάστη πόλις δίκαια καὶ καλὰ δοκῆ, ταῦτα καὶ εἶναι αὐτῇ, ἕως ἄν αὐτὰ νομίζῃ...* 167 C Teät.)²⁾. Это былъ только послѣдовательный выводъ изъ основнаго ученія Протагора, что не природа, а политическое искусство утвердило среди людей начала справедливости и добра³⁾.

1) Plato, Protag. 322 B—C. Что мнѣ о Прометѣѣ, изъ котораго я беру приведенныя въ текстѣ слова, вѣрно передаетъ взгляды знаменитаго софиста, это признается такими знатоками греческой философіи, какъ Целлеръ (Philosophie der Griechen, S. 1120, Note 4) и Дюммлеръ (Prolegomena zu Platons Staat. SS. 28—29 Note). Мнѣніе это представляется тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что и позднѣйшее свидѣтельство Платона въ „Теэтетѣ“ 167 C въ общемъ не противорѣчитъ первоначальной версіи ученія Протагора въ діалогѣ, носящемъ его имя. Теологическая окраска этого ученія, можетъ быть, связана была съ формой мѣа, который въ діалогѣ Платона Протагоръ рассказываетъ присутствующимъ, „какъ старикъ молодежи“. Дюммлеръ допускаетъ даже, что Протагоръ первоначально могъ прямо воспроизводить теологическо-консервативную форму обычнаго воззрѣнія на право, не находя нужнымъ ей противорѣчить. Непонятно только, какимъ образомъ Дюммлеръ утверждаетъ, что Платонъ сохранилъ свѣдѣнія лишь о радикальной группѣ софистовъ (S. 45), если въ то же время онъ признаетъ, что въ мнѣѣ о Прометѣѣ великій философъ вѣрно передаетъ ученіе Протагора въ его первоначальной консервативно-теологической окраскѣ и что столь же вѣрно передаетъ онъ и ученіе Гиппіа, чуждое крайнихъ выводовъ Тразимаха и Калликла.

²⁾ Ср. Teät. 172 A. О степени достовѣрности свидѣтельствъ Платона въ „Теэтетѣ“ см. Zeller, о. с. SS. 1098 и 1121.

³⁾ Мнѣніе Целлера (о. с. S. 1121) о томъ, что Протагору было чуждо различіе естественнаго права и положительнаго, есть результатъ очевиднаго недоразумѣнія. Взглядъ, изложенный въ Protag. 323 C—D, не можетъ быть истолкованъ иначе, какъ въ томъ смыслѣ, что хотя задатки къ стыду и правдѣ есть у всякаго, но развитіе этихъ задатковъ дается не природой, а прилежаніемъ и обученіемъ, и составляетъ предметъ политическаго искусства. Несомнѣнно, однако, что противопоставленіе природы закону не могло быть яснымъ у Протагора, въ виду его положительнаго отношенія къ государственнымъ установленіямъ.

Подобный взглядъ, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ привести къ системѣ консерватизма и государственнаго абсолютизма. Такъ именно было у Гоббса. По всему духу своихъ воззрѣній Протагоръ былъ далекъ отъ вѣры въ абсолютное значеніе государства; но элементы консерватизма несомнѣнно были свойственны его философіи права. Находясь въ близкихъ отношеніяхъ къ Периклу и живя въ Аѣинахъ въ эпоху блеска и славы аѣинскаго государства, онъ легко могъ раздѣлять общіе взгляды кружка Перикла на мудрость государственныхъ законовъ. Это былъ консерватизмъ особаго рода, получавшій свое подкрѣпленіе въ счастливомъ сознаніи успѣховъ и преимуществъ существующаго строя. Но по свидѣтельству Платона, идея о правдѣ государственныхъ установленій получала у Протагора обобщенное выраженіе и относилась ко всѣмъ государствамъ вообще. Самъ по себѣ этотъ взглядъ очень близко подходилъ къ традиціонному воззрѣнію грековъ. Бросается въ глаза полное сходство его съ тѣми мыслями, которыя приписываются Периклу въ извѣстномъ разговорѣ его съ Алкивиадомъ, переданномъ у Ксенофонта (*Memorabilia*, I, 2, 40 слл.)¹⁾. Ничего ни разрушительнаго, ни новаго въ этомъ ученіи не было. Ново было лишь то скептическое основаніе, которое подводилъ подъ эту старую мудрость Протагоръ. Государство представлялось ему въ томъ же смыслѣ мѣрою справедливости, въ какой человѣкъ мѣрою всѣхъ вещей. Для каждаго государства справедливы только свои законы, и притомъ лишь на то время, пока они кажутся ему таковыми; никакой естественной, общеобязательной, абсолютной справедливости нѣтъ. Это была присущая Протагору точка зрѣнія релятивизма, ученіе объ относительности и условности человѣческихъ понятій и представленій. Но вслѣдствіе этого и старая мысль о верховенствѣ государственнаго закона неожиданно получала у него скептическій оттѣнокъ. Если никакой абсолютной справедливо-

¹⁾ Взглядъ, приписываемый здѣсь Периклу, можно свести къ утвержденію, что закономъ является постановленіе господствующей въ государствѣ власти.

сти нѣтъ, то сразу падаетъ священный авторитетъ положительнаго закона. Это уже не прежній законъ — царь всѣхъ смертныхъ и бессмертныхъ, а только измѣнчивое и условное человѣческое установленіе. Таковъ былъ естественный плодъ софистическаго рационализма, результатъ сравненія законовъ различныхъ странъ. Нѣтъ основаній предполагать, что Платонъ что-либо прибавилъ къ собственному ученію Протагора: настолько его свидѣтельство соотвѣтствуетъ всему, что мы знаемъ о знаменитомъ софистѣ, и настолько основное ядро переданнаго Платономъ ученія имѣетъ умѣренный и даже традиціонно-консервативный видъ.

Что Протагоръ не былъ одинокъ въ этомъ умѣренномъ направленіи софистической философіи права, это подтверждаютъ имѣющіяся у насъ данныя о софистѣ Антифонѣ и анализъ произведеній Эврипида, очевидно пользовавшагося софистической литературой¹⁾. Но изъ нѣкоторыхъ выраженій Антифона, горячо возражавшаго противъ анархіи и беззаконія, можно заключить, что одновременно съ этимъ умѣреннымъ направленіемъ софистической философіи права стали высказываться и взгляды иного характера²⁾.

Точка зрѣнія Протагора и Антифона, какъ мы сейчасъ

1) Анализъ произведеній Эврипида съ этой точки зрѣнія блестяще выполненъ Дюммлеромъ въ его *Prolegomena zu Platons Staat*.

2) Diels, *Die Fragmente der Vorsokratiker*, S. 559, fr. 61. Если бы справедлива была догадка Бласса, раздѣляемая Гомперцомъ (*Griechische Denker*, Bd. I, S. 351), что сохранившіеся у Ямвлиха фрагменты неизвѣстнаго софиста принадлежатъ Антифону (по существу дѣла эта догадка, при наличности имѣющихся данныхъ, не можетъ притязать на достовѣрность), то мы получили бы новое подтвержденіе полемики Антифона съ крайними софистическими теоріями. Во всякомъ случаѣ, принадлежатъ ли эти фрагменты Антифону или кому-либо другому, они свидѣтельствуютъ о томъ, что кромѣ Протагора умѣренная точка зрѣнія раздѣлялась и другими софистами. Дилсъ съ полнымъ основаніемъ полагаетъ, что изъ софистовъ анонимный авторъ этихъ фрагментовъ всего ближе подходитъ къ Протагору (S. 577. 82. *Apollonius Jamblichus*. См. особенно S. 579, 20, сл.). Ср. обстоятельныя возраженія Блассу въ сочиненіи Joël, *Der echte und der Xenophontische Sokrates*. Berlin. 1901. Bd. II. SS. 673. ff. *Excurs. Die scheinbaren Antiphonfragmente bei Jamblichos*).

показали, воспроизводя старое воззрѣніе, ставила его однако на очень шаткое основаніе. Если законъ имѣеть силу не отъ природы, а отъ измѣнчивой воли государства, то возможно было спросить далѣе о санкціи этой воли, объ ея правѣ опредѣлять законъ по своему усмотрѣнію. И вполнѣ понятно, что въ эту критическую эпоху были сдѣланы выводы, повернувшіе формулу Протагора противъ положительнаго права. Положительный законъ существуетъ дѣйствительно не по природѣ, а по измѣнчивому человѣческому установленію, но отсюда и объясняются его противорѣчія и несовершенства. Настоящая правда, данная людямъ отъ природы, напротивъ, одна и общая для всѣхъ. Эти выводы существенно измѣняли отношеніе между естественнымъ состояніемъ и гражданскимъ: идеальнымъ признавалось то, что существуетъ отъ природы, а въ положительномъ порядкѣ усматривалось искаженіе этой естественной правды.

Этотъ взглядъ, напоминающій ученія Локка и Руссо, повидимому былъ высказанъ впервые софистомъ Гиппіемъ¹⁾. Противопоставленіе природы закону, еще неясное у Протагора, въ виду его положительнаго отношенія къ государственнымъ установленіямъ, выступаетъ у Гиппія со всей своей критической силой. Какъ передаетъ Платонъ, Гиппій утверждалъ, что всѣ люди „сродники и свойственники и сограждане по природѣ,—не по закону; ибо подобное подобному по естеству сродно, но законъ, будучи тираномъ надъ людьми, принуждаетъ ко многому противъ природы“²⁾. Естественное родство и равенство людей противопоставляется здѣсь, очевидно, далекимъ отъ равенства и единства отношеніямъ дѣйствительности, и вина за это отступленіе отъ естественной справедливости возлагается на тиранически властвующій законъ, установленный людьми. Съ этой же точки зрѣнія софистъ Алкидамъ, ученикъ Горгія, отрицалъ рабство и провозглашалъ общую свободу: „Богъ всѣхъ создалъ свободными, говорилъ онъ, природа никого не

1) Dümmler, Akademiķa, S. 251 ff.

2) Plato, Protag. 337 C. См. также Xenoph. Memor. IV, 4, 14.

сдѣлала рабомъ“¹⁾. Другой софистъ изъ школы Горгія Ликофронъ въ томъ же смыслѣ отрицаль привилегіи рожденія²⁾.

Очевидно, всѣ принципы либерально-эгалитарнаго естественнаго права нашли у софистовъ свое выраженіе. Но, быть можетъ, еще болѣе интересно то обстоятельство, что у нихъ была высказана и идея договорнаго установленія государства. Хорошо извѣстно, сколь важную роль играла эта идея въ политической литературѣ новаго времени; но, что она являлась своего рода неотъемлемымъ членомъ доктрины естественнаго права, это лучше всего доказывается примѣромъ греческой философіи. Мысль о договорномъ происхожденіи права не внушалась здѣсь ни традиціями политической жизни, ни воспоминаніями прошлаго, какъ это было въ новое время. Она являлась чисто теоретическимъ объясненіемъ перехода отъ естественнаго состоянія къ гражданскому.

Теорію договорнаго происхожденія права Платонъ влагаеть въ уста софиста Тразимаха. Убѣдившись на практикѣ въ невыгодѣ взаимныхъ обидъ, люди нашли полезнымъ „договориться между собою, чтобы не дѣлать несправедливости и не терпѣть отъ нея (*ευνθέσθαι ἀλλήλοις μετ' ἀδικεῖν μετ' ἀδικεῖσθαι*)“; вслѣдствіе этого они начали составлять законы и договоры и предписанное закономъ называть законнымъ и справедливымъ (Рер. 358 E—359 A).

Что эта теорія дѣйствительно высказывалась софистами, это подтверждается и свидѣтельствомъ Аристотеля, который связываетъ ее съ именемъ Ликофрона. По словамъ Аристотеля, Ликофронъ полагалъ, что законъ только обезпечиваетъ людямъ взаимную справедливость, не дѣлая ихъ самихъ хорошими и справедливыми. Это воззрѣніе, какъ говоритъ Аристотель, въ сущности превращаетъ законъ въ договоръ (Pol. III, 5. 1280, в. 10).

Конечно, и Платонъ, и Аристотель сохранили отъ дого-

¹⁾ Schol. Aristot. Rhet. I, 13. 1373. b. Ср. Zeller, o. c. S. 1129. Note 2.

²⁾ Stob. Floril. 86, 24.

ворной теоріи софистовъ лишь краткую схему. Можетъ быть, и сами софисты не шли далѣ этого, довольствуясь однимъ общимъ указаніемъ на происхожденіе права изъ договора. Однако, и въ этомъ общемъ и кратко видѣ ихъ теорія въ высшей степени любопытна: она живо напоминаетъ позднѣйшія формулы естественноправовой доктрины. Очевидно, и для греческой мысли, искавшей раціональнаго объясненія права и пытавшейся связать его установленіе съ волей отдѣльныхъ лицъ, наиболѣе понятной представлялась идея первобытнаго договора.

Таково было второе направленіе философіи права софистовъ, шедшее отъ Гиппія. И въ этомъ второмъ направленіи, при всемъ его различіи отъ ученія Протагора, не было ничего такого, отъ чего слѣдовало бы защищать софистовъ. Нападая на положительный законъ, Гиппій признавалъ однако идеальныя нормы естественнаго права, объединяющія людей узами общенія и родства. Личность не освобождалась у него отъ всякихъ связей, а, напротивъ, подчинялась высшему закону общечеловѣческой солидарности. По своимъ принципамъ философія права Гиппія, Алкидама и Ликофрона заслуживаетъ той же славы, что и ученія Локка, Монтескье и Руссо, провозгласившихъ однохарактерныя начала свободы, равенства и братства въ новое время. Это было смѣлое возстаніе противъ существующихъ установленій, противъ неравенства и несвободы, среди которыхъ живутъ люди, это былъ протестъ въ пользу права природы и разума, дѣлавшій эпоху въ греческомъ общественномъ развитіи. Совпаденіе въ принципахъ греческаго естественнаго права съ новымъ показываетъ, что эти принципы вытекали изъ противопоставленія идеальнаго порядка дѣйствительному съ неизбѣжной необходимостью.

Но столь же неизбѣжнымъ слѣдуетъ признать, что въ пониманіи идеала, соотвѣтствующаго природѣ, иные софисты высказывали и взгляды болѣе радикальныя. Въ наше время, послѣ блестящей и шумной славы Ницше, представляется страннымъ, что находятъ нужнымъ защищать

софистовъ отъ подозрѣнія въ проповѣди имморализма. Слѣдуетъ скорѣе удивляться, что модные теперь лозунги крайняго индивидуализма нашли у софистовъ столь отчетливое выраженіе. Въ эпоху критическаго рационализма и на почвѣ индивидуалистическихъ исканій было логически неизбѣжно сдѣлать дальнѣйшій шагъ и притти къ полному отрицанію положительнаго права во имя естественнаго права личности. Какъ отъ взглядовъ Протагора и Антифона былъ прямой шагъ къ формуламъ Гиппія и Алкидама, такъ и эти послѣднія формулы, развитыя въ односторонне индивидуалистическомъ направленіи, легко могли перейти въ идеи Калликла и Тразимаха. Гиппій и Алкидамъ защищали права личности съ точки зрѣнія равенства; но возможно было провести принципъ личности и въ иномъ направленіи. Ставъ на точку зрѣнія естественной свободы и независимости, послѣдовательно было вообще отвергнуть власть общественныхъ установленій и провозгласить высшее право личности на опредѣленіе своей судьбы. Этотъ радикальный символъ вѣры очень хорошо выраженъ въ Платоновомъ діалогѣ „Горгій“ устами ученика софистовъ Калликла. Отправляясь также отъ противопоставленія природы закону, онъ усматриваетъ требованіе природы не въ завѣтахъ равенства и братства, а въ правѣ сильнаго на полную и безграничную свободу.

„Я думаю, что устанавлиющіе законы—слабые люди; это тѣ, которые составляютъ большинство. Они устанавливаютъ законы ради себя и своей выгоды и въ этихъ видахъ они воздаютъ хвалу и произносятъ порицанія. Для устрашенія тѣхъ, кто болѣе силенъ и кто можетъ имѣть болѣе, и чтобы не дать имъ преобладанія, они говорятъ, что постыдно и несправедливо имѣть болѣе другихъ, и что несправедливость и состоитъ именно въ томъ, чтобы домогаться преобладанія надъ другими. Сами же они, я думаю, довольствуются равенствомъ, будучи ничтожнѣе. Поэтому-то по закону считается несправедливымъ и постыднымъ стремиться имѣть болѣе, чѣмъ имѣетъ большинство, и это называютъ

совершать несправедливость. Однако, я думаю, сама природа указываетъ на то, что справедливо лучшему передъ худшимъ и сильнѣйшему передъ слабѣйшимъ имѣть преобладаніе“.... Такъ полагается „по закону природы, но конечно не по тому закону, который мы сами постановляемъ, когда, взявши съ молодыхъ лѣтъ лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ насъ и какъ львовъ заговаривая и завораживая ихъ, мы стараемся ихъ поработить, говоря, что слѣдуетъ соблюдать равенство и что это и есть прекрасное и справедливое. Когда же, думаю я, найдется мужъ съ достаточно сильнымъ характеромъ, то онъ все это стряхнетъ съ себя и разорветъ и убѣжитъ отъ всего этого, попретъ всѣ наши писанія и чары и заклинанія, и всѣ противные природѣ законы, возстанетъ и явится господиномъ нашъ бывшій рабъ, и тогда-то возсіяетъ естественная справедливость (τὸ τῆς φύσεως δίκαιον)... Справедливое по природѣ въ томъ и состоитъ.... чтобы все достояніе слабѣйшихъ и худшихъ принадлежало сильнѣйшимъ и лучшимъ“ (Gorg. 483 B—C—D—E 484 A—C).

Вотъ древнегреческая проповѣдь сверхчеловѣка—сильной личности, освобождающей себя отъ обычныхъ человѣческихъ законовъ и правилъ. Съ удивительной силой и простотой выражаются здѣсь основные догматы имморализма: презрѣніе къ господству большинства и принципу равенства, отрицаніе установленныхъ въ обществѣ нормъ, вѣра въ естественное право сильной личности. Въ другомъ діалогѣ Платона, въ „Государствѣ“, эти же идеи выражаются устами софиста Тразимаха въ нѣсколько иной формѣ: здѣсь выдвигается та мысль, что во всѣхъ государствахъ справедливымъ называется то, что полезно установленной власти (339 A, 343 C). Но выводъ Тразимаха тотъ же, что и Калликла: собственная польза говоритъ человѣку иное, чѣмъ общественная справедливость, и то, что зовется въ обществѣ несправедливостью, на самомъ дѣлѣ является при извѣстныхъ условіяхъ и болѣе сильнымъ, и болѣе свободнымъ, и болѣе властнымъ, чѣмъ справедливость (344 C).

Такова была третья ступень въ развитіи софистической философіи права. Въ какой мѣрѣ слова, вложенныя Платономъ въ уста Калликла и Тразимаха, дѣйствительно принадлежали кому-либо изъ софистовъ, 'многимъ изслѣдователямъ представлялось спорнымъ ¹⁾. Но совершенно безспорно какъ то, что идеи крайняго индивидуализма были распространены въ эпоху софистовъ, такъ и то, что эти идеи связывались прямой логической связью съ философіей Протагора и Гиппія. О степени распространенія этихъ идей можно судить по указанію Платона, что онѣ повторяются тысячами ²⁾. Объ этомъ же свидѣтельствуетъ и оживленная полемика съ имморализмомъ, слѣды которой отчасти дошли и до насъ: отъ Эврипида и до Аристотеля съ этимъ ученіемъ считались и боролись ³⁾. Платонъ возвращался къ нему нѣсколько разъ; онъ нашелъ нужнымъ упомянуть о немъ и въ послѣднемъ своемъ произведеніи „Законы“, написанномъ много лѣтъ спустя послѣ діалога „Горгій“ ⁴⁾. Идеи радикальнаго индивидуализма находили осужденіе и со стороны болѣе умѣренныхъ представителей софистики, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ фрагменты Антифона ⁵⁾. Но, несмотря на это осужденіе, все же остается несомнѣннымъ, что проповѣдники сверхчеловѣческой морали являлись духовными преемниками старшихъ софистовъ. Ихъ идеи завершали кругъ естественноправовыхъ ученій, развитыхъ Протагоромъ и Гиппіемъ, и въ это время для нихъ нельзя указать никакой иной идейной почвы, кромѣ философіи естественнаго права, къ которой онѣ и сводятся у Платона. Нельзя упускать изъ вида, что въ этой философіи, въ томъ видѣ какъ она была развита софистами, не было никакихъ твердыхъ устоевъ. Протагоръ могъ высказываться умѣренно

¹⁾ Ср. Zeller o. c., S. 1130. Noté 2, S. 1131. Note 2.

²⁾ Rep. II, 358 c.; ср. Gorg. 492 d.

³⁾ См. объ этомъ Dümmler, Prolegomena S. 30, Note 1 и Pöhlmann, Geschichte des antik. Socialismus u. Kommunismus. Bd. I, S. 151.

⁴⁾ De legg. IV, 714; X, 889e.

⁵⁾ См. выше стран. 114.

и даже консервативно, но, противопоставляя природу закону, онъ не указывалъ никакого безусловнаго принципа морали и права. Онъ училъ, что „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей“ (Theät. 152 A.), и отсюда вытекало, что всѣ наши сужденія теоретическія, какъ и практическія, носятъ субъективный характеръ: какъ что кому кажется, такъ оно и есть съ точки зрѣнія его познанія; иной же точки зрѣнія, иной мѣры вещей нѣтъ для человѣка. Но и другой знаменитый софистъ Горгій, подобно Протагору имѣвшій особенное вліяніе на развитіе софистики, также былъ скептикомъ. Въ сочиненіи своемъ „о природѣ или о несуществующемъ“ онъ доказывалъ, что ничего нѣтъ, а если бы что и было, мы не могли бы ни познать его, ни передать нашего познанія другимъ. При такомъ взглядѣ приходилось допустить, что человѣкъ живетъ въ мірѣ призрачныхъ и субъективныхъ мнѣній, въ которыхъ нѣтъ ничего прочнаго и постояннаго.

Мы не имѣемъ данныхъ утверждать, чтобы скептическія воззрѣнія Горгія и Протагора были общими убѣжденіями всѣхъ софистовъ. Скорѣе можно утверждать противоположное. Повидимому, это были самыя значительныя философскія ученія, рѣзко выдѣлившіяся своей оригинальностью и новизною, при чемъ со стороны другихъ софистовъ имъ не было противопоставлено никакихъ иныхъ положительныхъ ученій. Не всѣ софисты могли возвыситься до опредѣленной теоріи познанія. Но несомнѣнно, что во всемъ существѣ того риторическаго и энциклопедическаго преподаванія, которое являлось общей основой софистики, не было никакихъ опоръ противъ релятивизма Протагора и Горгія. Неудивительно, если при этихъ условіяхъ послѣдовательное развитіе мысли приводитъ и къ релятивизму моральному, послѣднимъ словомъ котораго былъ имморализмъ. У старшихъ софистовъ сохранялись еще и уваженіе къ закону, и вѣра въ идеальныя начала равенства и единства людей; у ихъ болѣе рѣшительныхъ учениковъ всякія связующія человѣка нормы были отринуты. Человѣкъ оставался во всемъ произволѣ своихъ естественныхъ влеченій. Это было

не только возстаніе личности противъ стѣсненій старой морали; это было возмущеніе страстей противъ обязанностей¹⁾.

Такъ, обозрѣвая всю совокупность идей, развитыхъ софистами, мы не можемъ не видѣть въ этихъ идеяхъ постепенныхъ наслоеній, объясняющихъ ихъ различія. Не слѣдуетъ забывать, что отъ перваго выступленія Протагора на поприщѣ наставника молодежи въ половинѣ V вѣка прошло не менѣе трехъ десятилѣтій, пока софистическое обученіе окончательно упрочилось, и сложились тѣ основанія софистическаго просвѣщенія, которыя вытекали изъ его задачъ и изъ условій времени. Крайніе выводы изъ этихъ основаній могли оформиться и позднѣе²⁾. Само

1) См. слова Платона о возстаніи противъ законовъ души, ищущей наслажденій и удовлетворенія страстей: *εἰ δ' ἀνδρῶτος εἰς ἣ δμναρχία τις ἢ καὶ δημοκρατία φουρή ἔχουσα τῶσάν καὶ ἐπιδημίῳν ἀρετομένῃ...* De legg. 714A.

2) Протагоръ началъ свою дѣятельность приблизительно съ 450 г., имѣя около 30 лѣтъ отъ роду. Его первоначальные взгляды на право, переданные Платономъ въ мифѣ о Прометѣѣ и составлявшіе болѣе раннюю форму его ученія, могли относиться уже къ сороковымъ годамъ пятаго вѣка, ко времени сближенія его съ Перикломъ и участія въ организациі аѳинской колоніи Эурій въ Итали (въ 443 г.). Дѣятельность Протагора прервалась въ 415 г., когда онъ, обвиненный въ неуваженіи къ религіи, бѣжалъ изъ Аѳинъ въ Сицилію и утонулъ, потерпѣвъ кораблекрушеніе. Къ 427 г. относится прїѣздъ въ Аѳины Горгія, когда онъ „не только прославился, какъ превосходный ораторъ въ народномъ собраніи, но и выступая частнымъ образомъ и наставляя юношей“ (Plato Hipp. mai B.). Повидимому, къ первому десятилѣтію Пелопонесской войны (съ 431 г.) относится появленіе болѣе значительныхъ соціально-политическихъ ученій софистовъ (см. Dümmler, Prolegomena, S. 20, Note 2). Къ этому же времени слѣдуетъ отнести и утвержденіе въ Аѳинахъ софистическаго просвѣщенія, судя по тому, что въ 424 г. въ „Облакахъ“ Аристофанъ подвергаетъ его осмѣянію, какъ нѣчто уже вполнѣ сложившееся и опредѣленное. Эдуардъ Мейеръ относитъ окончательное упроченіе софистической профессіи къ срединѣ Пелопонесской войны (Bd. IV, S. 256) Къ концу V вѣка софистическія идеи получили и догматическое изложеніе, въ формѣ компендіума, дошедшаго до насъ подъ именемъ Διαλέξεις (приблизительно отъ 400 г.); идеи Протагора, Горгія, Гипсія и другихъ софистовъ въ обработкѣ провинціального компилятора, жившаго на островѣ Кипрѣ, передаются въ качествѣ утвердившейся мудрости (см. Bergck, Über die Echtheit der Διαλέξεις въ его сборникѣ: Fünf Abhandlungen zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astronomie. Leipzig, 1883.—Ed. Meyer. Bd. IV, S. 268). Интересно отмѣтить, что только въ „Горгіи“ и „Государствѣ“, на-

собою разумѣется, что въ столь значительный срокъ и въ эпоху столь оживленной умственной жизни софистическія идеи не могли остаться неизмѣнными. Борьба страстей, кипучій водоворотъ событій отражались и на нихъ, увлекаая болѣе смѣлыхъ и рѣшительныхъ въ сторону крайнихъ заключеній. Неудивительно, если великія и важныя начала, провозглашенныя первыми софистами, были развиты ихъ преемниками въ одностороннемъ направленіи. Вѣра въ силу просвѣщенія, критика существующаго, указаніе на возможность высшихъ идеальныхъ нормъ жизни — таковы были начала Протагора и Горгія, Продика и Гиппія. У позднѣйшихъ софистовъ эти начала смѣнились требованіемъ полной независимости личности, свободы отъ преданій и правилъ, отъ установленій и законовъ.

П. Новгородцевъ.

писанныхъ много лѣтъ спустя послѣ смерти Сократа, Платонъ подвергаетъ критикѣ ученія имморализма, ничего не упоминая о нихъ въ болѣе раннемъ діалогѣ „Протагоръ“. Широкое распространеніе они получили можетъ быть только съ начала четвертаго вѣка, и Платонъ имѣлъ тогда основаніе сказать, что ихъ раздѣляютъ тысячи. У Эврипида и Антифона мы находимъ свидѣтельство тому, что они появились и ранѣе. См. Dümmler, S. 30, Note 1. Софистическое преподаваніе сохраняетъ свое значеніе въ теченіе всего IV вѣка, постепенно уступая свое мѣсто другимъ направленіямъ. Въ III вѣкѣ происходитъ полное вырожденіе софистики. См. Hans von Arnim, *Leben und Werke des Dio von Prusa*. Berlin 1898. S. 68.

Понятія права и силы.

(Опытъ методологическаго анализа).

ГЛАВА I.

Вопросъ о соотношеніи права и силы заслуживаетъ со стороны юриста особаго вниманія по цѣлому ряду основаній. Такъ, съ одной стороны, эта проблема играетъ видную роль въ *исторіи политическихъ ученій*. Самыя различныя философскія, политическія и юридическія доктрины подходятъ къ ней съ тѣмъ, чтобы дать ей то или иное истолкованіе и рѣшеніе, и, если мы возьмемъ только тѣ ученія, которыя такъ или иначе *сближали* силу и право, то передъ нами развернется длинный рядъ воззрѣній, нерѣдко совершенно разнородныхъ въ цѣломъ и по существу. Въ той или иной модификаціи мы найдемъ это сближеніе и у софистовъ, и у пламеннаго республиканца Макиавелли, и у монархомаховъ (Гюберъ Лангэ), и у натуралиста Гоббса, и у Спинозы, и у крайняго индивидуалиста Штирнера, и у реакціонера Галлера, и у социолога-правовѣда Гумпловича, и у многихъ другихъ. Идеинный матеріалъ столѣтіями накоплялся вокругъ этой проблемы, и сущность ея приобрѣтала постепенно все болѣе утонченный и запутанный характеръ. Наличие сходныхъ рѣшеній въ самыхъ различныхъ доктринахъ должна была бы уже сама по себѣ приковать вниманіе изслѣдователя къ этой проблемѣ.

Къ этому присоединяется далѣе *практическая жизненность* этого вопроса. Самыя различныя социальныя группы заинтересованы въ томъ или иномъ практическомъ разрѣшеніи конфликта между правомъ и силой, въ установленіи такъ называемаго «правильнаго» соотношенія между этими моментами *общественной жизни*. И хотя практическій интересъ, заставляющій

Вопросы философіи, кн. 101.

бороться за торжество «бессильнаго права», или сочувствовать «безправной силѣ», и способенъ вообще вызвать теоретическій интересъ къ проблемѣ, но важность и необходимость предварительнаго научнаго аналитическаго освѣщенія вопроса далеко еще не сознается въ достаточной мѣрѣ.

Теоретическая сложность проблемы, является третьей особенностью ея, способной приковать къ ней вниманіе изслѣдователя. Среди юристовъ-теоретиковъ проблема соотношенія права и силы можетъ и должна вызывать интересъ въ представителяхъ всѣхъ отдѣльныхъ дисциплинъ: вопросы объ опредѣленіи права, о его образованіи, примѣненіи и содержаніи близки каждому юристу-теоретику, какъ таковому, а проблема эта находится въ тѣснѣйшей связи съ этими вопросами. Самыя понятія права и силы принадлежать къ числу самыхъ трудныхъ и сложныхъ въ исторіи научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее объ этихъ понятіяхъ является до сихъ поръ дѣломъ недостигаемой трудности и *можетъ* вообще *показаться*, что проблема ихъ соотношенія должна быть отнесена къ числу такъ называемыхъ «проклятыхъ» проблемъ.

Поэтому, если мы беремъ на себя задачу сказать нѣчто по ея поводу, то не потому, чтобы она казалась намъ по существу своему несложной, а рѣшеніе ея легко достижимымъ; но потому, что нѣкоторыя общія точки зрѣнія, складывающіяся за послѣднее время въ философіи и философіи права намѣчаютъ, по нашему мнѣнію, тотъ *путь*, движеніе по которому позволить, можетъ быть, внести въ эту проблему необходимый аналитическій свѣтъ.

Чтобы стать на этотъ путь необходимо прежде всего признать, что историко-философскому и практическому освѣщенію ея долженъ непременно предшествовать теоретическій анализъ. Сущность воззрѣнія на право и силу не можетъ быть понята ни въ одной исторически извѣстной намъ доктринѣ, если мы не сдѣлаемъ предварительно попытки опредѣлить эти понятія въ терминахъ современной науки: ибо процессъ уясненія отжившихъ ученій состоитъ по существу въ переводѣ ихъ на языкъ современныхъ понятій. Точно такъ же критическая оцѣнка этихъ ученій предполагаетъ, что проблема такъ или иначе теоретически рѣшена, что «правильное» соотношеніе *понятій* найдено. Наконецъ политикъ-практикъ, говорящій о «силѣ права» и о «правѣ

силы» долженъ ясно и отчетливо представлять себѣ все внутреннее, логическое значеніе этихъ словосочетаній, и именно теоретическій анализъ понятій можетъ поставить на должную высоту осмысленности его разсужденія и дѣйствія. Итакъ, юристу, кто бы онъ ни былъ, необходимо начать съ теоретическаго разсмотрѣнія проблемы.

Проблему о соотношеніи права и силы мы попытаемся поставить здѣсь съ обще-юридической точки зрѣнія. Это значитъ, что мы отвлечемся отъ тѣхъ постановокъ, которыя она получаютъ въ отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинахъ и отъ тѣхъ специальныхъ вопросовъ и затрудненій, которые возникаютъ для нея въ отдѣльныхъ наукахъ, и подойдемъ къ ней съ точки зрѣнія *общаго правовѣдѣнія*. На первый планъ слѣд. у насъ станетъ *анализъ понятій* силы и права, но притомъ въ одномъ опредѣленномъ отношеніи.

Изолируемъ нашу постановку еще полнѣе и точнѣе. Мы отвлечемся отъ вопроса о томъ, что въ *этическомъ* или *соціально-философскомъ* отношеніи *цѣльнѣе*—право или сила; или что чему должно служить въ *политическомъ* отношеніи, т.-е. право ли есть *цѣль*, а сила—*средство*, или наоборотъ. Мы оставимъ также въ сторонѣ вопросъ о томъ, что надъ чѣмъ торжествовало въ процессѣ *историческаго* развитія и что являлось *причиной* и что *слѣдствіемъ*. Намъ интересуется не то, что *должно* быть въ общественной жизни и не то, что *было* въ исторической дѣйствительности. Все это вопросы высокой важности и интереса. Но не въ нихъ сейчасъ центръ тяжести. Анализъ понятій силы и права мы попытаемся произвести здѣсь съ точки зрѣнія *общей методологій юридическихъ дисциплинъ*.

Современное правовѣдѣніе все съ большей опредѣленностью и принципиальной осознанностью приходитъ къ признанію того, что право само по себѣ есть нѣкоторое въ высшей степени сложное и многостороннее образованіе, обладающее цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ сторонъ и формъ «бытія». Каждая изъ этихъ сторонъ входитъ въ сущность того, что именуется однимъ общимъ названіемъ «права», но каждая изъ нихъ представляетъ по всему существу своему нѣчто до такой степени своеобразное, что предполагаетъ и требуетъ особаго, на ряду съ другими, специальнаго опредѣленія и разсмотрѣнія. Если общее изученіе опускаетъ хотя бы одну изъ этихъ сторонъ, то оно не полно;

если изученіе одной изъ нихъ безсознательно сливается съ другой, то возникаетъ опасность методологическихъ смѣшеній, могущихъ иногда прямо обезцѣнить все изслѣдованіе. Эта точка зрѣнія признаетъ такимъ образомъ, что нѣтъ единого универсальнаго и исключительнаго способа изученія права, который вытѣснилъ бы и замѣнилъ всѣ остальные, сдѣлалъ бы ихъ лишними, ненужными. Способовъ изученія права много; каждый изъ нихъ въ отдѣльности цѣненъ, необходимъ и незамѣнимъ. Вѣра въ спасительный методологическій монизмъ падаетъ и уступаетъ мѣсто принципиальному признанію *методологическаго плюрализма* ¹⁾.

Все правопознаніе начинается съ этой точки зрѣнія осложняться, разслагаться, дифференцироваться. Юридическія дисциплины начинаютъ раздѣляться уже не только по характеру регулируемыхъ отношеній, а по *способу разсмотрѣнія* права, какъ таковаго. Подходя къ праву во всей его сложности со своей особой точки зрѣнія, каждая, методологически обособленная, дисциплина выдѣляетъ въ немъ именно ту сторону, которая важна для нея, и именно эту сторону объявляетъ существенной въ правѣ, составляющей искомую сущность права. Получается не одно опредѣленіе права, а нѣсколько, можетъ быть много, и ни одно изъ этихъ опредѣленій не можетъ и не должно претендовать на исключительность. Всѣ они вмѣстѣ и только сообща могутъ притязать на исчерпывающее постиженіе сущности права.

Между этими отдѣльными способами разсмотрѣнія, между этими *методологическими рядами правопознанія* можетъ быть большая и меньшая близость и отдаленность. Взаимная отдаленность отдѣльныхъ рядовъ можетъ доходить до совершенной и полной,

¹⁾ Къ числу сторонниковъ этой точки зрѣнія принадлежать въ западной наукѣ:

Laband. P. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. B. I., p. VII—X.

Jellinek. G. Allgemeine Staatslehre, p. 23—48.

Lask. E. Rechtsphilosophie Art. in Festschrift für K. Fischer.

Weber. M. R. Stammers Ueberwindung der materialistischen Geschichtsauffassung. Art. in Archiv für Socialwissenschaft. B. XXIV и другіе.

Въ русской наукѣ:

П. Новгородцевъ. Государство и право. „Вопр. Фил.“. Книга 74—75.

А. Алексѣевъ. Къ ученію о юридической природѣ государства.

Th. Kistiakowsky. „Gesellschaft und Einzelwesen“.

Г. Шершеневичъ. „Курсъ гражданскаго права“, т. I., 1901, стр. 79—118 и др.

кардинальной оторванности. И именно въ этомъ послѣднемъ случаѣ понятія, принадлежащія къ одному ряду, стоятъ по отношенію къ понятіямъ другого ряда въ плоскости по всему существу своему несходной, иной, чужеродной. Есть ряды правопознанія, которые не только не даютъ отвѣта на вопросы, возникающіе и стоящіе въ другомъ ряду, но даже не терпятъ ихъ перенесенія и постановки въ *своей сферѣ*. Такіе ряды должны быть охарактеризованы, какъ ряды *взаимно индифферентные въ методологическомъ отношеніи*, и сознаніе этой индифферентности есть одна изъ ближайшихъ и важнѣйшихъ задачъ всего правовѣдѣнія въ цѣломъ. Такъ, напр., *историческое* разсмотрѣніе и *соціологическое* разсмотрѣніе правовыхъ явленій родственны другъ другу, иногда сливаются и переливаются другъ въ друга; точно такъ же *философская* оцѣнка правовыхъ явленій и *политико-телеологическое* разсмотрѣніе ихъ—имѣютъ нѣкоторыя точки соприкосновенія. Но, напр., *догматическая* разработка *нормъ права*, имѣющая цѣлью построить систему юридическихъ *понятій*, и *соціологическое* объясненіе *правовыхъ явленій* движутся въ двухъ совершенно различныхъ плоскостяхъ, въ извѣстномъ отношеніи могутъ стать въ положеніе взаимно индифферентныхъ рядовъ, а въ опредѣленныхъ вопросахъ обнаружить даже прямую противоположность.

Замѣтимъ еще, что *принципъ методологической индифферентности* отнюдь не имѣетъ и не долженъ имѣть того смысла, что извѣстныя *явленія общественной жизни* не стоятъ другъ съ другомъ ни въ какой *реальной* связи, не обуславливаютъ другъ друга или не опредѣляютъ. Сущность этого принципа состоитъ въ извѣстномъ, условно допускаемомъ, познавательномъ *пріемѣ логическаго* отвлеченія отъ однѣхъ сторонъ права при разсмотрѣніи другихъ сторонъ его. Конкретнѣе и опредѣленнѣе говоря: познавая право въ логическомъ ряду, мы отвлекаемся отъ тѣхъ сторонъ его, которыя характеризуютъ его какъ реальное явленіе. Здѣсь противопоставляются не два явленія, а, съ одной стороны, право какъ явленіе, съ другой стороны, право какъ нѣчто, разсматриваемое внѣ плоскости реального. Но по существу объ этомъ дальше.

Произвести тотъ анализъ понятій права и силы, который мы здѣсь предпринимаемъ, значитъ постараться обнаружить, есть ли возможность того, что извѣстный методологическій рядъ право-

вѣдѣнія или можетъ быть нѣсколько методологическихъ рядовъ окажутся сродными той научной плоскости, въ которой стоитъ понятіе силы. И если окажется, что такое сродство или скрещеніе этихъ методологическихъ рядовъ *вообще* возможно, то намъ останется прослѣдить и указать, для какихъ именно рядовъ это возможно и насколько. Тѣмъ самымъ рѣшится и коррелятивный вопросъ: есть ли у права такая сторона, которая *никоимъ образомъ* не терпитъ методологически сближенія или тѣмъ болѣе отождествленія его съ силой. И если есть, то какая это сторона. Это и дастъ намъ возможность сказать: возможно ли вообще разсматривать право, какъ силу, допустимо ли это вообще съ методологической точки зрѣнія, и если допустимо, то въ какихъ оттѣнкахъ обоихъ понятій это возможно. Тогда только у насъ окажется въ рукахъ и критерій для пониманія и критической оцѣнки всего ряда исторически извѣстныхъ намъ доктринъ, сближавшихъ, или, тѣмъ болѣе, сливавшихъ понятія силы и права. Тогда только и политикъ-практикъ получитъ возможность представить себѣ съ полной ясностью и отчетливостью, въ какихъ значеніяхъ право становится силой, и какія мѣры могутъ содѣйствовать или препятствовать праву въ осуществленіи его функціи.

ГЛАВА II.

Установимъ прежде всего, что понятіе силы, какъ бы оно ни опредѣлялось, лежитъ всегда въ *реальномъ* ряду, имѣетъ всегда *онтологическое* значеніе, тогда какъ понятіе права можетъ и не находиться въ реальномъ ряду, можетъ не имѣть въ числѣ своихъ предикатовъ признака бытія (такъ или иначе конструированнаго).

Итакъ, понятіе силы имѣетъ всегда онтологическое значеніе.

Если оно разсматривается съ *наивно-реалистической* или, въ частности, съ обычной натуралистической точки зрѣнія, то подъ силой разумѣютъ обыкновенно нѣкоторое свойство, точнѣе, способность предметовъ и вещей, обладающихъ конкретной реальностью. Въ такомъ случаѣ сила является *реальной* (безразлично— дѣйствующей или не дѣйствующей) *способностью* эмпирически *реальныхъ вещей*.

Если же къ понятію силы подходятъ съ точки зрѣнія *мета-*

физической, то сила можетъ получить троякое значеніе: сила или составить сущность самой субстанціи (такъ было у Лейбница), или она явится атрибутомъ субстанціи (такъ было у Спинозы)¹⁾, или же она получить значеніе самостоятельнаго въ своей сущности атрибута, свободнаго отъ принадлежности субстанціальному субстрату (такъ было у Фихте Старшаго). Во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ сила имѣетъ (безразлично—самостоятельную или не самостоятельную) метафизическую реальность.

Наконецъ, если понятіе силы берется съ точки зрѣнія *критической теории познанія*, то оно получаетъ значеніе понятія, примѣняемаго къ данности чувственныхъ созерцаній (т.-е. къ явленіямъ и только къ явленіямъ) разсудкомъ, создающимъ опытъ, какъ совокупность научно-достоверныхъ утвержденій; это есть понятіе, служащее для объясненія *чувственно-реальныхъ феноменовъ*. Въ этомъ случаѣ сила сама *не* есть нѣчто реальное, но является понятіемъ, примѣнимымъ только къ тому, что само чувственно-реально. Такъ было, напр., у Канта.

Эти три различныя точки зрѣнія на «силу» могутъ еще, сливаясь и сплетаясь, образовывать новыя, болѣе сложныя ученія, сращивающія, напр., отгѣнки эмпиристическій съ метафизическимъ (такъ было у Ницше), или критическій съ метафизическимъ (Шопенгауэръ) и т. д.

Одно обще всѣмъ ученіямъ о силѣ: это—*помѣщеніе ея въ реальный рядъ*. Сила или сама реальна—эмпирически или метафизически, во времени или внѣ времени, самостоятельно или зависимо,—или же есть принципъ для познанія реального. Вотъ почему мы сказали, что понятіе силы имѣетъ всегда онтологическое значеніе. Если при этомъ реальность, въ ряду которой живетъ и движется представленіе о силѣ, строится внѣ данности, изъ понятія, то мы будемъ говорить о метафизической реальности силы; если же эта реальность строится изъ данности, изъ созерцаній и воспріятій, то она будетъ неизбежно мыслиться во временномъ ряду и получить значеніе эмпиристической. Поэтому мы можемъ условиться, что все,

¹⁾ Можно принять это обозначеніе условно изъ сопоставленія Spinoza. „Ethica“. Pars I. Def. IV и *ibid.*, prop. XXXIV, не входя въ разсмотрѣніи его ученія объ атрибутахъ. Пониманіе „атрибута“ Спинозы какъ первоначальной силы отстаиваетъ Куно Фишеръ. „Gesch. der neueren Phil.“ В. II, p. 235, 383—395 и. а.

что мыслится во времени, напр., какъ возникающее, развивающееся, какъ имѣющее свою причину въ прошломъ, какъ «обусловленное» предшествующимъ или сосуществующимъ, — мыслится какъ эмпирически-реальное. Поэтому мы можемъ сказать, что все, что помѣщается въ тотъ познавательный рядъ, въ которомъ живетъ представленіе о силѣ, помѣщается съ методологической точки зрѣнія въ рядъ *реальный*: получаетъ само значеніе *реальною*, метафизически-реального или эмпиристически-временно-реального. Это уясняется еще болѣе изъ слѣдующихъ соображеній.

Именно, мы можемъ установить и еще нѣчто, какъ общее всѣмъ пониманіямъ силы и вскрывающее по существу познавательную роль этого понятія. Подъ «силой» всегда разумѣется *способность реальною къ дѣйствованію*.

Сила есть всегда *способность*, составляетъ ли она самую сущность вещи, или только свойство ея, или играетъ роль разсудочной категоріи: съ понятіемъ силы всегда связывается представленіе о нѣкоторой *способности*, или остающейся въ чисто потенціальномъ состояніи, или уже осуществляющейся. Способность эта можетъ носить далѣе характеръ *физическій* или *психическій* (истолковываемый съ точки зрѣнія метафизики или эмпириі), или проявляться въ дальнѣйшихъ подвидахъ этихъ видовъ, но она всегда мыслится какъ способность.

При этомъ она обыкновенно связывается съ представленіемъ о какомъ-нибудь носителѣ, который самъ является членомъ *реальною* ряда: элементомъ внѣшняго міра или элементомъ психической жизни.

Наконецъ, это есть способность къ *дѣйствованію* въ самомъ неопредѣленномъ и общемъ смыслѣ этого слова, будетъ ли это дѣйствованіе проявляться въ самоподдержаніи, какъ у Спинозы, или въ саморазвитіи, какъ у Фихте, или въ причинномъ опредѣленіи другихъ элементовъ реального ряда, какъ у Канта и эмпириковъ. И поскольку мы будемъ имѣть въ виду именно эмпиристическій рядъ, постольку мы будемъ говорить именно о *причинномъ* значеніи силы, о силѣ, какъ *способности быть причинно-опредѣляющимъ моментомъ въ сферѣ физической или психической*.

Чтобы покончить съ этимъ, по необходимости схематическимъ, анализомъ понятія о силѣ, добавимъ еще слѣдующее. Возмож-

ность истолковать силу, какъ совершенно «идеальное» начало, въ родѣ идеи «Духа» у Гегеля или вродѣ освобожденной отъ психологическаго и антропологическаго аспектовъ, чисто-трансцендентальной, кантіанской категоріи,—нисколько не опровергаетъ нашего тезиса о «реальномъ» значеніи этого понятія. То пониманіе «идеальнаго», которое въ этомъ случаѣ поглощаетъ представленіе о силѣ, или само является новымъ, можетъ быть, утонченнымъ видомъ реальнаго, или опредѣляется въ своей сущности и въ своемъ значеніи, какъ логическое орудіе для установленія или обоснованія сужденія о реальномъ. И въ этомъ случаѣ сила, хотя и «идеально» истолкованная, является или чѣмъ-то сущимъ и свойствомъ сущаго, или же предикатомъ, приложимымъ только къ сущему. Такъ «Духъ» Гегеля реаленъ высшей реальностью; трансцендентальная категорія примѣнима только къ «временному» и потому къ реальному. Итакъ, съ познавательной точки зрѣнія сила причастна всегда реальному ряду потому, что или къ ней приложимъ предикатъ «бытія», или она сама является предикатомъ «сущаго», или же наконецъ и то и другое вмѣстѣ.

Отсюда ясно, что для того, чтобы понятіе права сближалось съ понятіемъ силы или, тѣмъ болѣе, поглощалось имъ, необходимо, чтобы оно само переносилось въ *онтологическій рядъ*, чтобы право, такъ или иначе, само становилось членомъ *реальнаго* ряда, получало значеніе чего-то *реальнаго*. Внѣ этого понятія, силы и права не могутъ сближаться, и если мы видимъ, что эти понятія попадаютъ въ томъ или иномъ ученіи въ такое соотношеніе, при которомъ *понятіе права опредѣляется черезъ понятіе силы* (т. е. сила является родовымъ понятіемъ, а право видовымъ), или же признаки понятія права и признаки понятія силы соединяются *въ третьемъ понятіи*, какъ бы въ ихъ логическомъ дѣтищѣ, то мы можемъ быть увѣрены, что *право* такъ или иначе стало членомъ *реальнаго* ряда, *получило реальное значеніе*. Въ такомъ случаѣ мы можемъ увѣренно сказать: эта доктрина мыслить право какъ нѣчто реальное. При этомъ (не входя еще въ методологическій анализъ *права*), если сила мыслится какъ метафизическая сущность, то право получаетъ значеніе метафизической реальности, если же сила мыслится въ эмпиристическомъ духѣ, то право получаетъ значеніе эмпиристической реальности, т. е. право мыслится какъ реальное существующее во времени.

ГЛАВА III.

Теперь мы можемъ перейти къ вопросу о томъ, какіе методологическіе ряды доступны праву, т. е. съ какихъ методологическихъ точекъ зрѣнія можно подходить къ этому понятію. При чемъ, если въ числѣ этихъ рядовъ окажутся ряды реального характера, то намъ нужно будетъ рѣшить, какъ опредѣляется въ нихъ понятіе права и въ какихъ формахъ оно можетъ сближаться съ понятіемъ силы; если же окажутся ряды, чуждые реальному, свободные отъ всякой онтологіи, то какое значеніе получаетъ понятіе права *въ нихъ* и къ чему приводитъ вторженіе въ эти ряды понятія силы.

Прежде всего, говоря о правѣ, юристъ имѣетъ обыкновенно въ виду два общія и основныя значенія его: право въ объективномъ смыслѣ и право въ субъективномъ смыслѣ, т. е. правовыя нормы, и правовыя полномочія, выведенныя изъ этихъ нормъ. Этимъ вопросъ о соотношеніи права и силы разбивается на два основныя русла, поскольку съ понятіемъ силы будетъ сближаться понятіе права въ *объективномъ* смыслѣ или понятіе права въ *субъективномъ* смыслѣ. Слѣдовательно, необходимо выяснить, можетъ ли правовая норма получить значеніе силы и можетъ ли правовое полномочіе получить значеніе силы. Мы начнемъ съ анализа перваго вопроса.

Если есть какой-нибудь тезисъ, который могъ бы разсчитывать на широкое признаніе среди юристовъ-теоретиковъ, то это тезисъ, утверждающій, что *право есть норма или совокупность нормъ*. Юристъ, который не согласился бы признать это, навѣрное повергъ бы всѣхъ въ изумленіе. Но, если понятіе права, опредѣляемое въ строго логическомъ порядкѣ—*per genus proximum*, упирается въ понятіе нормы, то необходимо спросить, что есть норма. Подъ нормой я разумѣю *сужденіе, устанавливающее известный порядокъ, какъ должный*¹⁾. Термины же порядка, «должнаго» и сужденія слагаются при этомъ такъ.

1) Отмѣтимъ здѣсь, что *норма всегда* является съ нашей точки зрѣнія известнаго рода *сужденіемъ*, но *право не всегда* является *нормой*, какъ мы ее опредѣлили. То состояніе права, въ которомъ оно получаетъ устойчивый логическій смыслъ, закрѣпленный въ строгой словесной формѣ, есть продуктъ сравнительно поздняго и высокаго развитія; право можетъ долгое время пребывать въ состояніи логической безформности и словесной незакрѣплен

Порядокъ есть извѣстное *постоянное отношеніе между элементами множества*. Такъ порядокъ непременно предполагаетъ наличность не одного элемента, а двухъ или *многихъ*. Минимумъ—двухъ, максимумъ—положительной безконечности элементовъ. «Порядокъ», мыслимый во внутреннихъ отношеніяхъ единаго элемента къ себѣ самому, предполагаетъ этотъ элементъ условно раздѣленнымъ на нѣсколько элементовъ низшаго ранга. При этомъ для понятія порядка безразлично, что это за элементы: будь это люди, переживанія, планеты и т. д. ¹⁾ Далѣе понятіе порядка предполагаетъ, что между этими элементами устанавливается извѣстное *отношеніе*, ибо элементы, мыслимые внѣ всякаго отношенія другъ къ другу, какъ взятые изъ разныхъ, взаимно индифферентныхъ, плоскостей, не могутъ образовать ни порядка, ни беспорядка: стоитъ только попытаться понять «*отсутствіе отношенія*», какъ порядокъ, и мы сейчасъ же убѣдимся, что оно само получило значеніе извѣстнаго вида отношенія. При этомъ для *родового* понятія порядка, а мы имѣемъ теперь въ виду именно его, безразлично, какого рода это «отношеніе»: есть ли это *взаимодѣйствіе людскихъ душъ*, или

ности (напр., обычное право вообще, или извѣстныя области англійскаго государственнаго права, или правовые устои парламентскаго правленія), и въ этомъ видѣ своемъ оно оказывается не *нормой* (или соотв. не совокупностью нормъ), а *переживаніемъ* (или рядомъ переживаній) *нормативнаго характера*. Весь устанавливаемый ниже «юридическій» способъ разсмотрѣнія, или вовсе не приложимъ къ этимъ видамъ права, или приложимъ къ нимъ лишь въ мѣру возможности выяснитъ ихъ логическую и словесную форму. Съ этой точки зрѣнія право становится нормой и сужденіемъ лишь на высшей ступени своего развитія, и позднее осознаніе «юридическаго» метода въ его чистотѣ и самостоятельности (*процессъ этого осознанія не законченъ еще и понинь*) является вполнѣ понятнымъ и въ высокой степени знаменательнымъ послѣдствіемъ этого. Говоря о *задачахъ* дальнѣйшаго правосозданія и о *путяхъ* дальнѣйшаго праворазвитія, можно было бы пожалуй установить какъ *цѣль* и какъ *дѣйствительную тенденцію* — постепенное высвѣтленіе и укрѣпленіе логическаго элемента въ «дѣйствующихъ» правовыхъ нормахъ.

1) Я не упоминаю здѣсь о *понятіяхъ* не потому, чтобы въ отношеніяхъ между ними не былъ возможенъ извѣстнаго рода порядокъ, но потому, что въ отношеніяхъ между ними только и возможенъ порядокъ, при томъ такой, *постоянство* котораго гарантировано самой ихъ сущностью; онъ лежитъ въ такой плоскости, которая не знаетъ временности и слѣд., не знаетъ измѣненія, непостоянства и нормы. Ибо *мышленіе понятій* причастно временности и подлежитъ нормѣ, понятія же непричастны временности и нормѣ не подлежатъ.

ассоциативная связь, или тяготѣніе. Наконецъ, отношеніе это мыслится, какъ постоянное, и «постоянство» и образуетъ тотъ специфическій признакъ, который отличаетъ видовое понятіе «порядка», отъ родового понятія «отношенія». Это постоянство можетъ мыслиться въ послѣдовательности или въ сосуществованіи или въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ; оно можетъ мыслиться какъ «устойчивость» или какъ «повторяемость», но оно всегда должно быть налицо и всегда имѣть въ основаніи своемъ извѣстную схему, позволяющую констатировать эту устойчивость или повторяемость. Такъ, порядокъ есть извѣстное постоянное отношеніе между элементами множества.

Этотъ порядокъ устанавливается въ нормѣ, какъ *должный*. Если сужденіе устанавливаетъ извѣстное постоянное отношеніе между элементами множества, какъ обобщеніе, добытое анализомъ временной или пространственно временной данности (т.-е. дѣйствительности), то оно формулируетъ законъ, который можно охарактеризовать какъ позитивный. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой результатъ индуктивнаго изслѣдованія, высказывающій нѣчто о томъ, что есть, и притомъ не по вопросу о томъ, *есть* ли оно, а по вопросу о томъ, *какъ* оно есть, т.-е. о типичныхъ отношеніяхъ между элементами существующаго. Въ своемъ же конкретномъ примѣненіи это отношеніе мыслится само, какъ существующее, реальное, независимо отъ того, должно оно быть такимъ или *не* должно. Если же сужденіе устанавливаетъ извѣстное постоянное отношеніе между элементами множества, не основываясь по существу на анализѣ дѣйствительности и не имѣя въ виду дать отвлеченную формулу для совершающагося въ ней, а утверждая значеніе этого постоянного отношенія какъ *цѣнную*, и притомъ цѣннаго и внѣ реальности, но имѣющаго получить завершеніе своего «значенія», въ общемъ смыслѣ этого слова, здѣсь неопредѣлимомъ, именно черезъ реализацію ¹⁾, то оно формулируетъ *норму* въ общемъ значеніи этого слова. Въ такомъ случаѣ мы имѣемъ передъ собой сужденіе, высказывающее, что нѣчто должно быть и притомъ независимо отъ того, *есть* оно въ дѣйствительности или его нѣтъ. Норма

1) Ограничиваюсь этимъ намекомъ на опредѣленіе категоріи долженствованія, имѣя въ виду, что развернуть его можно только въ особомъ изслѣдованіи въ связи съ понятіями цѣнности и цѣли.

устанавливаетъ известное постоянное отношеніе между элементами множества, именно какъ должное.

Наконецъ, говоря о сужденіи, мы имѣемъ, въ виду слѣдующее. Сужденіе можетъ разсматриваться *или* какъ психическій актъ, и тогда оно является моментомъ реального процесса во всей его данной эмпирической сложности; или какъ связь между двумя (простѣйшій случай) понятіями, т.-е. мыслимыми содержаніями, субъектомъ и предикатомъ; эта связь обозначается условнымъ, не имѣющимъ онтологическаго значенія, терминомъ «есть» и выражается въ «частичномъ» логическомъ совпаденіи двухъ понятій; мы говоримъ «частичномъ», имѣя въ виду, что полное совпаденіе ихъ дало бы единое понятіе и превратило бы сужденіе въ тождесловіе. Связь эта бываетъ всегда и не можетъ не быть выражена въ словахъ. Употребляя терминъ «сужденіе», мы беремъ его именно во второмъ его значеніи и считаемъ необходимымъ оговорить это особенно потому, что русскій языкъ еще не знаетъ особаго термина для логическаго понятія «сужденіе» и особаго—для психологическаго понятія «сужденія».

Итакъ, тезисъ «право есть норма» въ развернутомъ видѣ гласить: *право есть сужденіе* (т.-е. выраженная въ словахъ связь между двумя мыслимыми содержаніями, выражающаяся въ ихъ частичномъ логическомъ совпаденіи), *которое устанавливаетъ известный порядокъ* (т.-е. известное постоянное отношеніе между элементами множества) *какъ должный*. Или: право есть норма, норма есть сужденіе. И отсюда съ необходимостью должна вытекать возможность разсматривать право какъ норму и какъ сужденіе. Ибо если понятіе сужденія есть родъ, а понятіе нормы есть видъ, и всѣ признаки родового понятія по общему праву присущи понятію видовому, то праву должны быть присущи всѣ признаки нормы; а если мы учтемъ, что такое же отношеніе рода къ виду лежитъ между понятіемъ нормы и понятіемъ права, то станетъ яснымъ, что праву должны быть присущи и всѣ признаки сужденія. Итакъ, право можетъ разсматриваться какъ норма и какъ сужденіе.

Устанавливая этотъ тезисъ, мы должны оговориться, что правовая норма можетъ состоять не только изъ одного, но и изъ нѣсколькихъ сужденій, что она можетъ быть (и нерѣдко бываетъ) формулирована въ видѣ умозаключенія, и что каждое сужденіе, входящее въ правовую норму, можетъ въ свою очередь

устанавливать связь не между двумя только, но и между нѣсколькими понятіями. Эти понятія могутъ быть слиты въ одно путемъ подчиненія (напр., понятіе «управленія канцеляріей Государственной Думы» ст. 29. Учрежденія Гос. Думы) или могутъ стоять въ раздѣльности и образовывать сложный субъектъ сужденія (напр., «виновный въ томъ-то...; виновный въ томъ-то...; виновный въ томъ-то... наказуется...» ст. 73. Русск. Угол. Улож. 1903 г.). Добавимъ еще, что мы совершенно сознательно опустили доказательство или обоснованіе второй посылки, необходимой для формулированнаго только что вывода, посылки, утверждающей дѣйствительную наличность въ положительномъ правовомъ матеріалѣ «нормъ-сужденій» въ нашемъ смыслѣ этого слова. Достаточно сослаться на *все «писаное» право*, чтобы освободить себя отъ доказательства этой посылки. Вся такъ называемая догматическая разработка права, сознательно или полусознательно, беретъ право именно какъ норму и какъ сужденіе, хотя въ громадномъ большинствѣ случаевъ и сплетается разсмотрѣніе ихъ съ элементами, взятыми изъ другихъ методологическихъ рядовъ. Последнее обстоятельство и заставило насъ остановиться съ бѣльшимъ вниманіемъ на этихъ понятіяхъ, ибо только строгая методологическая чистота и выдержанность въ опредѣленіи и разсмотрѣніи правового объекта могутъ дать возможность рѣшенія нашего основного вопроса ¹⁾.

Суть дѣла въ томъ, что оба указаннныя разсмотрѣнія (трактующія право какъ норму и какъ сужденіе) могутъ вполне отвлекаться отъ всякой временности и дѣйствительности, т.-е. двигаться въ ряду, чуждомъ бытію и реальности. Это возможно *во-первыхъ*, благодаря тому, что норму, какъ правило должнаго, можно и интересно подвергать научному анализу въ «*формальномъ*» отношеніи и по «*содержанію*» предписанія, независимо отъ того, дѣйствуетъ она или не дѣйствуетъ, т.-е. примѣняется или не примѣняется, и если примѣняется, то какъ, и къ чему это ведетъ. Такой анализъ правовой нормы производится и будетъ произво-

¹⁾ Мы не даемъ здѣсь развитаго опредѣленія понятія «правовой нормы» въ его специфическомъ отличіи отъ другихъ видовъ нормъ потому, что центр тяжести лежитъ для насъ не въ вопросѣ о томъ, *какая* норма правовая (рѣшеніе этого вопроса требуетъ самостоятельнаго изслѣдованія, и мы условно отодвигаемъ его), а въ томъ, является ли право нормой и только ли нормой, или еще чѣмъ-нибудь.

даться, и научная цѣнность его состоитъ именно въ томъ, что онъ есть *единственный* путь къ познанію *нормы, какъ таковой*. Мы увидимъ сейчасъ, что другіе способы разсмотрѣнія не могутъ замѣнить *этого* способа, ибо ставятъ себѣ другія задачи и притомъ такія, которыя предполагаютъ *эту* задачу рѣшенной. *Во-вторыхъ*, отвлеченіе нормы отъ времени и дѣйствительности возможно еще и потому, что «норма» и «сознаніе нормы» не одно и то же. Норма можетъ разсматриваться по содержанію такъ, что она будетъ представляться не какъ чья-то мысль, т.-е. не какъ мысль того или иного опредѣленнаго человѣка, или опредѣленной группы людей, а какъ мыслимое содержаніе нормативнаго характера вообще и само по себѣ. Что-то устанавливается, какъ должное; я могу интересоваться этимъ установленіемъ и этимъ должнымъ, не спрашивая о томъ, въ чемъ сознаніи живетъ представленіе объ этомъ должномъ, какъ оно въ немъ складывается, какъ вліяетъ на его мысли, чувства и поступки и т. д. Это не значитъ конечно, что эта послѣдняя группа вопросовъ не важна, не нужна или не представляетъ научнаго интереса. Нисколько, наоборотъ. Но вся эта серія вопросовъ вращается совсѣмъ въ другой плоскости, въ плоскости иной, гетерогенной формальному ряду.

То же самое повторяется и при разсмотрѣніи права, какъ сужденія. Если *нормативное* разсмотрѣніе интересуется правомъ, какъ *юридической нормой*, т.-е. ея юридическимъ характеромъ и содержаніемъ ея предписаній, то *логическое* разсмотрѣніе интересуется правомъ, какъ *юридическимъ сужденіемъ*, и ставитъ себѣ задачей научное выясненіе и систематическую разработку тѣхъ юридическихъ понятій (мы назвали ихъ выше мыслимыми содержаніями сужденія, субъектомъ и предикатомъ), которыя связуются въ сужденіи. Этотъ анализъ можетъ производиться опять-таки въ полномъ отвлеченіи отъ временной среды и временныхъ условій. Сужденіе въ своемъ *логическомъ составѣ* и сужденіе какъ *чья-то мысль*, т.-е. какъ содержаніе сознанія опредѣленнаго человѣка или опредѣленной группы, или даже неопредѣленной совокупности людей—суть совершенно различныя вещи. Я могу интересоваться логическимъ содержаніемъ сужденія и его понятій, не интересуясь тѣмъ, что оно *въ дѣйствительности* мыслится, или можетъ быть кѣмъ-нибудь и не мыслится; не спрашивая о томъ, въ *чемъ* сознаніи оно возникло и живетъ, какъ оно

влияетъ на его мысли и чувства, въ какихъ ассоціативныхъ связяхъ оно у него стоитъ, и т. д. Вопросы эти важны и цѣнны, но они вращаются не въ логической плоскости, а въ психологической.

Возможность и цѣнность *нормативнаго* разсмотрѣнія права въ отрывѣ отъ политическаго, социологическаго, историческаго и психологическаго, и возможность *логическаго* разсмотрѣнія сужденія въ противоположность психологическому—должны получить и получаютъ постепенно въ послѣдніе годы признаніе въ разныхъ областяхъ научнаго мышленія—въ логикѣ и юриспруденціи. Это несомнѣнно знаменательный плодъ методологическаго углубленія познанія, который, какъ мнѣ кажется, интересенъ и цѣненъ во многихъ отношеніяхъ. Примѣромъ является нашъ вопросъ о правѣ и силѣ.

ГЛАВА IV.

Мы можемъ *условиться* объединить *нормативное* и *логическое* разсмотрѣніе права въ общемъ терминѣ *юридическаго* разсмотрѣнія, противопоставляя, однако, это юридическое разсмотрѣніе отнюдь не моральному, эстетическому и т. д. Терминъ «юридическаго» въ нашемъ *условномъ* использованіи его отнюдь не предполагаетъ готовымъ опредѣленіе понятія права, какъ это и видно изъ всего хода нашихъ разсужденій; наоборотъ методъ, обозначенный нами этимъ терминомъ, самъ впервые открываетъ возможность получить узкое, но строго логическое и методологически-чистое опредѣленіе понятія права. Разсматривать какъ *норму* и какъ *сужденіе* можно не только право, но и мораль, и логическое какъ таковое, и эстетическое, словомъ всѣ тѣ сферы познанія, которыя имѣютъ по своему предмету нормативный характеръ; и тамъ этотъ методологическій рядъ можетъ быть (тоже конечно условно) охарактеризованъ какъ специфически моральный, логическій, эстетическій и т. д. Однимъ словомъ, когда мы характеризуемъ нормативное и логическое разсмотрѣніе права, какъ «юридическое», то этотъ терминъ имѣетъ у насъ значеніе «формально-методологическое», а не «матеріально-предметное».

И вотъ, если мы признаемъ, что возможно и цѣнно методологическое обособленіе этого «юридическаго» ряда отъ времен-

ныхъ рядовъ, трактующихъ такъ или иначе *правовую дѣйствительность*, то мы увидимъ, что въ понятіи права (какъ нормы и сужденія) вскрыта тѣмъ самымъ извѣстная сторона, которая не терпитъ сближенія съ понятіемъ силы. Ибо мыслить право, какъ силу, значитъ мыслить право, какъ нѣчто реальное, а юридическій рядъ характеризуется въ своей методологической сущности именно полнымъ и послѣдовательнымъ отвлеченіемъ отъ всего realнаго, отъ всякой «онтологіи», какъ таковой. Отвлекаться же отъ realнаго ряда съ тѣмъ, чтобы незамѣтно или безсознательно вводить realныя понятія обратно, есть операція явно несостоятельная. Или юридическое изученіе права допустимо, и тогда оно должно послѣдовательно сохранять до конца свою методологическую опредѣленность, которую мы стремились установить выше, или же оно должно быть отвергнуто какъ таковое—принципіально и вообще; но тогда въ изученіи права образуется незаполненная познавательная каверна.

Устанавливая этотъ отрывъ «юридическаго» анализа отъ психологическаго, историческаго и политическаго, какъ движущихся въ реальномъ ряду, мы видимъ себя совершенно свободными отъ упрека въ приданіи праву какой-то новой внѣвременной реальности, отъ упрека въ анти-историзмѣ, въ предоставленіи логикѣ какого-то исключительнаго господства въ политическихъ учрежденіяхъ (возраженіе Деландра Лабанду), въ вѣрѣ въ realныя дефиниціи (возраженіе Гирке Лабанду) и т. д. Нормативное и логическое разсмотрѣніе права не видитъ въ немъ чего-либо realнаго ни въ какомъ отношеніи, мало того, самая постановка вопроса о томъ, не realно ли право въ этихъ методологическихъ рядахъ—не имѣетъ смысла: оно здѣсь ни *есть*, ни *не.есть*, ему не приписывается ни *бытіе*, ни *небытіе*, ибо предикать «realнаго» мертвъ для этого ряда. При этомъ отрывъ права отъ исторической и психологической и всякой другой дѣйствительности есть, какъ и всякій другой методологическій приемъ, *условная* операція, преслѣдующая возможно большее логическое осознаніе изучаемаго предмета и методологическое очищеніе приемовъ изслѣдованія ради продуктивности научнаго познанія. Выводы, добытые «юридическимъ» анализомъ относительно правовыхъ нормъ, само собой разумѣется, будутъ отнесены въ послѣдствіи въ рамки исторической эпохи и временныхъ условій, ибо юристъ никогда не забудетъ о совершенной имъ

въ началѣ «искусственной» и условной изоляціи. Но именно это *предварительное* и *послѣдующее* обращеніе познающей мысли къ сознанію *единства предмета* и къ сознанію необходимой сопринадлежности отдѣльныхъ сторонъ его—сначала къ «ирраціональному» синтезу *непознаннаго* предмета, какъ данному, и потомъ къ «раціоналистическому» синтезу *познаннаго* предмета, какъ заданному—обеспечиваетъ возможность соблюденія строгой методологической послѣдовательности и чистоты въ изолированій и изученіи отдѣльныхъ сторонъ *познаваемаго* предмета. Необходимымъ коррелятомъ методологическаго *плюрализма* является методологическая *чистота* въ познаніи, и «заданный» синтезъ познаннаго предмета (въ нашемъ случаѣ «права» въ самомъ общемъ и широкомъ значеніи этого слова) будетъ естественно тѣмъ болѣе исчерпывающимъ, глубокимъ и тѣмъ совершеннѣе отражающимъ безконечную сложность «ирраціоналистически» представляемаго, «даннаго» предмета, чѣмъ детальнѣе послѣдній былъ дифференцированъ въ процессѣ познанія, и чѣмъ послѣдовательнѣе и строже была проведена эта методологическая дифференціація. Насколько важно *до* вступленія въ извѣстный методологическій рядъ и *по* выходѣ изъ него помнить о томъ, что въ сущности познаваемое едино и цѣльно, настолько же можетъ быть полезно забыть объ этомъ единствѣ и объ этой цѣльности *въ предѣлахъ* отдѣльнаго познавательнаго ряда, и это касается особенно тѣхъ рядовъ, которые строятся по принципу «методологическаго индифференцизма».

Такъ, именно въ нашемъ случаѣ всѣ дисциплины, движущіяся въ «юридическомъ» ряду, трактуютъ и должны трактовать право въ такомъ пониманіи, которое исключаетъ въ составѣ его признаки категоріи реального ряда и въ частности категорію силы. Понятіе права и другія юридическія понятія не должны опредѣляться здѣсь черезъ признакъ силы; для юриста въ тѣсномъ смыслѣ этого слова право есть норма и сужденіе и *не* есть ни въ какомъ отношеніи сила. Право, какъ норма и сужденіе и право, какъ сила—суть понятія, лежащія въ методологически-индифферентныхъ рядахъ. Поэтому всѣ тѣ конструкціи правовыхъ понятій, которыя непосредственно или въ замаскированномъ и утонченномъ видѣ вносятъ въ юридическія опредѣленія моментъ силы—сливаются два методологически-индифферентные

ряда и, или должны быть признаны неюридическими (въ тѣсномъ смыслѣ), или должны быть критически пересмотрѣны.

И это касается прежде всего основного *юридическаго* опредѣленія самаго понятія права. Общая теорія права можетъ и должна въ той части своей, въ которой она разсматриваетъ это опредѣленіе, учесть и подвергнуть анализу всѣ отдѣльныя стороны права. Но первой и главной ея обязанностью является дать чисто «юридическое» опредѣленіе права, какъ нормы и сужденія съ извѣстными видовыми специфическими признаками. Это безусловно необходимо потому, что въ *логическомъ* порядкѣ юридическія (въ тѣсномъ смыслѣ) опредѣленія предшествуютъ другимъ разсмотрѣніямъ и опредѣленіямъ. Для всѣхъ остальныхъ способовъ разсмотрѣнія и слѣд., для всѣхъ остальныхъ методологическихъ рядовъ юридическія опредѣленія являются необходимыми предпосылками, безъ которыхъ тѣ не могутъ и шагу ступить. Это ясно уже на двухъ основныхъ реальныхъ рядахъ правопознанія — психологическомъ и соціологическомъ.

Такъ, прежде всего въ психологическомъ пониманіи право есть не что иное, какъ правовое переживаніе или переживаніе права. Это есть право, введенное во временный потокъ индивидуальнаго сознанія или ряда индивидуальныхъ сознаній въ качествѣ одного изъ ихъ содержаній; именно въ такомъ реальномъ значеніи и анализируетъ право психологъ. Но понятіе о «переживаніи правовой нормы» или «правового полномочія» (соотв. «обязанности») предполагаетъ, что правовая норма и правовое полномочіе гдѣ-то уже опредѣлены, иначе психологъ не имѣлъ бы никакой опредѣленной схемы для отграниченія своего объекта. Это опредѣленіе долженъ дать психологу «юристъ», если только психологъ не хочетъ блуждать въ потемкахъ и растворять свой объектъ въ широкой и неопредѣленной атмосферѣ случайныхъ прозрѣній. Итакъ, психологическое разсмотрѣніе права предполагаетъ готовымъ юридическое опредѣленіе и опирается на него ¹⁾).

¹⁾ Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интереснымъ оказывается то обстоятельство, что самый тонкій, оригинальный и послѣдовательный изъ психологовъ-правовѣдовъ проф. Петражицкій, устанавливая свое опредѣленіе права, анализируетъ право не только какъ переживаніе, но и какъ норму, вскрывая императивно-атрибутивный характеръ въ самой логической сущности пра-

Точно таково же положеніе соціологическаго правовопознанія. Если соціологъ разсматриваетъ, описываетъ и объясняетъ процессъ взаимодействія человѣческихъ психикъ ¹⁾, то соціологъ-правовѣдъ будетъ имѣть дѣло съ правомъ въ двухъ отношеніяхъ: 1. Право окажется для него *явленіемъ* въ томъ смыслѣ, что оно, являясь индивидуальнымъ переживаніемъ, опредѣляетъ отношенія переживающаго индивида къ другимъ членамъ общенія; въ этомъ случаѣ соціологъ беретъ право въ томъ же пониманіи, какъ и психологъ, но въ иномъ аспектѣ—его интересуется переживаніе права въ его вліяніи не на внутренней міръ переживающаго индивида, а на отношеніе индивида къ окружающимъ и отношеніе окружающихъ къ нему. Въ этомъ случаѣ методологическое соотношеніе соціологическаго и юридическаго ряда рѣшается по аналогіи съ психологическимъ разсмотрѣніемъ: понятіе индивидуальнаго переживанія права и въ этомъ аспектѣ предполагаетъ готовымъ юридическое опредѣленіе права. 2. Право въ соціологическомъ ряду оказывается далѣе *правовымъ явленіемъ* въ болѣе узкомъ и опредѣленномъ смыслѣ. Право въ этомъ пониманіи есть правовая норма, введенная *черезъ примѣненіе ея* въ фактической составъ общественныхъ отношеній въ качествѣ *схемы* этихъ отношеній. Право въ моментъ его примѣненія получаетъ новое значеніе, фактическое: если въ юридическомъ ряду право было нормой, то въ соціологическомъ ряду, послѣ примѣненія, оно получаетъ значеніе одного изъ моментовъ въ реальномъ составѣ общественныхъ отношеній ²⁾. Оно является здѣсь опять переживаніемъ, но переживается уже

новыхъ нормъ. См. „Теорія права и государства“, т. I, стр. 56—59. Въ методологическомъ отношеніи это врядъ ли послѣдовательно, но свидѣтельствуетъ о важности и неизбежности „юридическаго“ пути.

1) При этомъ я отвлекаюсь отъ проблемы ограниченія соціологии отъ коллективной психологии; этотъ вопросъ далеко еще не рѣшенъ и, можетъ быть, даже не поставленъ ясно въ литературѣ и требуетъ особаго самостоятельнаго изслѣдованія.

2) „Примѣненіемъ“ права называютъ иногда *логическую дедукцію* изъ извѣстной правовой нормы примѣнительно къ извѣстному случаю, конкретно данному или отвлеченно указанному (сборники казусовъ). Понятая, какъ психическій процессъ въ душѣ судьи, эта операція входитъ составнымъ моментомъ въ то пониманіе примѣненія, которое мы имѣемъ здѣсь въ виду; само по себѣ оно не можетъ и не должно называться „примѣненіемъ права“, но самое большее „примѣнительнымъ анализомъ нормъ права“.

неопредѣленной совокупностью психикъ, переживается не только какъ норма, но и какъ фактически реализующаяся схема, и какъ выведенный изъ нормы въ примѣненіи къ конкретному случаю строй полномочій и обязанностей, обыкновенно съ сознаниемъ опредѣленной санкціи (въ видѣ предстоящихъ реальныхъ послѣдствій уклоненія) и т. д. Однимъ словомъ, *правовое явленіе* для социолога—это отношеніе людей *послѣ* примѣненія къ нему *нормы права* и *во все время ея реальною «дѣйствования»*. Ясно, что понятіе правовой нормы, или (въ частномъ случаѣ) *содержаніе данной* правовой нормы, а слѣд., и ея *формальное значеніе* какъ таковой, а также *понятія*, использованныя въ ней,— все это предполагается и здѣсь извѣстнымъ, готовымъ, необходимымъ (для *отграниченія объекта* социологическаго правопознанія) и установленнымъ гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ. Итакъ, и социологическое правовѣдніе предполагаетъ готовымъ юридическое опредѣленіе и опирается на него ¹⁾.

Наконецъ и политическое разсмотрѣніе права, движущееся по существу своему въ реальномъ ряду, предполагаетъ юридическій анализъ выполненнымъ. Политическая точка зрѣнія помещаетъ право въ телеологическую цѣль, т.-е. въ рядъ цѣлей и средствъ ²⁾. Въ этомъ ряду каждое звено, кромѣ высшаго и низшаго («конечной» цѣли и «исходнаго» пункта), имѣетъ двойное значеніе: для каждаго высшаго звена оно есть средство, для каждаго низшаго звена—цѣль. Верховное звено,—конечная

¹⁾ Это относится и къ *историческому* правовѣднію, поскольку оно имѣетъ дѣло съ объектомъ, близкимъ къ социологическому; оно выдвигаетъ на первый планъ схему временности въ реальныхъ процессахъ правового „дѣйствования“, не углубляется обыкновенно (за объективной невозможностью) въ психическія основы „правоотношенія“, ограничиваясь описаніемъ и поверхностнымъ, сравнительно, объясненіемъ *внѣшнихъ* итоговъ внутренняго душевнаго процесса, не поднимается къ широкимъ обобщеніямъ, уходя болѣе въ конкретное, эмпирически-единственное и т. д. Словомъ, поскольку оно оперируетъ съ правовыми явленіями (я отвлекаюсь въ настоящій моментъ отъ „историческаго“ сопоставленія итоговъ „юридическаго“ разсмотрѣнія, полученныхъ отъ разработки различныхъ совокупностей правовыхъ нормъ, взятыхъ изъ различныхъ эпохъ—этотъ рядъ остается по существу юридическимъ и ирреальнымъ), постольку оно предполагаетъ „юридическія“ опредѣленія готовыми.

²⁾ Изъ всего ученія о телосѣ я даю здѣсь лишь тѣ опредѣленія, которыя необходимы для подтвержденія основнаго тезиса работы; прочее же условно отодвигаю въ разсмотрѣніи.

цѣль, — обосновывается въ содержаніи своемъ трансцендентально (дедукціей изъ системы цѣнностей), всѣ же остальные звенья обосновываются черезъ эмпирическую причинную связь (индуктивно провѣренную, или гипотетически построенную), утверждаемую въ порядкѣ временной послѣдовательности между всѣми низшими звеньями и высшимъ (соотв. высшими). Такимъ образомъ *весь* телеологическій (политическій) рядъ мыслится въ схемѣ временной, мыслится, какъ реальный. Будетъ ли «право» здѣсь *только* цѣлью, или одновременно и цѣлью и средствомъ, — оно мыслится какъ нѣчто, подлежащее реализации, реализуемое, или реализующее: это будетъ *право, какъ явленіе* или *правовое явленіе*; и то и другое понятіе предполагаетъ принципъ отбора «правового» отъ «неправового» установленнымъ, предполагаетъ, что право опредѣлено, какъ норма и какъ понятіе. Такъ, и политическое разсмотрѣніе права предполагаетъ юридическій анализъ выполненнымъ.

Но, если юридическое опредѣленіе и разсмотрѣніе права есть логическій *rius* психологическаго, соціологическаго, историческаго и политическаго опредѣленія и разсмотрѣнія, то переходъ отъ перваго ряда къ остальнымъ рядамъ и можетъ быть съ нашей точки зрѣнія охарактеризованъ, какъ *приданіе праву значенія силы*. Именно въ остальныхъ указанныхъ способахъ разсмотрѣнія право дѣлается членомъ реального ряда. Оно получаетъ значеніе психически-или общественно-реального момента, стоящаго въ *реальномъ взаимодействіи* съ другими моментами того же ряда. Такъ *сознаніе правовой нормы* можетъ опредѣлять и опредѣляетъ въ душѣ человѣка другія содержанія его сознанія, оно можетъ вызывать въ немъ извѣстныя новыя чувства, хотѣнія, мысли, или поддерживать и видоизмѣнять старыя. Право, какъ сознаніе (или шире — переживаніе) правовой нормы, является здѣсь способнымъ быть причинно-опредѣляющимъ моментомъ въ сферѣ психической: оно есть *«сила»*.

Точно такъ же примѣненіе права, какъ введеніе его въ реальные процессы общественности, дѣлаетъ его факторомъ *реально-опредѣляющимъ* общественность. Право, какъ говорятъ, является здѣсь *«общественной силой»*.

ГЛАВА V.

Такимъ образомъ получается отвѣтъ на поставленный нами вопросъ о совпадении и несовпадении права и силы. Намъ интересовало все время не столько общее и сходное въ этихъ представленіяхъ, сколько методологическая возможность и необходимость ихъ различенія въ правопознаніи. Можно разсматривать съ извѣстной точки зрѣнія *и* право, *и* силу, какъ *реальность*; съ другой точки зрѣнія можно разсматривать *и* право, *и* силу, какъ *цѣнность* (право, какъ цѣнность морально-практическаго ряда, силу, какъ категорію конститутивного познанія, т.-е. какъ «цѣнность» теоретическаго ряда); съ третьей точки зрѣнія *и* право, *и* силу можно разсматривать, какъ *отвлеченныя понятія*. Но не это «общее» праву и силѣ интересовало и интересуеъ насъ. Мы стремимся выяснитъ не столько случаи соподчиненнаго положенія этихъ понятій, когда оба они наравнѣ подчинены нѣкоторому третьему *надъ* ними стоящему понятію; но случаи ихъ непосредственнаго, такъ сказать, логическаго касанія, когда всѣ признаки одного изъ нихъ присущи другому (отношеніе рода къ виду), или, когда признаки того и другого понятія сливаются въ нѣкоторомъ новомъ представленіи, которое не имѣетъ для нихъ значенія родового понятія, но, соединяя въ себѣ недопустимымъ образомъ категоріи, взятая изъ разныхъ плоскостей, представляетъ изъ себя мысленное образованіе, подлежащее аналитическому разложенію.

И въ этомъ направленіи намъ удалось выяснитъ слѣдующее.

Право можетъ разсматриваться, какъ сила, но можетъ разсматриваться и въ такомъ пониманіи, которое не допускаетъ сближенія съ силой. Праву присущи всѣ признаки силы въ «*реальномъ*» правопознаніи, т.-е. въ психологическомъ, социологическомъ, историческомъ и политическомъ рядахъ разсмотрѣнія; праву не присущъ ни одинъ изъ признаковъ силы въ «*юридическомъ*» правопознаніи, т.-е. въ нормативномъ и логическомъ ряду. Иными словами: поскольку право разсматривается, какъ введенное въ реальный рядъ, постольку допустимо его сближеніе съ понятіемъ силы—здѣсь сила есть родовое понятіе, а право видовое; поскольку же право отрывается методологически отъ реальности въ ея различныхъ видахъ и пониманіяхъ, постольку такое сближеніе недопустимо, постольку право и сила лежатъ въ рядахъ, взаимно методологически индифферентныхъ.

Отсюда ясно, что тѣ опредѣленія права и другихъ понятій юриспруденціи, которыя включаютъ въ себя явно или тайно моментъ силы въ томъ или иномъ ея пониманіи, должны быть признаны *не* юридическими въ тѣсномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, или же должны быть исправлены, такъ сказать, методологически очищены и освобождены отъ этого момента. При этомъ съ нашей точки зрѣнія нельзя отрицать возможности и необходимости такихъ не юридическихъ опредѣленій; но слѣдуетъ неустанно доказывать, что и вообще, и для нихъ самихъ, необходимо сначала установить юридическое опредѣленіе.

Поэтому до тѣхъ поръ, пока, напр., Гумпловичъ ¹⁾ сближаетъ право и силу исторически и генетически, возражать ему можно только въ предѣлахъ исторіи и социологіи, т.-е. отправляясь отъ анализа фактическаго матеріала правовыхъ явленій, но не съ методологической точки зрѣнія. За то съ методологической точки зрѣнія нельзя не признать, что юридическая сущность понятія права остается совершенно не затронутой его социологическими и историческими изысканіями о происхожденіи права изъ силы. Юридически понятая наука государственнаго права занимается не изслѣдованіемъ фактическихъ общественныхъ отношеній, подобно Гумпловичу ²⁾, а анализомъ нормъ государственнаго права.

Или, тезисъ Іеринга, гласящій, что право есть «понятіе силы» (*Kraftbegriff*, *Machtbegriff*), а не «логическое понятіе» ³⁾, долженъ быть, съ нашей точки зрѣнія, для оцѣнки раздѣленъ на двѣ части: на первую, утверждающую, что право есть «понятіе силы», и на вторую, утверждающую, что право *не* есть «логическое понятіе». Оставляя въ сторонѣ неудачную съ точки зрѣнія логики формулировку тезиса (логика не знаетъ противопоставленія «понятій силы»—«понятіямъ логическимъ»), мы должны признать, что первая часть его не содержитъ ничего недопустимаго, ибо право можетъ въ извѣстныхъ рядахъ разсматриваться, какъ сила; вторая же часть тезиса оказывается неприемлемой потому, что реальное значеніе права вполнѣ уживается методологически съ его логическимъ разсмотрѣніемъ. Последнее не должно и

1) Gumplowicz, L. Allgemeines Staatsrecht. P. 338 u. a. Die sociologische Staatsidee. Pp. 108—111.

2) Gumplowicz, L. Allgemeines Staatsrecht. Pp. 377, 438—439. Die sociologische Staatsidee. P. 40.

3) R. v. Ihering. Der Kampf um's Recht. P. 9, 11.

не можетъ отрицаться только потому, что въ социологическомъ ряду право оказывается силой, и Іерингъ самъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ раннихъ сочиненій выступалъ поборникомъ этого разсмотрѣнія (хотя и въ невыдержанномъ методологически пониманіи) ¹⁾. И когда въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи тотъ же Іерингъ говоритъ о двухъ путяхъ, на которыхъ правовая норма становится силой, а сила — правовой нормой ²⁾, то онъ движется все время въ реальномъ социологическомъ ряду, и въ его трактованіи «норма, которая стала силой» противостоитъ не «норма, методологически индифферентная представленію о силѣ», а «безсиловая норма», т.-е. *сознаніе* нормы, *неспособное* стать «принудительно» опредѣляющимъ факторомъ общественности.

Или, когда Меркель говоритъ о томъ, что право въ объективномъ смыслѣ есть социальный факторъ ³⁾, то въ этомъ мы видимъ методологическое смѣшеніе: правовое предписаніе является, какъ мы только что говорили, социальнымъ факторомъ, какъ сознаніе нормы или же сверхъ того въ результатѣ своего примѣненія; именно въ такомъ пониманіи оно становится «силой», но именно въ этомъ пониманіи оно *не* является уже правомъ въ объективномъ смыслѣ, ибо право въ объективномъ смыслѣ есть совокупность *нормъ*, какъ таковыхъ, а не нормативныхъ содержаній сознанія, и не фактическихъ схемъ реальныхъ отношеній.

Изъ всего этого ясно также, что въ «юридическое» опредѣленіе права не войдетъ цѣлый рядъ признаковъ, содержащихъ моментъ силы въ *скрытомъ* видѣ.

Такъ опредѣленіе права какъ «выраженія воли» ⁴⁾ будетъ отнесено съ нашей точки зрѣнія не въ юридическій, а въ психологическій рядъ. Ибо оно вводитъ право въ реальный рядъ, являясь результатомъ разсмотрѣнія его психологическаго генезиса и устанавливая между нимъ и волей реальную связь происхожденія. Это даетъ возможность разсматривать и самое право, какъ причинно-опредѣляющую силу.

Такъ, опредѣленіе права, какъ «выраженія интереса» также не будетъ включено, съ этой точки зрѣнія, въ юридическій рядъ,

¹⁾ R. v. Ihering. Geist des römischen Rechts. I Theil, pp. 25—32.

²⁾ R. v. Ihering. Der Zweck im Recht. B. I, pp. 248—249.

³⁾ A. Merkel. Gesammelte Abhandlungen. II. 1. Recht und Macht. Pp. 403—404. Jurist. Encyklopädie. P. 7. § 42.

⁴⁾ A. Merkel. Jurist. Encyklopädie. P. 22. § 42.

ибо и оно вводитъ въ логическій анализъ каузальное разсмотрѣніе и этимъ придаетъ самому праву реальное значеніе силы, ибо рожденное психической «силой» естественно является силой само.

Точно также съ методологической точки зрѣнія неправильно вводитъ въ юридическое опредѣленіе права признакъ «принужденія», если только подъ этимъ не разумѣть просто неизмѣнную наличность санкціонирующей нормы (тогда возстанутъ возраженія индуктивнаго характера). Вопросъ о томъ, влечетъ ли за собою всякая «правовая норма», какъ таковая, проявленіе и дѣйствіе социально-принудительнаго аппарата, или *не* влечетъ, есть вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только описаніемъ и типизаціей реального процесса—индивидуальнаго или социальнаго переживанія права. Принужденіе въ этомъ смыслѣ есть моментъ реального воплощенія, реального дѣйствія права; оно предполагаетъ, что само право перешло въ состояніе реальности, что оно реально дѣйствуетъ, что оно—сила.

Болѣе утонченнымъ видомъ сближенія рядовъ является введеніе признака угрозы или общественной санкціи. Въ этомъ случаѣ устанавливается тотъ типичный, якобы, для сознанія всякой правовой нормы фактъ, что это сознаніе сопровождается всегда представленіемъ о возможности или даже неизбежности психическаго или физическаго давленія на индивида со стороны болѣе или менѣе опредѣленныхъ общественныхъ слоевъ. Если даже признать, что право дѣйствительно всегда *переживается психически* въ аспектъ силы, то юристъ беретъ право именно *не* какъ переживаніе, а какъ норму, и не привлекаетъ къ ея анализу всѣ комплексы ассоціацій, которые его сопровождаютъ.

Точно также пониманіе *обязательности* правовой нормы, какъ *силы*, не имѣетъ юридическаго характера. Если обязательность нормы опредѣлять, какъ дѣйствіе ея на человѣческую волю, то опредѣленіе это введетъ правовую норму въ психологическій рядъ, ибо на волю дѣйствуетъ *не норма*, а *представленіе о нормѣ*, переживаніе нормы. Конечно, съ *психологической* точки зрѣнія степень обязательности нормы измѣряется той интенсивностью, съ которой представленіе о ней дѣйствуетъ на волю. Но *юридически* норма сохранить свою обязательность и тамъ, гдѣ можетъ быть на протяженіи ста верствъ нѣтъ ни одного человѣка, который имѣлъ бы о ней представленіе.

Затруднительно говорить въ юридическомъ ряду и объ «этической» силѣ права. Вопросъ этотъ въ высокой степени важенъ съ точки зрѣнія психолога, соціолога, политика и моралиста, но юридическое разсмотрѣніе будетъ стремиться къ отчетливому, по возможности, граненому отграниченію понятія правовой *нормы* отъ понятія нравственной *нормы*, сознавая, что и нравственность, поскольку онъ ея касается, трактуется имъ не какъ психическая сила, а какъ норма морали.

Отсюда вытекаетъ еще, что понятіе «дѣйствующаго права» будетъ имѣть для юриста не то же значеніе, какъ для правоведа-психолога, соціолога и отчасти политика. Послѣдніе признаютъ право дѣйствующимъ лишь тогда, если оно вошло въ сознаніе людей или прошло черезъ процессъ примѣненія. Для нихъ важна не юридическая обязательность права, т.-е. не формальный моментъ компетентнаго санкціонированія и публикаціи, какъ для юриста, а переходъ права изъ состоянія, какъ говорится, «мертвого» въ состояніе «живое»: «дѣйствуетъ» въ глазахъ психолога и соціолога то право, которое стало «силой». Юристъ не нуждается въ этомъ моментѣ реализаціи.

Методологически неправильное сближеніе рядовъ, которое мы сейчасъ имѣемъ въ виду, облегчается еще введеніемъ между правомъ и силой нѣкоторыхъ нейтральныхъ и съ виду совершенно безобидныхъ терминовъ, какъ, напр., «порядокъ». Мы указывали выше, что понятіе порядка есть понятіе методологически двуликое. Порядокъ можетъ обозначать, съ одной стороны, тотъ строй отношеній, который устанавливается нормами, какъ должный; съ другой стороны, тотъ строй отношеній, который наблюдается, какъ эмпирически-дѣйствительный. Въ первомъ случаѣ порядокъ есть терминъ юридическій; во второмъ случаѣ это есть терминъ реального ряда. Пользуясь терминомъ «правопорядокъ», изслѣдователи обыкновенно не указываютъ, въ какомъ смыслѣ они его употребляютъ; образуется мостъ, черезъ который можно всегда легко и незамѣтно перейти изъ одного ряда въ другой. Поэтому тѣ опредѣленія права, которыя характеризуютъ его какъ порядокъ, должны быть съ юридической точки зрѣнія пересмотрѣны. Такъ Регельсберггеръ и Колеръ опредѣляютъ право, какъ правовой порядокъ; Гарейсъ опредѣляетъ право, какъ порядокъ мира; Руссель—какъ порядокъ равновѣсія и т. д.

Къ такимъ же терминамъ относятся понятія «правового свой-

ства» и «правового отношенія». Въ самомъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ «свойствомъ» можно называть все, что, въ томъ или иномъ смыслѣ и пониманіи, приписывается чему-то другому; и вотъ, именно это широкое значеніе термина, оправдывающее его употребленіе въ логическомъ разсмотрѣніи, оказывается однимъ изъ путей, ведущихъ къ сближенію и смѣшенію методологическихъ рядовъ. Ибо въ болѣе узкомъ, строгомъ и опредѣленномъ значеніи «свойствомъ» можно назвать лишь то, что приписывается (или соотв. присуще, принадлежитъ) чему-то другому *въ порядкѣ реальномъ*; въ частности это можетъ быть реальная потенція или *сила* вещи. Поэтому, рассматривая право въ юридическомъ ряду, мы должны говорить о *признакахъ* права; рассматривая же его въ одномъ изъ реальныхъ рядовъ мы будемъ говорить о его *свойствахъ*. Такъ «принужденіе» въ указанномъ выше смыслѣ можетъ быть *признакомъ* права и *свойствомъ* права, въ зависимости отъ того, говоритъ ли юристъ или социологъ. Мы увидимъ, какъ понятіе свойства разлагается методологически въ другомъ сочетаніи.

Точно также понятіе «правоотношенія» имѣетъ различные методологическіе уклоны. Въ самомъ широкомъ и общемъ смыслѣ объ «отношеніи» можно говорить и въ естествознаніи, и въ юриспруденціи, и въ логикѣ. Но съ точки зрѣнія юридической методологии въ высокой степени важно, говоря объ «отношеніи», разъяснять, имѣется ли въ виду конкретное, единичное отношеніе, которое мыслится, какъ «реальное» (мы отвлекаемся условно отъ критической точки зрѣнія, согласно которой отношеніе есть всегда категорія), или общее родовое *понятіе отношенія*. Необходимо далѣе пояснять, къ какому порядку принадлежитъ это «отношеніе», къ порядку дѣйствительному, индуктивно констатируемому, или къ порядку нормативному, должному, предписываемому. Тогда, въ логическомъ разсмотрѣніи отношеніе будетъ всегда *понятіемъ*, для реального разсмотрѣнія методологически *индифферентнымъ*; въ нормативномъ разсмотрѣніи оно получитъ значеніе формулы должнаго; въ реальныхъ же рядахъ оно будетъ мыслиться или реальнымъ, конкретнымъ, единичнымъ отношеніемъ, или же понятіемъ, дающимъ типъ, отвлеченную схему для того, что *реально* совершается. И только въ реальныхъ рядахъ «отношеніе» явится не индифферентнымъ для категорій силы. На все это мы можемъ указать здѣсь только

мимоходомъ; систематическая разработка этихъ различій потребовала бы неминуемо ихъ примѣненія къ матеріалу правовѣдѣнія.

Изъ другихъ выводовъ мы остановимся еще только на понятіи «объясненія» въ правовѣдѣніи и на идеѣ «догмы права».

Нерѣдко установленіе той или иной *юридической конструкціи* обозначаютъ терминомъ «объясненія»; этимъ же терминомъ называютъ и установленіе тѣхъ или иныхъ *связей между явленіями правовой жизни*. Эта *терминологическая* неразличенность является показателемъ гораздо болѣе существенныхъ *логическихъ* смѣшеній. Именно, необходимо всегда имѣть въ виду, что «юридическая» конструкція, въ строгомъ и опредѣленномъ смыслѣ этого слова, отправляется отъ анализа правовыхъ нормъ, какъ сужденій, а не отъ анализа правовыхъ явленій; поэтому, двигаясь въ ряду, чуждомъ реальности, она *не даетъ и не можетъ* дать чего-либо для познанія того, что реально; юридическая конструкція, если только мы хотимъ быть методологически ясны и послѣдовательны, не стремится и не должна стремиться къ «объясненію» правовыхъ явленій: задачей ея является «осмысливаніе» (т.-е. логическій анализъ и систематизирующая переработка правовыхъ нормъ, какъ нормъ, и какъ сужденій), и юридическое понятіе, построенное такимъ образомъ, *не объясняетъ ничего* въ реальной общественной жизни; ибо оно отвлечено отъ сужденій, формулирующихъ *не сущее, а должное*. А содержаніе нормъ можетъ очень рѣзко расходиться съ чертами, «воплотившихъ» эти нормы общественныхъ явленій. Итакъ, слѣдовало бы отнести терминъ «объясненія» исключительно въ реальные ряды; тамъ «объяснить»—значитъ подвести познаваемое конкретное подъ, познанное уже, абстрактное, неизвѣстное реальное—подъ извѣстное, отвлеченное отъ реальнаго; или же установить генетическую связь между двумя конкретными моментами реальнаго ряда. Задачу же юридическаго разсмотрѣнія слѣдуетъ формулировать не какъ «объясненіе», а какъ «логическое осмысливаніе». При такомъ разграниченіи обнаружится съ особенной ясностью, что категоріямъ силы есть мѣсто только въ «объясняющихъ», но отнюдь не въ «осмысливающихъ» рядахъ.

Наконецъ, изъ всего сказаннаго вытекаетъ съ очевидностью, что идея и задача «догмы права» получить съ, занятой нами точки зрѣнія новую постановку. Исторически догма, какъ осо-

бый способъ разсмотрѣнія права, выростала подѣ влияніемъ практическихъ потребностей; это была совокупность приѣмовъ, облегчавшая юристу-практику, примѣнявшему право, дѣло ориентирования въ примѣняемомъ матеріалѣ правовыхъ нормъ. Духъ римской догмы, слагающійся въ формулу, не «познать, чтобы знать», а «познать, чтобы примѣнить», переносилъ центръ тяжести съ теоретическаго момента разработки правовыхъ нормъ, на практическій, и въ такомъ видѣ его влияние сохранилось и до нашихъ дней, и до сихъ поръ мѣшаетъ юриспруденціи стать самостоятельной наукой, т.-е. *теоріей* во всемъ значеніи этого слова. Съ нашей точки зрѣнія такое положеніе догмы должно замѣниться другимъ, чисто теоретическимъ. Подобно тому, какъ исторія естествознанія знаетъ постепенную эмансипацію теорій отъ руководящаго и опредѣляющаго влияния практики, такъ и въ юриспруденціи давно пора признать, что практическія потребности суда и политической жизни могутъ служить самое большее толчкомъ, поводомъ для пробужденія самостоятельнаго теоретическаго интереса къ правовымъ нормамъ и ихъ содержанію. Въ идеѣ «юриспруденціи» теорія должна дифференцироваться отъ практики, и по существу это выразится въ признаніи допустимости включенія въ «юридическія» понятія и конструкціи признаковъ, добытыхъ изъ анализа правовыхъ нормъ, независимо отъ того, нашли эти признаки практическое примѣненіе и реальное осуществленіе или нѣтъ, или можетъ быть перестали его находить въ результатѣ историческаго развитія. Съ этой точки зрѣнія догматическая разработка нормъ французской конституціи 1793 г., не нашедшей себѣ примѣненія, такъ же интересна и необходима въ научномъ отношеніи, какъ юридическій анализъ нормъ «отжившаго» римскаго права, или разработка новаго русскаго уголовного уложенія въ періодъ между его утвержденіемъ и «приведеніемъ въ дѣйствіе».

Но этотъ «практическій» духъ старой и современной догматики имѣетъ другія, гораздо болѣе глубокія и опасныя послѣдствія, такъ какъ ведетъ къ сближенію различныхъ по существу методологическихъ рядовъ. Именно, въ процессѣ примѣненія правовая норма проходитъ обыкновенно черезъ интерпретацію, т.-е. черезъ рядъ мысленныхъ операцій, вызываемыхъ несоотвѣтствіемъ или неполнымъ соотвѣтствіемъ между признаками отношенія, *in abstracto*, провиденціально указанныхъ въ правовой

нормѣ, и существенными чертами «конкретнаго» отношенія, имѣющаго получить свою правовую форму отъ интерпретируемой нормы. Эти операціи должны разъяснить внутренній смыслъ нормы такъ, чтобы сблизить данный въ ней абстрактный типъ съ конкретнымъ отношеніемъ и черезъ это приспособленіе создать возможность приданія конкретному отношенію того вида и тѣхъ послѣдствій, которые указаны въ нормѣ. Въ результатѣ интерпретаціи правовая норма, какъ говорятъ, «приближается къ дѣйствительной жизни» и какъ бы воспринимаетъ въ себя извѣстныя черты дѣйствительности; интерпретированная норма и образуетъ тотъ средній рядъ между «нормой» и «дѣйствительностью», который вводитъ многихъ юристовъ въ соблазнъ, давая имъ поводъ видѣть въ ней обобщеніе жизненныхъ фактовъ, какъ бы позитивный соціологическій законъ. Отвлекаясь отъ цѣлаго ряда вѣскихъ возраженій, которыя долженъ привести соціологъ съ своей точки зрѣнія противъ такого пониманія, мы укажемъ, что для юриста неприемлема склонность догматики не различать анализа нормы отъ анализа интерпретированной нормы и тѣмъ болѣе забывать о нормативномъ значеніи всякой правовой нормы, какъ таковой. Здѣсь необходимо послѣдовательно провести тѣ методологическія линіи, о которыхъ мы говорили выше, если только мы хотимъ избѣгать такихъ сложныхъ и слитныхъ мысленныхъ образованій, какое представляетъ изъ себя въ современной юриспруденціи понятіе «правового института». Такъ, напр., подъ «институтомъ собственности» можно разумѣть: 1. совокупность родовыхъ и видовыхъ *понятій* о собственности, *отвлеченныхъ отъ нормъ* извѣстнаго кодекса; 2. совокупность такихъ же *понятій*, отвлеченныхъ отъ *интерпретированныхъ* нормъ того же кодекса ¹⁾; 3. совокупность *нормъ*, регулирующихъ отношенія собственности; 4. совокупность *тѣхъ же нормъ*, того же кодекса, но прошедшихъ черезъ процессъ интерпретаціи; 5. совокупность *понятій* отвлеченныхъ отъ *реальныхъ общественныхъ процессовъ* и состояній, именуемыхъ «отношеніями собственности»; 6. совокупность этихъ *конкретныхъ* общественныхъ *отношеній*, именуемыхъ «отношеніями собственности». Было бы въ высшей сте-

1) Мы не даемъ при этомъ развитого систематическаго анализа понятія „интерпретаціи“ и выясненія тѣхъ техническихъ затрудненій, которыя связаны съ привлеченіемъ въ догму интерпретированнаго состава правовыхъ нормъ.

пени интересно обнаружить, какъ у отдѣльныхъ писателей срашиваются всѣ или нѣкоторыя изъ этихъ значеній «правового института» ¹⁾. И именно для нашей основной проблемы о соотношеніи права и силы здѣсь дается рядъ самыхъ существенныхъ указаній. Четыре первыя значенія «правового института» лежатъ въ ряду, чуждомъ реальности и слѣд., категоріямъ силы; двѣ послѣднія лежатъ въ реальномъ ряду. Догматикъ, забывающій объ этомъ различеніи, сращиваетъ въ своей работѣ отдѣльные ряды правовѣдѣнія и незамѣтно вводитъ категоріи силы туда, гдѣ для нихъ нѣтъ мѣста. Напротивъ того, догматикъ, который будетъ поддерживать эти разграниченія, получить возможность создать самостоятельную «юридическую» теорію, подойти къ праву съ той логической стороны его, которую съ такой силой почувствовали и формулировали въ различныхъ уклонахъ и пониманіяхъ Иерингъ ²⁾, Лабандъ ³⁾ и Муромцевъ ⁴⁾.

Такъ складывается рѣшеніе нашей основной проблемы въ предѣлахъ объективнаго права.

ГЛАВА VI.

Намъ остается теперь коснуться вопроса о возможности и допустимости сближенія понятія силы съ понятіемъ права въ субъективномъ смыслѣ. Какъ бы мы ни опредѣляли понятіе права въ субъективномъ смыслѣ, въ чемъ бы ни видѣли его сущность, мы всегда должны будемъ признать, что право въ субъективномъ смыслѣ предполагаетъ право въ объективномъ смыслѣ и при томъ въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, въ порядкѣ юридическаго обоснованія, во-вторыхъ, въ порядкѣ логическаго опредѣленія. Остановимся ли мы на моментѣ полномочія или на моментѣ обязанности, мы всегда признаемъ, что и полномочіе и обязанность получаютъ и только и могутъ получить *правовой* характеръ исключительно въ силу извѣстной связи съ правовыми нормами. Такъ, полномочіе только потому есть правовое полномочіе, или право,

¹⁾ См. напр. у Иеринга: Geist des römischen Rechts. I. Theil, pp. 25—27, 30—31, 34—35.

²⁾ Ihering, *ibid*, p. 25—32.

³⁾ Laband. L. Das Staatsrecht des deutschen Reiches. B. I, p. VII. X.

⁴⁾ С. Муромцевъ, Что такое догма права? Нѣм. пер., Was heisst Rechts-Dogmatik. Prag. 1885.

что оно установлено, признано и т. д. въ *содержаніи* правовыхъ нормъ. Право въ субъективномъ смыслѣ получаетъ свое значеніе, какъ таковое, черезъ право въ объективномъ смыслѣ; потому и въ логическомъ порядкѣ признакъ установленности, выведенности изъ содержанія правовыхъ нормъ, является необходимымъ членомъ понятія права въ субъективномъ смыслѣ. Но если это понятіе есть одно изъ тѣхъ понятій, которыя опредѣляются и строятся черезъ анализъ содержанія правовыхъ нормъ, то и къ нему относится все то, что мы установили въ методологическомъ отношеніи для всѣхъ юридическихъ понятій; мы могли бы прямо сослаться на это и считать вопросъ поконченнымъ. Однако, извѣстныя особенности этого понятія вызвали исторически и вызываютъ нерѣдко и нынѣ рядъ специфическихъ затрудненій, на которыхъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться.

Подъ правомъ въ субъективномъ смыслѣ съ юридической точки зрѣнія мы разумѣемъ *полномочіе, установленное въ содержаніи правовой нормы*. Въ болѣе широкомъ смыслѣ сюда можетъ быть привлечена въ качествѣ коррелата и всякая обязанность, установленная въ содержаніи правовыхъ нормъ, хотя *терминологически* идея обязанности не покрывается представленіемъ о правѣ въ субъективномъ смыслѣ. При этомъ, полномочіемъ, съ нашей точки зрѣнія, будетъ называться всякое *разрѣшеніе* или *предоставленіе*, содержащееся въ нормѣ, а обязанностью—установленное нормами и *опредѣленное по субъекту долженствованіе*, будь оно положительное или отрицательное по смыслу. Какъ разрѣшеніе, такъ и, опредѣленное по субъекту, долженствованіе должны быть выражены въ сужденіи и закрѣплены въ словахъ, при чемъ это сужденіе можетъ содержаться въ самомъ текстѣ правовой нормы или выводиться изъ него въ порядкѣ логическомъ. Отсюда открывается возможность построить для права въ субъективномъ смыслѣ ту же, по существу, схему методологическихъ рядовъ, какую мы построили выше для права въ объективномъ смыслѣ. Такъ, въ логическомъ ряду право въ субъективномъ смыслѣ будетъ разсматриваться какъ понятіе и сужденіе; въ нормативномъ ряду, какъ полномочіе и обязанность; въ психологическомъ ряду, какъ индивидуальное переживаніе полномочія и обязанности; въ соціологическомъ—какъ переживаніе полномочія и обязанности, введенное въ рядъ психическихъ вза-

имодѣйствій и т. д. И выводы примѣнительно къ вопросу о силѣ будутъ аналогичны: право въ субъективномъ смыслѣ можетъ разсматриваться, какъ сила, т.-е. какъ способность (въ качествѣ момента реального ряда) причинно опредѣлять другіе моменты того же ряда; и наоборотъ, оно можетъ разсматриваться въ отвлеченіи отъ реального ряда и категорій силы. Послѣдовательное разграниченіе рядовъ реальныхъ и ирреальныхъ является и здѣсь необходимымъ условіемъ для избѣжанія недоразумѣній.

Поэтому тѣ опредѣленія права въ субъективномъ смыслѣ, которыя включаютъ въ себя категорію силы въ томъ или иномъ видѣ, явно или скрыто, не могутъ быть признаны юридическими въ тѣсномъ смыслѣ слова. Точно также тѣ опредѣленія другихъ понятій въ правовѣдѣніи, которыя сливаютъ свойства права въ субъективномъ смыслѣ, взятые изъ реальныхъ рядовъ, съ признаками его, взятыми изъ рядовъ нереальныхъ, требуютъ пересмотра и не могутъ быть признаны выдержанными въ методологическомъ отношеніи.

Здѣсь нужно въ первую очередь упомянуть о тѣхъ случаяхъ, когда право въ субъективномъ смыслѣ опредѣляется черезъ понятіе *власти* и признается видовымъ понятіемъ, подчиненнымъ этому послѣднему. Въ понятіи власти скрывается несомнѣнная методологическая двуликость. Подъ властью въ правовѣдѣніи мыслится нѣчто причастное съ одной стороны—правовому полномочію, съ другой стороны—силѣ. Конечно, власть можетъ и не имѣть правовой санкціи, но именно постольку она не будетъ категоріей правовѣдѣнія. Власть есть сила, санкціонированная правомъ; это какъ бы объективировавшаяся и застывшая правовая сила *par excellence*. И вотъ именно это пограничное положеніе понятія власти дѣлаетъ его причастнымъ двумъ различнымъ методологическимъ рядамъ—юридическому и реальному. Поэтому съ той точки зрѣнія, которую мы пытаемся провести, понятіе власти должно быть разложено на двѣ составныя части, и каждая часть должна быть отнесена въ соотвѣтствующій рядъ: тогда юристъ будетъ говорить о власти—въ нормативномъ ряду, какъ о *полномочіи на властвованіе*, а съ логической точки зрѣнія—изучать это полномочіе на властвованіе, какъ сужденіе, и какъ понятіе, выводимое изъ сужденія, или сужденій; а психологъ, соціологъ и политикъ будутъ разумѣть подъ властью *силу, санкціонированную правовыми нормами*. Вотъ почему, напр., тѣ опре-

дѣленія *государства*, которыя приписываютъ ему не полномочіе на властвованіе, а *власть*, а также тѣ опредѣленія понятія *суверенитета*, которыя конструируютъ его, какъ реальное свойство, или какъ нѣчто дѣлимое, или какъ извѣстный видъ *власти*, должны быть критически пересмотрѣны въ методологическомъ отношеніи, ибо они вводятъ въ ирреальный рядъ реальную категорію силы.

Отсюда ясно далѣе, съ какой осторожностью нужно пользоваться терминомъ «*свойства*» въ примѣненіи къ праву въ субъективномъ смыслѣ. Подобно тому, какъ власть въ юридическомъ ряду есть не «свойство» государства, а полномочіе, подобно этому въ томъ же ряду «право» не есть «свойство» субъекта; правовой статусъ лица состоитъ, съ точки зрѣнія юридической, въ совокупности разрѣшеній, предоставленій (долженствованій и запрещеній), выведенныхъ изъ правовыхъ нормъ «примѣнительно» ¹⁾ къ специально данной комбинаціи родовыхъ свойствъ казуально встрѣтившейся юристу. *Свойства* лица должны быть (конкретно или отвлеченно) даны юристу для этой дедукціи, чтобы онъ могъ вывести его *полномочія*; полномочія же эти въ юридическомъ ряду не должны разсматриваться, какъ свойства. *Сознаніе полномочія* можетъ, конечно, разсматриваться какъ свойство, но уже—не *лица* въ юридическомъ смыслѣ, а *человѣка*.

Точно также для юриста неприемлемо опредѣленіе права въ субъективномъ смыслѣ какъ «*защищеннаго интереса*», или какъ предоставленнаго правовыми нормами «*господства воли*». И то, и другое опредѣленіе вводятъ право въ психологическій рядъ, ибо «защищенный» интересъ не перестаетъ быть интересомъ, т.-е. *переживаніемъ* человѣка, и «господство воли», хотя и предоставленное правовыми нормами, остается *явленіемъ* внутренняго міра человѣка (конечно, сопровождающимся внѣшними проявленіями). И въ томъ, и въ другомъ опредѣленіи познаваемый предметъ берется въ методологически не расчлененномъ видѣ. Съ нашей же точки зрѣнія *юриста* будетъ интересоватъ моментъ «защищенности» и «предоставленности», а психолога-правовѣда моментъ интереса и воли въ мѣру ихъ признанности правомъ.

Ясно далѣе, что пользованіе категоріями «*возможности*» и «*свободы*» при опредѣленіи понятія субъективнаго права, должно

¹⁾ См. прим. на стр. 20.

сопровождаться извѣстными, предписываемыми методологической осторожностью, разъясненіями и оговорками. Именно, если разсматривать полномочіе, какъ особый видъ «возможности», то въ высокой степени важно знать, разумѣется ли при этомъ «возможность» юридическаго характера, или фактическаго, реальнаго. Юридически возможно то, что допускается нормами права, при чемъ эта возможность не зависитъ отъ *реальной* осуществимости или неосуществимости допущеннаго. Фактическая же возможность лежитъ, въ свою очередь, внѣ предѣловъ нормативныхъ опредѣленій и выражается въ извѣстномъ, благопріятствующемъ осуществленію чего-нибудь, сочетаніи элементовъ психическаго или физическаго ряда. Слѣдовательно, когда юристъ говоритъ о возможности, то онъ долженъ разумѣть правовую *разрѣшенность*, *предоставленность*; когда же о возможности говоритъ правовѣдъ психологъ, социологъ или политикъ, то онъ долженъ разумѣть *эмпирическую реализуемость*. Исторія философіи права знаетъ цѣлый рядъ классическихъ примѣровъ того, что право въ субъективномъ смыслѣ сближалось съ понятіемъ силы и слѣд., переводилось въ реальный рядъ именно вслѣдствіе упущенія этого различія. Такъ, у Гоббса ¹⁾ идея правового полномочія и представленіе о силѣ сливаются въ нейтральномъ терминѣ «potentia», носящемъ реальный эмпирической характеръ. Такъ, у Спинозы идея правового полномочія совершенно растворяется въ понятіи о силѣ, присущей каждой природной вещи; эта «potentia rei naturalis» ²⁾ есть не что иное, какъ «ipsissima Dei potentia» и носить опредѣленно выраженный метафизическій характеръ. Такъ, наконецъ, право въ субъективномъ смыслѣ сближается съ силой у Галлера и поглощается утонченной концепціей силы—представленіемъ о личныхъ способностяхъ, объ индивидуальной потенціи человѣка во всемъ ея своеобразіи—въ ученіи Штирнера. Въ исторіи правовѣдѣнія сущность права долго усматривали именно въ его субъективномъ уклонѣ, и это дѣлаетъ возможнымъ значительно увеличить число указанныхъ примѣровъ; тѣмъ существеннѣе оказывается поддержаніе установленнаго различенія.

Аналогичному анализу можетъ быть подвергнуто понятіе «сво-

1) См. напр. De Cive Cap. XIII § 2 и др.

2) См. Tractatus Politicus Cap. II § 3 и др.

боды» въ его примѣненіи къ праву въ субъективномъ смыслѣ. Юристу въ высокой степени важно дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ ряду его разсмотрѣнія это понятіе должно быть чуждо реалистическому пониманію—будь то въ метафизическомъ или эмпиристическомъ смыслѣ. Юристъ понимаетъ «свободу» не какъ абсолютное изъятіе отъ *всякой* опредѣленности, или отъ дѣйствія *эмпирическихъ* законовъ вообще, или отъ дѣйствія *извѣстныхъ только* эмпирическихъ законовъ, а какъ разрѣшенность, установленную въ правовыхъ нормахъ, и «сфера свободы» означаетъ въ его устахъ *элементъ полномочій въ правовомъ статусѣ субъекта*. Точно также «связанность» въ устахъ юриста не должна имѣть фактическаго оттѣнка: субъектъ можетъ имѣть много юридическихъ «связанностей» въ своемъ статусѣ и быть фактически не «связаннымъ» «обстоятельствами». Методологическое значеніе этого различія обнаруживается съ особенной наглядностью въ сферѣ уголовного права; послѣднее цѣликомъ покоится на признаніи постоянного расхожденія «связанности» юридической и «связанности» фактической, порождающаго какъ разъ необходимость «уголовной» реакціи. «Свобода» и «связанность» въ глазахъ юриста лежатъ за предѣлами реальнаго ряда, за предѣлами досягаемости для категоріи силы.

Г Л А В А VII.

На этомъ мы можемъ закончить предпринятый нами опытъ методологическаго анализа понятій права и силы. Мы пришли къ выводу, что обычный вопросъ: «право — *есть* сила или не *есть* сила?» долженъ быть для рѣшенія измѣненъ въ самой своей постановкѣ. Нельзя сказать, «право *есть* сила» или «право *не есть* сила», т. к. оба отвѣта можно понять въ смыслѣ *реально* совпаденія или несовпаденія обоихъ моментовъ. Именно *методологическій* подходъ къ проблемѣ развѣтываетъ ее во всемъ ея значеніи и указываетъ путь къ ея рѣшенію. А этотъ подходъ ставитъ вопросъ уже иначе: «*можетъ ли право разсматриваться* какъ сила и *не можетъ ли оно разсматриваться*, какъ недопускающее сближенія съ силой?» Отвѣтить на вопросъ, поставленный такъ, значитъ, по нашему убѣжденію, развернуть примѣнительно къ нему ученіе о методѣ въ правовѣдѣніи, мало того, значитъ коснуться въ методологическомъ анализѣ *всѣхъ* областей *правовѣдѣнія*, какъ такового, и попытаться вскрыть въ нихъ воз-

можныя и состоявшіяся сближенія этихъ понятій, съ точки зрѣнія ихъ методологической допустимости и недопустимости.

Произведенный нами опытъ такого анализа является къ сожалѣнію въ силу извѣстныхъ внѣшнихъ условій сжатымъ и схематичнымъ; онъ принимаетъ извѣстныя опредѣленія условно и безъ развитой научной мотивировки, онъ обходитъ многіе, уводящіе въ сторону, пути и отвѣтвленія, на многое лишь намекая и многого не договаривая. Онъ предполагаетъ, конечно, далѣе, что общее правило, по которому всякое отвлеченное методологическое изслѣдованіе можетъ считаться оправданнымъ вполнѣ лишь послѣ ряда опытовъ примѣненной разработки его основныхъ выводовъ,—распространяется и на него. Но онъ покоится въ то же время на допущеніи, что первымъ звеномъ научнаго изученія можетъ явиться и *отвлеченное* изслѣдованіе о предпосылкахъ и путяхъ познанія, тѣмъ болѣе, если это изслѣдованіе имѣетъ возможность указать на прошлый и настоящій опытъ науки, какъ вынашивавшій и вынашивающій средныя методологическія тенденціи.

Съ исповѣдуемой нами точки зрѣнія методологическаго плюрализма не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ заподозрѣнныя нами и разложенныя категоріи вращаются вокругъ сущности права, взятаго во всемъ его цѣломъ, во всей его сложности. Категоріи «воли», «интереса», «принужденія», «общественной санкціи», «обязательности», «дѣйствованія», «порядка», «свойства», «отношенія», «власти», «возможности», «свободы», «связанности» и др. должны войти и войдутъ въ общій и всесторонній познавательный анализъ права. Но каждая изъ нихъ должна отыскать себѣ соответствующій ея сущности методологическій рядъ и не вторгаться въ ряды, методологически ей чуждые; тѣ же изъ нихъ, которыя могутъ быть причастны разнымъ рядамъ, должны предварительно пройти черезъ процессъ аналитическаго разложенія и по возможности получить дифференцированныя *наименованія*. Научное познаніе есть всегда познаніе *опредѣленнаго* предмета или, если угодно, опредѣленной, условно отвлеченной, стороны предмета, и вопросъ о большей тщательности и чистотѣ такого обособленія сторонъ, различныхъ по своей логической сущности, есть несомнѣнно вопросъ о большей продуктивности и всесторонности научнаго познанія.

Иванъ Ильинъ.

Душевныя способности, какъ основныя біологическія функціи ¹⁾.

I.

Въ предыдущей статьѣ мы видѣли, что существующія въ настоящее время возрѣнія на природу и составъ психическихъ склонностей или предрасположеній приходится признать очень несовершенными. Съ другой стороны, старая метафизическая теорія способностей безусловно не отвѣчаетъ потребностямъ современной эмпирической психологіи. Такимъ образомъ, является необходимость въ составленіи новой гипотезы, которая могла бы служить достаточной руководящей нитью при изученіи этой трудной и сложной проблемы. Попытаемся поэтому изложить тотъ взглядъ, который намъ лично представляется наиболѣе правдоподобнымъ и цѣлесообразнымъ.

Мы принимаемъ, что такъ называемыя психическія склонности или предрасположенія представляютъ собою не простые классификаціонные термины, обозначающіе только *возможность* повторенія той или иной стороны психическаго процесса, но нѣчто *реальное*, дѣйствительно существующее. Эти реальные, субъективные факторы, составляющіе основу всѣхъ нашихъ сознательныхъ переживаній, мы и будемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи называть способностями. Не будучи доступны непосредственно нашему сознанію, они лишь отъ времени до времени обнаруживаются при помощи своихъ проявленій, внѣшнихъ и внутреннихъ. Однако, различныя косвенныя соображенія заставляютъ признать, что дѣятельность ихъ продолжается также и

¹⁾ Докладъ, прочитанный на II всероссійскомъ съѣздѣ по педагогической психологіи, 5 іюня 1909 г.

въ промежуткахъ между этими проявленіями; обнаруженіемъ такой скрытой дѣятельности способностей является, съ одной стороны, всегда существующая возможность возникновенія соотвѣтствующаго проявленія, а съ другой—вліяніе скрытой способности на проявленія другихъ, такъ или иначе съ ней связанныхъ.

Среди огромнаго количества психическихъ склонностей или предрасположеній, свойственныхъ каждому отдѣльному чело-вѣку, значительное большинство представляетъ собой сложные комплексы, образованные привычнымъ сочетаніемъ нѣсколькихъ основныхъ наклонностей. Эти привычныя соединенія возникаютъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ возбудителей, дѣйствующихъ одновременно на нѣсколько разнородныхъ душевныхъ качествъ. По сравненію съ болѣе простыми основными наклонностями эти сложные комплексы отличаются меньшей устойчивостью и большимъ разнообразіемъ; это и понятно, такъ какъ происхожденіемъ своимъ они обязаны вліянію внѣшнихъ условій, и составъ ихъ мѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ.

Что касается болѣе элементарныхъ, основныхъ наклонностей, то ихъ можно раздѣлить на двѣ большія группы: частныя или конкретныя и общія или отвлеченныя. Дѣленіе это въ общемъ совпадаетъ съ дѣленіемъ на низшія и высшія способности ¹⁾. Примѣромъ первыхъ могутъ служить способность запечатлѣнія и воспроизведенія конкретныхъ образовъ, наклонность къ тѣмъ или инымъ аффектамъ и органическимъ чувствамъ, склонность дѣйствовать подъ вліяніемъ непосредственныхъ впечатлѣній; примѣромъ вторыхъ—способность отвлеченія, сужденія, волевого усилія, большее или меньшее развитіе чувства долга и т. д.

По отношенію къ внѣшнимъ возбудителямъ обѣ эти группы значительно отличаются другъ отъ друга. Возбудители конкретныхъ наклонностей (напр., отсутствіе пищи, звучащее тѣло) отличаются большей опредѣленностью въ смыслѣ принадлеж-

¹⁾ По вопросу объ отношеніи между высшими и низшими способностями нашъ взглядъ въ общемъ примыкаетъ къ воззрѣніямъ Stumpf'a, высказаннымъ въ его работѣ: *Erscheinungen und psychische Funktionen* (цитиров. по статьѣ Гринбаума, „Вопр. фил. и псих. 1909, кн. 97). Разница, и притомъ существенная, состоитъ въ томъ, что мы не проводимъ между высшими и низшими способностями такого кореннаго, принципиальнаго различія, какъ это дѣлаетъ Stumpf.

ности къ той или иной группѣ явленій внѣшняго міра. Кромѣ того, хотя возбудителемъ въ собственномъ смыслѣ слова является здѣсь только одна сторона внѣшняго процесса (напр., соотношеніе между колебаніями звучащаго тѣла и тишиной, т.-е. неподвижностью окружающаго воздуха), но эти стороны такъ тѣсно слиты со всѣми остальными, что возбудителемъ данной склонности приходится считать, въ сущности, все явленіе, взятое въ его цѣломъ (звучащее въ извѣстной средѣ тѣло).

Въ противоположность этому, непосредственными возбудителями одной и той же высшей способности (мы все время говоримъ здѣсь именно о *непосредственныхъ*, постоянныхъ возбудителяхъ, а не о случайныхъ поводахъ къ возникновенію этихъ возбудителей) могутъ служить такія внѣшнія и внутреннія переживанія, которыя въ отношеніи своего конкретнаго содержанія имѣютъ подчасъ другъ съ другомъ очень мало общаго. На первый планъ выступаетъ здѣсь полуотвлеченная схема даннаго возбудителя, которая одна только и имѣетъ значеніе въ этихъ случаяхъ. Такъ, напр., чувство долга можетъ возникнуть у человѣка подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ событій и впечатлѣній, нужно только, чтобы всегда было налицо извѣстнаго рода соотношеніе, именно, конфликтъ между непосредственными влеченіями и мыслью о вредѣ или недопустимости этихъ влеченій. Именно благодаря этому и получается та общность и отвлеченность высшихъ способностей, которая представляется для нихъ столь характерной.

Такимъ образомъ оказывается, что особенности внѣшнихъ возбудителей отражаются не только на образованіи сложныхъ комплексовъ или привычекъ, но также и на отдѣльныхъ, элементарныхъ психическихъ склонностяхъ. Уже это одно обстоятельство наводитъ на мысль о томъ, что не должно существовать рѣзкаго, принципиальнаго разграниченія между отдѣльными основными наклонностями и ихъ сложными проявленіями или же болѣе или менѣе сложными привычными комплексами. Съ другой стороны, эволюціонная теорія стремится доказать—и опытъ, повидимому, въ значительной степени подтверждаетъ это, что упомянутыя выше двѣ группы основныхъ наклонностей, низшія и высшія, или конкретныя и отвлеченныя, также постепенно, безъ всякихъ рѣзкихъ границъ переходятъ одна въ другую. Въ результатъ получается непрерывная лѣст-

ница психическихъ склонностей, начиная отъ наиболѣе общихъ и отвлеченныхъ способностей, переходя къ болѣе конкретнымъ, но все еще элементарнымъ и устойчивымъ психическимъ склонностямъ и оканчивая измѣнчивыми и неустойчивыми привычками или сложными предрасположеніями.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что ученіе о способностяхъ въ томъ видѣ, какъ мы его принимаемъ, вовсе не задается цѣлью кореннымъ образомъ противопоставить другъ другу способности и ихъ проявленія, (т.-е., различныя сложныя привычныя переживанія) какъ абсолютно субъективныя и абсолютно объективныя элементы нашей психики. Тѣмъ менѣе можетъ оно имѣть своей задачей чисто логическимъ путемъ «объяснить» или вывести каждое проявленіе изъ способности, лежащей въ его основѣ, какъ это пытается сдѣлать, напр., Липпсъ. Мы видѣли, что существуетъ цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ между сложными, конкретными предрасположеніями и самыми общими основными способностями; далѣе мы видѣли, что вліяніе внѣшнихъ возбудителей сказывается не только на сложныхъ привычныхъ предрасположеніяхъ, но также и на болѣе элементарныхъ основныхъ наклонностяхъ: эти послѣднія, хотя и отличаются значительно большей устойчивостью и однородностью, но все же подъ вліяніемъ длительныхъ раздражителей, дѣйствующихъ все время въ одномъ и томъ же направленіи, могутъ претерпѣвать въ своемъ содержаніи довольно существенныя измѣненія и, слѣдовательно, не могутъ быть разсматриваемы, какъ нѣчто абсолютно элементарное и неизмѣнное. Въ концѣ-концовъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что даже самыя основныя, элементарныя психическія склонности (способность ощущать, испытывать чувство удовольствія или неудовольствія, склонность къ волевому усилію и т. д.) могутъ оказаться ничѣмъ инымъ, какъ сложными *скрытыми механизмами*, которые однако въ нашемъ сознаніи проявляются всегда одной и той же элементарной стороной извѣстнаго душевнаго процесса и составъ которыхъ, поэтому, быть можетъ навсегда останется для насъ неизвѣстнымъ.

Не слѣдуетъ также думать, что наша точка зрѣнія заранѣе предрѣшаетъ данный вопросъ въ противоположномъ направленіи, т.-е., стремится всѣ наиболѣе основныя способности вывести цѣликомъ изъ вліянія окружающей среды и внѣшнихъ

возбудителей. Вопросъ о происхожденіи и взаимныхъ отношеніяхъ объективнаго и субъективнаго начала не можетъ быть рѣшенъ безъ помощи теоріи знанія и метафизики, которая, хотя и пользуются данными психологіи, но кромѣ того должны сообразоваться еще и съ многими другими запросами и требованіями. Наша же гипотеза чисто психологическая, и цѣль ея заключается не въ построеніи какой-либо метафизики, а въ болѣе полномъ и законченномъ объясненіи фактовъ психической жизни. И если бы въ результатѣ гносеологическаго анализа оказалось, что необходимо рѣзко противопоставить другъ другу объективные и субъективные факторы человѣческаго духа, то очень возможно, что совмѣстное участіе обоихъ этихъ факторовъ было бы обнаружено какъ въ сложныхъ проявленіяхъ и конкретныхъ предрасположеніяхъ, такъ и въ наиболѣе общихъ и основныхъ изъ нашихъ способностей.

Несмотря на то, что высшія и низшія способности представляются, такимъ образомъ, лишь различными отдѣлами одного и того же непрерывнаго ряда, необходимо все же признать, что крайніе члены этого ряда по своей природѣ существенно различаются другъ отъ друга. Проявленія всякой высшей способности заключаютъ въ себѣ не только совокупность проявленій другихъ, низшихъ наклонностей, съ нею связанныхъ, но всегда также еще и нѣчто добавочное, не поддающееся дальнѣйшему анализу, и въ то же время очень характерное именно для данной способности. Уже одно это обстоятельство можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы противопоставить другъ другу обѣ упомянутыя группы. Но еще болѣе важнымъ представляется, на нашъ взглядъ, тотъ несомнѣнный фактъ, что эта добавочная элементарная сторона, характерная для проявленій данной высшей способности (напр., чувство долга, волевое усиліе, актъ установки соотношенія въ процессѣ сужденія и т. д.) можетъ соединяться съ самыми разнообразными по своему содержанію чувствами и представленіями. Другими словами, высшія способности, точно такъ же, какъ и низшія, обладаютъ въ своей дѣятельности извѣстной долей самостоятельности, поскольку, конечно, такая самостоятельность доступна вообще для различныхъ элементовъ нашей душевной жизни.

Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что нельзя рассматривать высшія способности, какъ простую комбинацію

низшихъ элементовъ, упрочившуюся благодаря повторенію и наслѣдственной передачѣ; нельзя видѣть въ нихъ, напр., исключительно только группы ассоціированныхъ представленій, хотя бы и очень тѣсно между собою связанныхъ. Очевидно, одновременно съ упроченіемъ происходитъ здѣсь еще и какая-то своеобразная внутренняя переработка, превращающая разнородное сочетаніе въ однородную или, по крайней мѣрѣ, для насъ въ настоящее время неразложимую массу. Такъ перегнившія растенія мало-по-малу превращаются въ торфъ или каменный уголь, которые не только отличаются гораздо большей однородностью своего состава, но и по многимъ другимъ своимъ физико-химическимъ свойствамъ далеко не похожи на тотъ растительный матеріалъ, которому они обязаны своимъ происхожденіемъ. Въ чемъ же заключается этотъ неизвѣстный намъ процессъ переработки? Быть можетъ, дальнѣйшія изслѣдованія, и въ особенности экспериментальный анализъ индивидуальныхъ особенностей личности помогутъ намъ выяснитъ до нѣкоторой степени эту наиболѣе важную изъ основныхъ проблемъ современной психологіи. Во всякомъ случаѣ, немедленное рѣшеніе ея не представляется для насъ здѣсь ни возможнымъ, ни необходимымъ.

Чрезвычайно важное значеніе для цѣлей эмпирическаго изслѣдованія имѣетъ то обстоятельство, что каждая высшая способность можетъ дѣйствовать совмѣстно съ *различными* низшими или, какъ говорятъ обыкновенно, можетъ имѣть разныя проявленія. Это зависитъ отъ того, что возбудители, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, дѣйствуютъ на высшую способность не столько своимъ содержаніемъ, сколько соотношеніемъ своихъ частей, той логической, отвлеченной схемой, которая лежитъ въ ихъ основѣ (см. выше). Въ результатѣ получаются случаи, въ родѣ приведеннаго въ III главѣ предыдущей статьи примѣра съ полевой, когда дѣятельность одной и той же способности переносится съ одного объекта на другой, казалось бы рѣзко отличающійся отъ перваго по своему содержанію; или такіе случаи, когда человѣкъ съ рѣзко выраженными особенностями личности, попавши неожиданно въ совершенно новую для него среду и будучи вынужденъ принятъ за совершенно незнакомое ему дѣло, тѣмъ не менѣе очень скоро начинаетъ и здѣсь обнаруживать свои основныя наклонности, несмотря на то, что про-

явленія этихъ наклонностей по своему внѣшнему виду рѣзко будутъ отличаться отъ всего того, что онъ дѣлалъ раньше.

Какимъ образомъ является возможнымъ и въ чемъ именно состоитъ вліяніе внѣшняго или внутренняго возбудителя на соотвѣтствующую общую способность или конкретное предрасположеніе,—это опять-таки уже вопросъ не психологіи, а теоріи знанія, и какъ таковой, онъ выходитъ за предѣлы настоящаго изслѣдованія. Но какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ вопросъ, все же существованіе такого вліянія остается неоспоримымъ фактомъ, имѣющимъ первостепенное значеніе для психологической теоріи способностей. Наглядно мы можемъ представить себѣ это вліяніе, сравнивши какую бы то ни было элементарную наклонность или способность съ силой, а возбудителей ея—съ точками приложенія этой силы. Этимъ сравненіемъ вовсе не исключается возможность того, что наиболѣе элементарныя способности окажутся, какъ объ этомъ уже говорилось выше, въ концѣ-концовъ также сложными, но только скрытыми механизмами. Вѣдь если механизмъ, хотя бы и очень сложный, имѣетъ въ данный моментъ всего только одну точку приложенія, и въ этой точкѣ дѣйствуетъ всегда одинаковымъ образомъ, колеблясь только въ интенсивности своего дѣйствія, то мы можемъ разсматривать его, какъ простую, элементарную силу. А между тѣмъ простѣйшія наши способности потому именно и являются простѣйшими, что дѣятельность ихъ въ нашей душевной жизни обнаруживается всегда какой-нибудь одной, характерной для нихъ стороной того или иного психическаго процесса.

Всякій механизмъ (resp. дѣйствующая сила), хотя бы онъ дѣйствовалъ всегда совершенно одинаковымъ образомъ, можетъ однако прилагать свою дѣятельность къ различнымъ объектамъ; необходимо только, чтобы объекты эти, во-первыхъ, были приведены въ соприкосновеніе съ даннымъ механизмомъ, а во-вторыхъ, чтобы ихъ особенности отвѣчали характеру и способамъ дѣйствія этого механизма. Совершенно такимъ же образомъ и всякая способность можетъ имѣть цѣлый рядъ различныхъ возбудителей, и въ то же время эти возбудители, несмотря на все ихъ разнообразіе, непременно имѣютъ въ своемъ составѣ одну или нѣсколько общихъ сторонъ. Пока нѣтъ налицо точки приложенія, т.-е. возбудителя, до тѣхъ поръ способность хотя и дѣйствуетъ, но ея дѣятельность остается скрытой, не проявляется

въ сознаниі, подобно тому, какъ механизмъ, не имѣющій точки приложенія, не можетъ производить никакой полезной работы. Съ появленіемъ же возбудителя возникаютъ и проявленія, внутреннія и внѣшнія.

Вопросъ о взаимоотношеніяхъ, существующихъ между отдѣльными психическими склонностями, былъ уже подробно разобранъ нами въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Мы указывали тамъ на то, что всѣ многочисленныя и разнообразныя отношенія, наблюдающіяся между отдѣльными основными наклонностями, можно въ концѣ-концовъ объединить въ двѣ большія группы: во-первыхъ, родство или близкое сходство, во-вторыхъ — взаимодействие. Благодаря существованію этихъ отношеній, каждая отдѣльная наклонность или способность отнюдь не является чѣмъ-то совершенно обособленнымъ и независимымъ, а, наоборотъ, находится въ самой тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ, подобныхъ ей элементовъ психической жизни, составляя вмѣстѣ съ ними одно органическое цѣлое.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ чрезвычайно важному заключенію, опредѣляющему собой, въ сущности, всѣ наши дальнѣйшія построенія и выводы: особенности, даже самыя общія и отвлеченныя (воля, рассудокъ, нравственные импульсы), нельзя разсматривать, какъ какія-то обособленныя сущности или субстанции, не имѣющія между собой никакой внутренней связи и лишь при помощи своихъ проявленій воздѣйствующія другъ на друга. Въ противоположность этому предположенію, близко напоминающему старую теорію способностей, наши склонности и предрасположенія, какъ бы они ни отличались другъ отъ друга по степени своей общности и отвлеченности, какъ бы независимы они ни были подчасъ въ своихъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, составляютъ, тѣмъ не менѣе, части одной и той же сложной системы, члены одного и того же организованнаго единства. Это единство мы будемъ называть въ дальнѣйшемъ *нервно-психической или біологической организаціей*. При этомъ слѣдуетъ, однако, помнить, что насъ здѣсь интересуетъ не анатомическая, а исключительно *функциональная* сторона этой организаціи, и притомъ лишь постольку, поскольку дѣятельность ея способствуетъ возникновенію тѣхъ или иныхъ внутреннихъ переживаній

¹⁾ Очеркъ науки о характерахъ, 2-е изд. Гл. X и XI.

или психо-физиологическихъ процессовъ. Наша нервно-психическая организація не есть нѣчто неподвижное, лежащее позади процессовъ и производящее ихъ изъ себя самой; она сама есть также длительный, очень устойчивый и непрерывный процессъ, чрезвычайно сложный и развѣтвленный, отдѣльныя части котораго при воздѣйствіи на нихъ внѣшнихъ возбудителей даютъ начало другимъ измѣнчивымъ и неустойчивымъ процессамъ, называемымъ нами проявленіями.

Теперь мы можемъ дать окончательное опредѣленіе понятію психической склонности или способности: *способностями мы будемъ называть различныя стороны одного и того же сложнаго, непрерывно дѣйствующаго нервно-психическаго процесса, составляющаго основу всякой человѣческой личности.* Отдѣльныя части этой сложной и развѣтвленной функциональной организаціи могутъ быть въ своей дѣятельности довольно независимы другъ отъ друга; точнѣе говоря, каждая изъ нихъ обыкновенно тѣсно связана съ нѣсколькими другими, въ какомъ-нибудь отношеніи ей близкими, между тѣмъ какъ дѣятельность остальныхъ частей нервно-психической организаціи отражается на ней сравнительно слабо. Благодаря такой относительной независимости отдѣльныхъ способностей, степень развитія каждой изъ нихъ можетъ сильно колебаться у разныхъ людей и въ разное время, составляя основу такъ называемыхъ индивидуальныхъ особенностей личности. Всѣ безконечно разнообразныя формы и разновидности человѣческихъ характеровъ зависятъ прежде всего отъ того, что различныя стороны одной и той же основной функциональной организаціи у разныхъ людей неодинаково развиты.

При этомъ слѣдуетъ помнить, что болѣе частныя, конкретныя склонности и предрасположенія представляютъ изъ себя такія же самостоятельныя стороны основного процесса, какъ и общія, отвлеченныя способности. Нельзя, напримѣръ, разсматривать умственную работоспособность, или способность къ произвольному сосредоточенію вниманія, или настойчивость въ дѣйствіяхъ и поступкахъ, какъ простыя проявленія или направленія дѣятельности одной, высшей способности—воли. Опытъ, наоборотъ, показываетъ, что существуютъ люди, у которыхъ проявленія волевого усилія въ ихъ наиболѣе общей формѣ, т.-е. по отношенію къ высшимъ, отвлеченнымъ мотивамъ и стремленіямъ, могутъ достигнуть очень значительной интенсивности, между тѣмъ

какъ въ обычной жизненной обстановкѣ, гдѣ требуются только что перечисленныя болѣе конкретныя особенности волевой сферы, эти люди оказываются совершенно безпомощными. Еще рѣзче выступаетъ эта относительная независимость общихъ и частныхъ способностей въ противоположеніи между конкретными образами и отвлеченными понятіями, между практическимъ и теоретическимъ мышленіемъ.

Перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію вопроса о томъ, какимъ образомъ всѣ наши разнообразныя способности могутъ быть, въ концѣ-концовъ, сведены къ различнымъ сторонамъ одного и того же нервно-психическаго или біологическаго процесса. Возьмемъ для начала процессъ запечатлѣнія, сохраненія въ памяти и воспроизведенія конкретныхъ чувственныхъ образовъ. Несомнѣнно, что отдѣльныя стороны этого процесса тѣсно и неразрывно между собой связаны; не даромъ въ послѣднее время способность воспріятія и запоминанія разсматриваютъ нерѣдко какъ одно цѣлое, обозначая это цѣлое словомъ *восприимчивость*, *Merkfähigkeit* ¹⁾. Всѣ въ настоящее время уже очень многочисленныя фактическія данныя, касающіяся запоминанія, воспроизведенія и узнаванія представленій, говорятъ противъ допущенія для каждой изъ названныхъ функций особой, независимой способности, лежащей въ ея основѣ.

Съ нашей точки зрѣнія допущеніе такихъ отдѣльныхъ способностей въ данномъ случаѣ также представляется совершенно излишнимъ. Существуетъ только одинъ родъ конкретныхъ наклонностей или предрасположеній, дѣятельность которыхъ, при наличности соотвѣтствующихъ возбудителей ведетъ къ возникновенію въ сознаніи тѣхъ или иныхъ чувственныхъ образовъ. Такъ какъ эти воспріятыя сознаніемъ образы представляютъ собой результатъ взаимодействія между наклонностью и ея возбудителемъ, то уже самое ихъ возникновеніе свидѣтельствуемъ о томъ, что *дѣятельность данной наклонности нѣсколько измѣнилась*, приспособившись къ дѣйствующему на нее возбудителю. Эти измѣненія остаются и послѣ удаленія возбудителя, составляя основу того, что называется воспоминаніями или воспроизведенными образами. Благодаря временному истощенію

¹⁾ См., напр., А. Bernstein und T. Bogdanoff: Experimente über das Verhalten der Merkfähigkeit bei Schulkindern. Beiträge zur Psychol. d. Aussage, 1905.

данной наклонности или какимъ-нибудь другимъ причинамъ (напр., отвлеченію вниманія въ сторону другихъ, болѣе интенсивно дѣйствующихъ наклонностей или появленію другихъ возбудителей той же наклонности) данный чувственный образъ временно исчезаетъ изъ сознанія, забывается. Однако, измѣнившаяся наклонность продолжаетъ дѣйствовать, хотя дѣятельность ея, въ силу своей слабой напряженности, остается скрытой и не достигаетъ сознанія. Другими словами, образуется конкретное предрасположеніе къ данному чувственному образу. Эти предрасположенія будутъ болѣе или менѣе полными и устойчивыми въ зависимости, прежде всего, отъ того, насколько сильно и продолжительно было дѣйствіе возбудителя и какъ часто оно повторялось; кромѣ того, важную роль играютъ въ этомъ случаѣ также и индивидуальныя особенности данной нервно-психической организаци, т.-е. большая или меньшая устойчивость всѣхъ вообще ея склонностей и предрасположеній. Всѣ эти факторы въ своей совокупности даютъ намъ то, что называется сохраненіемъ въ памяти чувственныхъ образовъ.

Когда напряженность даннаго конкретнаго предрасположенія благодаря отдыху и появленію соотвѣтствующаго возбудителя или, благодаря усиленію дѣятельности другихъ наклонностей, связанныхъ съ данной, снова достигаетъ прежней степени, то данный образъ снова возникаетъ въ нашемъ сознаніи. Въ этомъ и состоитъ актъ воспроизведенія¹⁾. Если при этомъ другія, вновь возникающія воспріятія (т.-е., новыя измѣненія въ дѣятельности соотвѣтствующей наклонности) по своему содержанію настолько близко подходятъ къ старому предрасположенію, что послѣ небольшихъ измѣненій совершенно съ нимъ сливаются, то получается актъ узнаванія.

До сихъ поръ мы говорили объ образованіи и сохраненіи чувственныхъ образовъ и соотвѣтствующихъ имъ конкретныхъ предрасположеній. Теперь перейдемъ къ образованію общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій. Какъ уже говорилось

¹⁾ Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія нашей гипотезы приобрѣтаетъ особенный интересъ выдвинутый въ послѣднее время экспериментальнымъ путемъ вопросъ о такъ наз. „персевераци“ (Perseverationstendenzen der Vorstellungen) и о „свободно всплывающихъ“ (frei steigende) представленіяхъ. См. Müller und Pilzeker, Experim. Beiträge zur Lehre von Gedächtniss, 1900. S. 58 ff.

выше, нельзя установить сколько-нибудь определенной, рѣзкой границы между высшими и низшими способностями, въ данномъ случаѣ—между мышленіемъ и конкретнымъ представлениемъ. Неизвѣстный намъ эволюціонный процессъ постепенно приводитъ къ тому, что изъ конкретныхъ предрасположеній сначала вырабатывается способность къ образованію общихъ представлений, а затѣмъ—и отвлеченныхъ понятій. Несмотря, однако, на существованіе постепенныхъ переходовъ, крайніе члены этого непрерывнаго ряда все же, какъ мы видѣли, существенно отличаются другъ отъ друга. Это отличіе заключается прежде всего въ томъ, что низшія наклонности и предрасположенія реагируютъ болѣе на отдѣльныя, конкретныя явленія окружающей дѣйствительности, въ то время какъ возбуждителями высшихъ склонностей являются уже не столько самыя эти явленія, сколько извѣстное соотношеніе между ними, тотъ или иной способъ ихъ группировки. Кромѣ того, дѣятельность высшихъ способностей (въ данномъ случаѣ—способности отвлеченія) обладаетъ извѣстной независимостью по отношенію къ дѣятельности низшихъ; на это указываютъ такіе факты, какъ возможность существованія самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ конкретныхъ замѣстителей для одного и того же отвлеченнаго понятія (см. выше), а также нерѣдко встрѣчающіеся случаи, когда у какого-нибудь человѣка способность отвлеченія хорошо развита, тогда какъ конкретныя представленія и образы отличаются у него бѣдностью и неполнотой.

Итакъ, съ нашей точки зрѣнія то, что называютъ способностью мышленія (въ частности—способностью къ образованію общихъ представлений и отвлеченныхъ понятій) отнюдь не есть простая логическая категорія, а представляетъ собой, наоборотъ, нѣчто дѣйствительно существующее, могущее измѣняться въ своей интенсивности и напряженности и находящееся въ тѣснѣйшей, органической связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ психическихъ склонностей и предрасположеній.

Съ другой стороны, изъ всего предыдущаго также ясно слѣдуетъ, что въ основѣ процесса образованія понятій лежитъ вовсе не какая-нибудь совершенно своеобразная способность, специфическая именно для умственной сферы и не имѣющая ничего себѣ подобнаго въ другихъ отдѣлахъ душевной жизни. Оказывается, наоборотъ, что способность отвлеченія представляетъ собой не что иное, какъ результатъ общей тенденціи

всѣхъ психическихъ склонностей видоизмѣняться, приспособляясь къ различнаго рода возбудителямъ: съ одной стороны—конкретнымъ, представляющимъ собой отдѣльныя явленія окружающей дѣйствительности, а съ другой—къ абстрактнымъ, въ которыхъ на первый планъ выдвигается соотношеніе этихъ явленій. Получается, такимъ образомъ, уже довольно широкое обобщеніе: всѣ разсмотрѣнные нами до сихъ поръ умственные процессы (процессъ запечатлѣнія, сохраненія и воспроизведенія конкретныхъ образовъ, актъ узнаванія, образованіе общихъ представленій и отвлеченныхъ понятій, а также, какъ мы увидимъ ниже, процессы воспріятія и сужденія) представляютъ изъ себя не что иное, какъ различныя стороны дѣятельности и модификаціи одного и того же рода психическихъ склонностей, которыя, повидимому, и составляютъ основу всѣхъ такъ называемыхъ умственныхъ проявленій (вѣрнѣе говоря, интеллектуальной стороны нашихъ душевныхъ проявленій). При этомъ образованіе всѣхъ упомянутыхъ склонностей совершается вовсе не по какимъ-то особымъ законамъ, свойственнымъ одной только умственной сферѣ, а наоборотъ, согласно тѣмъ же общимъ принципамъ, которые лежатъ въ основѣ возникновенія и развитія всѣхъ вообще нашихъ психическихъ склонностей и предрасположеній.

Отсюда вытекаетъ другое, не менѣе важное слѣдствіе: если процессы сохраненія въ памяти и отвлеченія присущи не только умственной, но и всѣмъ остальнымъ сторонамъ нашей душевной жизни, то, значить, мы должны найти ихъ проявленія также и въ области эмоціональныхъ и волевыхъ процессовъ. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Рибо въ своемъ интересномъ изслѣдованіи объ аффективной памяти¹⁾ указываетъ на то, что многіе люди обладаютъ способностью воспроизводить въ своемъ сознаніи однажды испытанныя ими чувства и эмоціи, при чемъ эти воспроизведенныя чувства обладаютъ всѣми признаками аффективности, отличающими ихъ отъ связанныхъ съ ними интеллектуальныхъ образовъ. Такого рода аффективная память не у всѣхъ людей одинаково развита. Въ то время, какъ у лицъ болѣе интеллектуальнаго склада воспоминаніе объ аффектѣ

1) Т. Рибо. Изслѣдованіе аффективной памяти. Перев. Максимовой, Спб. 1895 г.

сводится исключительно къ воспроизведенію обстоятельствъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ данный аффектъ, представители *аффективного типа* этимъ однимъ не ограничиваются: они всякій разъ вновь переживаютъ самый аффектъ, со всѣми его особенностями, при чемъ его переживаніе относится къ первоначальному своему источнику совершенно такъ же, какъ интеллектуальные образы относятся къ непосредственнымъ воспріятіямъ. Въ нѣкоторыхъ, болѣе рѣзкихъ случаяхъ аффективные воспоминанія могутъ сопровождаться также и извѣстными (конечно, очень слабыми) физиологическими проявленіями, соотвѣтствующими данному аффекту: вздрагиваніемъ, замираніемъ сердца или, наоборотъ, радостнымъ возбужденіемъ и т. д. Если аффективное воспоминаніе, со всѣми его физиологическими спутниками, въ силу тѣхъ или иныхъ условій достигнетъ черезчуръ большой интенсивности, то оно можетъ превратиться въ настоящій аффектъ, являющійся повтореніемъ ранѣ испытаннаго; такъ и наши интеллектуальные образы, сдѣлавшись черезчуръ яркими, могутъ повести къ образованію иллюзій и галлюцинацій, особенно если къ нимъ присоединится хотя бы въ слабой степени раздраженіе соотвѣтствующаго органа чувствъ.

Тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ указываетъ на необходимость допустить существованіе абстрактныхъ эмоцій, аналогичныхъ общимъ представленіямъ интеллектуальной сферы. Согласно этому взгляду, наряду, напр., съ аффективными воспоминаніями о томъ или иномъ чувствѣ гнѣва, испытанномъ нами тогда-то и при такихъ-то условіяхъ, существуетъ также болѣе общее аффективное переживаніе, испытываемое нами въ тѣхъ случаяхъ, когда мы стараемся представить себѣ чувство гнѣва вообще, безотносительно къ какой бы то ни было конкретной обстановкѣ. То же самое получится, если мы захотимъ вызвать въ себѣ, напр., чувство симпатіи, представляя себѣ при этомъ не конкретный образъ какого-нибудь отдѣльнаго человѣка, а скорѣе общую схему тѣхъ объектовъ и отношеній, которые могутъ возбудить въ насъ это чувство. Несмотря на смутность и неясность такихъ абстрактныхъ эмоцій, онѣ, по мнѣнію Рибо, несомнѣнно существуютъ. Весь современный символизмъ въ литературѣ, живописи и музыкѣ основанъ именно на возможности путемъ какого-нибудь намека или полусхематическаго образа вызывать въ насъ такого рода эмоціи.

Конечно, теорія Рибо относительно абстрактныхъ эмоцій нуждается еще въ дальнѣйшемъ подтвержденіи и провѣркѣ. Быть можетъ, окажется, что процессъ отвлеченія въ области эмоцій слѣдуетъ искать не тамъ, гдѣ его ищетъ Рибо (смутныя, неясныя «общія» эмоціи), а скорѣе въ томъ рѣзкомъ различіи, которое существуетъ между высшими идейными эмоціями и низшими чувствами, связанными съ ощущеніями. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ того, чтобы на него обратить вниманіе.

Въ области волевыхъ проявленій мы точно также встрѣчаемся съ явленіями памяти (т. е. со скрытой, ослабленной дѣятельностью извѣстныхъ психическихъ склонностей), а также съ противоположностью между сложными, конкретными предрасположеніями и болѣе общими, отвлеченными способностями. Примѣромъ сохраняющихся въ памяти сложныхъ волевыхъ предрасположеній могутъ служить привычныя автоматическія дѣйствія, иногда достигающія значительной степени сложности и устойчивости. Процессъ одѣванья и раздѣванья, которому дѣти выучиваются съ такимъ трудомъ и обыкновенно не сразу, а по частямъ (сначала научаются надѣвать, напр., чулки, затѣмъ башмаки, затѣмъ постепенно все остальное) мало-по-малу, благодаря повторенію и привычкѣ, превращается въ одинъ сложный, неразрывный актъ, отдѣльныя части котораго тѣсно связаны другъ съ другомъ: стоитъ только сдѣлать первыя, начальныя движенія этого акта, чтобы все остальное продолжалось затѣмъ уже само собой, почти безъ участія нашего сознанія. То же самое мы встрѣчаемъ у гребцовъ, фехтовальщиковъ, музыкантовъ, играющихъ на какомъ-либо опредѣленномъ инструментѣ, — вообще у людей, профессія которыхъ заставляетъ ихъ приноравливаться къ опредѣленнымъ, узко ограниченнымъ условіямъ и въ соотвѣтствіи съ этими условіями многократно совершать рядъ аналогичныхъ дѣйствій и движеній. Возникающія такимъ путемъ привычки или конкретныя волевыя предрасположенія отличаются тѣми же самыми чертами, которыя характеризуютъ аналогичныя имъ образованія умственной сферы, т. е. хорошо усвоенныя (запомненныя) конкретныя образы и представленія: они также приноравлены къ внѣшнимъ обстоятельствамъ-возбудителямъ и измѣняются вмѣстѣ съ этими послѣдними (вытѣсненіе прежнихъ воспоминаній новыми впечатлѣніями); они

также наглядны, отчетливы и богаты деталями; наконецъ, они также частичны, т. е. соотвѣтствуютъ только тому комплексу условій, которому они обязаны своимъ возникновеніемъ ¹⁾).

Нѣсколько большею степенью общности и отвлеченности по сравненію съ привычкою обладаютъ инстинкты, или унаслѣдованныя предрасположенія къ тѣмъ или инымъ дѣйствіямъ, совершаемымъ безсознательно, но цѣлесообразно. Здѣсь уже сложныя психо-физиологическіе акты приноровлены не къ одному какому-нибудь опредѣленному объекту (тогъ или иной инструментъ, весла въ лодкѣ, опредѣленное оружіе), а къ цѣлой группѣ разнообразныхъ явленій, аналогичныхъ въ какомъ-либо отношеніи. Кошка бросается въ погоню не только за мышью, но и за клубкомъ шерсти и вообще за всякимъ быстро движущимся предметомъ; маленькій ребенокъ чувствуетъ страхъ и начинаетъ кричать при внезапномъ появленіи возлѣ него вообще незнакомыхъ, крупныхъ объектовъ, будетъ ли это человѣкъ, или животное, или шляпа на головѣ его матери.

Еще болѣе общими представляются намъ такіе инстинкты, какъ способность къ работѣ или стремленіе къ самосохраненію. Восходя дальше по лѣстницѣ обобщеній, мы приходимъ, наконецъ, къ наиболѣе общимъ и отвлеченнымъ проявленіямъ волевой дѣятельности. Таковы: волевое вниманіе, т. е. способность по произволу фиксировать въ сознаніи тѣ или иныя чувства и образы, задерживающая способность, которая позволяетъ намъ подавлять и устранять изъ сознанія различныя нежелательныя въ данный моментъ переживанія и т. д. Несмотря на рѣзкое отличіе этихъ наиболѣе общихъ способностей отъ конкретныхъ предрасположеній, между ними все же существуетъ рядъ непрерывныхъ переходовъ, на что указываютъ, между прочимъ, и такія, казалось бы противорѣчивыя и, тѣмъ не менѣе, часто встрѣчающіяся выраженія, какъ нравственный инстинктъ, привычка сосредоточиваться и т. п.

¹⁾ Несомнѣнно, что въ запоминаніи сложныхъ движеній очень важную роль играютъ интеллектуальные элементы (осозательныя и др. ощущенія); однако, несомнѣнно также и то, что благодаря упражненію, создается предрасположеніе къ даннаго рода движеніямъ въ соотвѣтствующихъ нервахъ и нервныхъ центрахъ. См. Wundt, Grundzüge d. Physiol. Psychol. 5-te Aufl. Bd. I, S. 95—96.

Изъ всѣхъ трехъ главныхъ сторонъ нашей душевной жизни (умъ, чувство, воля) чувствованія являются наиболѣе субъективнымъ элементомъ; при дѣйствіи внѣшнихъ раздражителей они возникаютъ обыкновенно не непосредственно, а лишь вторичнымъ путемъ, въ связи съ соотвѣтствующими имъ ощущеніями или движеніями и волевыми актами. Между тѣмъ ниже мы увидимъ, что проявленія различныхъ психическихъ склонностей будутъ тѣмъ отчетливѣе, детальнѣе и расчлененнѣе, чѣмъ болѣе сильно и непосредственно вліяніе, оказываемое на эти склонности соотвѣтствующими внѣшними раздражителями. Быть можетъ, именно благодаря этому чувства отличаются гораздо большей смутностью, нерасчлененностью и неясностью по сравненію съ остальными нашими душевными переживаніями. Благодаря же недостаточной ясности всѣхъ вообще чувствованій, стирается граница между конкретными предрасположеніями и болѣе отвлеченными способностями, существующими въ этой области. Этимъ, можетъ быть, и объясняется то обстоятельство, что вопросъ о возможности отвлеченія въ сферѣ чувствованій и до настоящаго времени представляется еще спорнымъ. (см. выше).

Гораздо болѣе отчетливо выступаетъ противоположность между низшими и высшими способностями въ области волевыхъ процессовъ. Такъ, напр., Кантъ волю въ ея наиболѣе общей отвлеченной формѣ считаетъ основой того моральнаго закона, который, по его мнѣнію, обладаетъ такой же всеобщностью и необходимостью, какъ и любая наиболѣе отвлеченная математическая (т. е. интеллектуальная) формула ¹⁾. Наряду съ этимъ мы находимъ у него также и рядъ максимъ или правилъ практическаго поведенія, соотвѣтствующихъ нашимъ болѣе частнымъ наклонностямъ и конкретнымъ предрасположеніямъ. Конечно, все это получаетъ у Канта совершенно иное освѣщеніе и объясненіе, чѣмъ то, которое дано было нами выше, но важно то, что фактическія соотношенія, въ сущности, остаются одни и тѣ же.

Говоря о томъ, что умъ, чувство и воля представляютъ собой три наиболѣе основныхъ рода нашихъ душевныхъ способностей,

¹⁾ Критика практическаго разума. Перев. Соколова, Спб. 1897 г., стр. 8, примѣчаніе.

мы, тѣмъ не менѣе, вовсе не думаемъ отрицать возможности дальнѣйшаго объединенія ихъ въ одно общее функциональное цѣлое. Очень возможно, что они составляютъ не что иное, какъ только *три стадіи одного и того-же обще-біологическаго процесса*: запечатлѣніе внѣшняго раздраженія, субъективная реакція на него нервно-психической организаціи и, наконецъ, воздѣйствіе этой организаціи на внѣшнюю среду. Для насъ важно лишь то, что каждая изъ названныхъ основныхъ сторонъ біологическаго процесса можетъ быть развита у разныхъ людей въ различной степени и, вообще говоря, въ своей дѣятельности обладаетъ извѣстной, иногда очень значительной независимостью по отношенію къ остальнымъ двумъ сторонамъ. Съ другой стороны, объединеніе трехъ наиболѣе основныхъ способностей въ одинъ общій процессъ вовсе не можетъ служить препятствіемъ къ дальнѣйшему разложенію каждой изъ нихъ на еще болѣе простыя составныя элементы, — если бы, конечно, къ этому представилась когда-нибудь возможность и необходимость.

Мы приняли, что сохраненіе въ памяти имѣетъ своей основой скрытую дѣятельность соответствующей наклонности или конкретнаго предрасположенія. Что касается *процесса воспріятія*, то его слѣдуетъ, повидимому, разсматривать, какъ приспособленіе данной наклонности (resp. данной стороны общаго, непрерывно дѣющагося нервно-психическаго процесса) къ дѣйствующему на нее новому раздражителю и его особенностямъ. Въ чемъ состоитъ сущность этого приспособленія и какимъ образомъ оно происходитъ, мы въ настоящее время сказать еще не можемъ, такъ какъ окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ теоріи знанія. Для насъ же очевидно сейчасъ только одно, именно, что въ результатѣ названнаго процесса получается возникновеніе одного или нѣсколькихъ новыхъ образовъ воспоминанія, т.-е. новыхъ способовъ проявленія соответствующей наклонности.

Если процессъ воспріятія представляетъ собою не что иное, какъ приспособленіе психической склонности къ новому раздражителю, то, слѣдовательно, способность воспріятія также нельзя разсматривать, какъ какое-то совершенно своеобразное качество, свойственное исключительно только умственной сферѣ. Образованіе новыхъ представленій происходитъ такимъ же точно путемъ, какъ и образованіе новыхъ чувствованій или волевыхъ проявленій. Различія же между этими аналогичными процессами

обусловливаются, съ одной стороны, своеобразными особенностями возбудителей, а съ другой—тѣми взаимоотношеніями, которыя существуютъ между умственными, эмоціональными и волевыми способностями.

Такъ какъ непосредственное воздѣйствіе возбудителей на соотвѣтствующія имъ психическія склонности возможно въ области не только низшихъ, но также и высшихъ способностей (см. выше), то здѣсь точно также долженъ существовать процессъ приспособленія склонности къ каждому новому дѣйствующему на нее возбудителю. Въ этомъ именно и состоитъ, на нашъ взглядъ, сущность *процесса сужденія*. Какъ извѣстно, ассоціаціонная психологія склонна совершенно отрицать существованіе сколько-нибудь рѣзкой границы между сужденіями и воспріятіями, такъ какъ, съ одной стороны, въ большинствѣ даже элементарныхъ воспріятій заключаются уже элементы сужденія, а съ другой—каждое не только сужденіе, но даже и умозаключеніе можно разсматривать, какъ сложное сочетаніе нѣсколькихъ рядовъ ассоціацій. Такая близость обоихъ процессовъ съ нашей точки зрѣнія вполне объясняется ихъ аналогичнымъ происхожденіемъ: сужденіе въ области высшихъ способностей (интеллектуальныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ) играетъ ту же самую роль, какую воспріятіе (resp. образованіе новыхъ чувствъ и способовъ дѣйствія) играетъ въ области низшихъ. И такъ какъ между высшими и низшими способностями нельзя провести сколько-нибудь рѣзкой границы, то между сужденіями и воспріятіями существуетъ также цѣлый рядъ постепенныхъ переходовъ.

Тѣмъ не менѣе, крайніе члены этого непрерывнаго ряда обладаютъ уже признаками, существенно отличающими ихъ другъ отъ друга. Прежде всего, элементы, входящіе въ составъ процесса сужденія, отличаются, по сравненію съ воспріятіемъ, всегда значительно большей общностью и отвлеченностью. Воспринимаемая какой-нибудь отдѣльный объектъ, мы запечатлѣваемъ его со всѣми конкретными деталями и особенностями. Если подобное же воспріятіе уже было у насъ раньше, то оставшееся отъ него конкретное предрасположеніе сливается съ происходящимъ въ данный моментъ процессомъ приспособленія къ возбудителю и получается актъ узнаванія. При этомъ, смотря по тому, преобладаетъ ли вліяніе наличнаго возбудителя или вліяніе прежде бывшаго предрасположенія, полученное въ результатѣ воспріятія

тіе будетъ носить реальный или же, наоборотъ, болѣе иллюзорный характеръ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы все время имѣемъ дѣло исключительно только съ даннымъ, частнымъ объектомъ и его особенностями.

Не то въ процессѣ сужденія. Когда я говорю, напр., этотъ столъ черенъ,—то здѣсь только на первый взглядъ кажется, будто я приспособляю свое общее представленіе о столѣ именно къ данному, новому для меня конкретному объекту. На самомъ же дѣлѣ въ этомъ новомъ объектѣ меня интересуется лишь *соотношеніе* нѣкоторыхъ произвольно выдѣленныхъ элементовъ, именно, съ одной стороны, признаковъ, характеризующихъ его какъ столъ, а съ другой—чернаго цвѣта, представляющаго собой особую разновидность извѣстныхъ мнѣ цвѣтовыхъ оттѣнковъ. Такимъ образомъ, имѣющееся у меня общее представленіе (*resp.* дѣятельность одной или нѣсколькихъ соотвѣтствующихъ ему отвлеченныхъ наклонностей) приспособляется не къ данному конкретному объекту, а къ нѣкоторымъ *соотношеніямъ*, существующимъ между отдѣльными сторонами даннаго объекта и аналогичными имъ сторонами другихъ объектовъ. Этимъ именно и обусловливается то осмысливаніе, сознательное противопоставленіе отдѣльныхъ сторонъ явленія, которымъ характеризуется актъ сужденія. Отсюда вытекаетъ также и большая общность и отвлеченность сужденій по сравненію съ воспріятіями,—качества, достигающія еще болѣе рѣзкой степени во всякаго рода опредѣленіяхъ: дерево есть растеніе, человѣкъ есть существо мыслящее и т. д.

Съ описанной точки зрѣнія становится вполне понятнымъ существованіе, наряду съ объективными, т.-е. чисто интеллектуальными сужденіями, также и сужденій субъективныхъ, вытекающихъ изъ того или иного отношенія къ данному предмету и выражающихъ собой наши симпатіи и антипатіи, желанія и требованія: вѣдь сужденіе, точно такъ же, какъ и воспріятіе, все не представляетъ собой какой-то особой способности, присущей исключительно только умственной сферѣ, а наоборотъ, по самой сущности своей свойственно въ такой же степени и эмоциональной, и волевой сторонамъ нашей душевной жизни.

Въ то же время получаютъ свое объясненіе и другія характерныя особенности сужденія. Такъ, подобно воспріятію, оно всегда является результатомъ непосредственнаго воздѣйствія

внѣшняго или внутренняго возбудителя на соотвѣтствующую ему наклонность. Отсюда постоянно присущее сужденію (точно такъ же, какъ и воспріятію) сознание того, что объектъ сужденія дѣйствительно существуетъ, а не представляетъ изъ себя что-либо вымышленное.

Зато, въ отличіе отъ воспріятія, сужденіе всегда отличается большей субъективностью, сознаниемъ болѣе интимной связи съ собственной своей личностью. Въ то время какъ въ процессѣ воспріятія внѣшній возбудитель, {въ видѣ отдѣльнаго частнаго предмета или явленія, выступаетъ въ сознаниі чрезвычайно отчетливо, со всѣми своими деталями, особенностями, здѣсь, наоборотъ, возбудители представляются гораздо болѣе отвлеченными, смутными и неясными, и на первый планъ выступаетъ дѣятельность психическихъ склонностей, т.-е. болѣе субъективная сторона нашихъ душевныхъ переживаній.

Теперь мы можемъ дать окончательное объясненіе приведенному въ предыдущей статьѣ примѣру съ поляной. Во время чтенія психологическаго трактата моя мыслительная работа была направлена главнымъ образомъ на сопоставленіе отдѣльныхъ мыслей, высказанныхъ авторомъ, т.-е. въ моихъ сужденіяхъ преобладала по преимуществу синтетическая объединяющая дѣятельность. Эта сильно возбужденная наклонность къ объединенію отразилась затѣмъ и на родственномъ сужденію актѣ воспріятія, придавши ему по преимуществу объединяющій характеръ. Благодаря этому я и воспринялъ, неожиданно для самого себя, деревья на полянѣ не какъ отдѣльные, обособленные другъ отъ друга объекты, а какъ одно общее цѣлое.

Само собой разумѣется, что высказанныя здѣсь замѣчанія составляютъ только первоначальный краткій набросокъ того, что можно было бы сказать о дѣятельности нервно-психической организаци и ея отдѣльныхъ сторонъ или психическихъ склонностей. Дальнѣйшее развитіе и разработка этихъ взглядовъ представляютъ собой дѣло будущаго. Достаточно указать хотя бы на то, что невыясненнымъ осталось еще отношеніе нашей гипотезы къ такимъ основнымъ психическимъ актамъ, какъ, напр., дѣятельность вниманія и творческаго воображенія. Для того, чтобы хоть нѣсколько дополнить сказанное, мы коснемся здѣсь еще нѣкоторыхъ проблемъ, рѣшеніе которыхъ тѣсно связано съ гипотезой нервно-психической организаци, какъ мы ее себѣ представляемъ.

II.

Начнемъ съ вопроса объ *отношеніи психическихъ склонностей къ анатомо-физиологическому ихъ корреляту*. Согласно принципу психо-физическаго параллелизма, мы должны предположить, что всѣмъ безъ исключенія нашимъ способностямъ, какъ низшимъ, конкретнымъ, такъ и высшимъ, болѣе отвлеченнымъ соотвѣтствуютъ извѣстнаго рода измѣненія въ центральной нервной системѣ. Измѣненія же, составляющія физиологическую основу способностей и предрасположеній, сводятся, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторовъ, къ особому перемѣщенію молекулъ, входящихъ въ составъ нашей центральной нервной системы. Такой взглядъ, однако, представляетъ собой чистѣйшую гипотезу, такъ какъ о способахъ этого молекулярнаго перемѣщенія мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Въ то же время онъ противорѣчитъ изложенному выше пониманію нервно-психической организаціи, какъ чисто функціональнаго единства, въ составъ котораго входятъ не неподвижныя сущности, а непрерывно дѣйствующіе процессы, хотя бы эти процессы и отличались извѣстной продолжительностью и устойчивостью. Въ этомъ отношеніи способности не отличаются ни отъ сложныхъ привычекъ, ни отъ своихъ собственныхъ сознательныхъ проявленій. И если принципъ психо-физическаго параллелизма имѣетъ какое-нибудь значеніе, то и физиологическая основа даже самыхъ отвлеченныхъ способностей должна быть сведена къ непрерывно дѣющимся процессамъ, хотя бы и очень слабымъ по своей интенсивности.

Интересно, что и въ области физиологіи мы встрѣчаемъ нерѣдко то же самое отношеніе между способностями и ихъ проявленіями, какое было нами выше отмѣчено въ примѣненіи къ явленіямъ психическаго порядка. Одна и та же біологическая функція можетъ быть крайне разнообразной въ своихъ проявленіяхъ, принимая въ различныхъ случаяхъ совершенно различныя формы. Достаточно запомнить хотя бы, напр., тотъ фактъ, что центральная нервная система у муравья или пчелы устроена совершенно иначе, чѣмъ у позвоночныхъ животныхъ, что не мѣшаетъ однако тѣмъ и другимъ проявлять нерѣдко очень сходныя инстинкты и способности. Органы пищеваренія, дыханія, кровообращенія, передвиженія устроены у разныхъ животныхъ различнымъ образомъ, и, тѣмъ не менѣе, всѣ они удовлетворяютъ однимъ и тѣмъ

же потребностямъ питанія, снабженія кислородомъ и т. п., причѣмъ, однако, способъ этого удовлетворенія всякій разъ видоизмѣняется въ зависимости отъ своеобразныхъ особенностей соотвѣтствующаго внѣшняго возбудителя.

Что касается анатомической локализациі отдѣльныхъ способностей, т.-е. пріуроченія ихъ къ дѣятельности тѣхъ или иныхъ отдѣловъ центральной нервной системы, то относительно низшихъ, конкретныхъ способностей мы обладаемъ уже довольно многочисленнымъ, болѣе или менѣе твердо установленнымъ матеріаломъ. Ученіе о локализациі корковыхъ центровъ зрѣнія, слуха, осязанія, а также рѣчи и различнаго рода движеній разработано въ настоящее время очень обстоятельно. Возможно, конечно, что локализацию эту слѣдуетъ понимать не въ узкомъ смыслѣ чисто анатомическаго сосредоточенія указанной функціи именно въ данномъ участкѣ коры, а въ болѣе широкомъ, функціональномъ: дѣятельность этого участка имѣетъ преобладающее значеніе въ томъ сложномъ, затрогивающемъ различные отдѣлы мозга процессѣ, который называется, напр., движеніемъ или зрительнымъ воспріятіемъ. Такое функціональное пониманіе ученія о локализациі нисколько не противорѣчитъ сущности этого ученія, и въ то же время болѣе соотвѣтствуетъ нашему воззрѣнію на нервно-психическую организацию, какъ на чисто функціональное единство.

Значительно болѣе скудны наши свѣдѣнія относительно анатомо-физиологическаго коррелата высшихъ, болѣе отвлеченныхъ способностей. Здѣсь еще совершенно нельзя считать сколько-нибудь твердо установленнымъ, локализируются ли онѣ отдѣльно отъ низшихъ и если да, то въ какомъ именно мѣстѣ: въ лобныхъ ли доляхъ (центръ апперцепціи Вундта), въ ассоціационныхъ ли центрахъ Флексига или въ какомъ-нибудь другомъ участкѣ коры. Тѣмъ не менѣе, существованіе рѣзкаго различія между высшими, наиболѣе отвлеченными способностями съ одной стороны, и низшими, конкретными, съ другой, заставляетъ думать, что и анатомо-физиологическая основа тѣхъ и другихъ не можетъ быть одинакова. Будущее покажетъ, имѣемъ ли мы дѣло здѣсь съ чисто функціональнымъ различіемъ, т.-е. съ двумя разными родами процессовъ, совершающимися, однако, въ однихъ и тѣхъ же мозговыхъ центрахъ, или же раздѣленіе функцій соотвѣтствуетъ здѣсь также и различной ихъ анатомической локализациі.

Что касается анатомо-физиологическаго коррелата такъ называемыхъ формальныхъ особенностей душевной жизни (быстрота, сила и устойчивость различныхъ психическихъ процессовъ), то здѣсь приходится, повидимому, допустить существованіе особыхъ физиологическихъ приспособленій, которыя и обуславливаютъ собой соотвѣтствующія особенности въ центральной нервной системѣ. Эти особенности присущи всѣмъ безъ исключенія нервнымъ центрамъ, каковы бы ни были ихъ функціи. Большая или меньшая быстрота, интенсивность и устойчивость всѣхъ вообще нервныхъ и психическихъ процессовъ составляютъ индивидуальную особенность каждаго даннаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, самое содержаніе процессовъ, происходящихъ въ томъ или иномъ центрѣ, также можетъ отражаться на ихъ устойчивости, быстротѣ теченія и т. п. То же самое бываетъ и въ психической жизни. Такъ, напр., встрѣчаются нерѣдко случаи, когда человѣкъ, быстрый въ однихъ своихъ проявленіяхъ, отличается въ то же время значительной медленностью въ другихъ. Даже такія, казалось бы, близкія проявленія, какъ быстрота простой реакціи и быстрота сложнаго воспріятія у разныхъ людей далеко не всегда идутъ между собой параллельно ¹⁾. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ сказать то же о процессахъ, по своему содержанію болѣе различающихся другъ отъ друга.

Проводя послѣдовательно параллель между дѣятельностью различныхъ способностей и соотвѣтствующими имъ отправленіями центральной нервной системы, мы неизбѣжно сталкиваемся еще съ одной проблемой, имѣющей одинаково важное значеніе какъ для философіи, такъ и для психологіи, именно—съ проблемой такъ наз. психической энергіи или, по терминологіи Липпса, психической силы. Вопросы о сущности психической энергіи, а также о ея отношеніи къ физической мы здѣсь вовсе не будемъ касаться, такъ какъ задача эта вышла бы за предѣлы нашего чисто эмпирическаго изслѣдованія ²⁾. Для насъ здѣсь важно отмѣтить лишь то обстоятельство, что въ дѣятельности нервно-психической организаци и ея отдѣльныхъ сторонъ (способностей) существуютъ такія особенности, которыя заста-

¹⁾ Лазурскій и Румянцевъ. Объ индивидуальныхъ особенностяхъ воспріятія. Докладъ въ Русскомъ Общ. Норм. и Патол. Психологіи, апрѣль, 1909 г.

²⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ книгѣ акад. В. М. Бехтерева; „Психика и жизнь“.

вляють насъ, для болѣе обстоятельнаго изученія и анализа психическихъ явленій, воспользоваться, между прочимъ, также и понятіемъ психической или нервно-психической энергіи.

Напомнимъ прежде всего объ упомянутыхъ выше временныхъ или кажущихся измѣненіяхъ личности, зависящихъ отъ того, что отдѣльныя способности, составляющія человѣческую личность, постоянно колеблутся въ своей напряженности. Эти колебанія зависятъ въ однихъ случаяхъ отъ наличности или отсутствія соотвѣтствующаго возбудителя, въ другихъ—отъ утомленія, вызваннаго продолжительнымъ и интенсивнымъ расходомъ нервно-психической энергіи. Важную роль играетъ здѣсь также и общее количество нервно-психической энергіи, свойственное организаціи даннаго человѣка.

Бываютъ, далѣе, случаи, когда двѣ различныя наклонности или группы наклонностей сталкиваются между собой въ борьбѣ за обладаніе психической силой (терминологія Липсса), при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя одержатъ верхъ надъ другими, проявляются въ сознаніи со всей интенсивностью, какую только допускаетъ въ данный моментъ состояніе нервно-психической организаціи даннаго человѣка, тогда какъ дѣятельность другихъ временно сводится къ минимуму. Такимъ образомъ общее количество нервно-психической энергіи у каждаго отдѣльнаго человѣка представляетъ собой величину ограниченную, распредѣляющуюся въ различной степени между разными психическими склонностями, свойственными этому человѣку. Вмѣстѣ съ тѣмъ величина эта для каждаго отдѣльнаго индивидуума отнюдь не остается постоянной, а, наоборотъ, колеблется, и притомъ иногда въ очень широкихъ предѣлахъ.

Вотъ все, что мы можемъ пока сказать о значеніи для нашей гипотезы понятія психической или нервно-психической энергіи. Дальнѣйшая разработка этой проблемы именно въ томъ специальномъ направленіи, какое насъ здѣсь интересуетъ, требуетъ, по нашему мнѣнію, также и особыхъ, специально поставленныхъ наблюденій и, быть можетъ, экспериментовъ.

Говоря выше о проявленіяхъ различныхъ психическихъ склонностей, мы не коснулись еще одного вопроса, имѣющаго также существенное значеніе для развитія нашей гипотезы: благодаря какимъ условіямъ одна и та же психическая склонность, напр., наклонность къ зрительнымъ воспріятіямъ, можетъ по-

слѣдовательно давать цѣлый рядъ отличающихся другъ отъ друга проявленій (въ данномъ случаѣ—различныхъ зрительныхъ образовъ)? Или еще иначе: какими причинами обуславливается то обстоятельство, что въ извѣстномъ сложномъ проявленіи (напр., въ процессѣ умозаключенія, составленномъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ между собою сужденій) отдѣльныя фазы этого сложнаго процесса, представляющія изъ себя проявленія одной и той же способности, послѣдовательно смѣняются другъ друга?

Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо прежде всего вспомнить, что всякой наклонности, какъ конкретной, такъ и болѣе абстрактной, соотвѣтствуетъ обыкновенно цѣлый рядъ возбудителей, однородныхъ въ своей основѣ, но различныхъ по своимъ деталямъ. Въ каждый данный моментъ имѣется налицо почти всегда нѣсколько однородныхъ возбудителей (напр., объектовъ, находящихся въ полѣ зрѣнія, или отношеній, могущихъ вызвать процессъ сужденія и умозаключенія). Благодаря ограниченности общаго количества психической энергіи, дѣятельность данной наклонности не можетъ одновременно приспособиться или войти во взаимодействіе со всѣми имѣющимися налицо возбудителями и ограничивается лишь тѣми изъ нихъ, которые, благодаря своей интенсивности или какимъ-либо другимъ условіямъ, находятся въ особенно выгодномъ положеніи. Но такъ какъ окружающая насъ дѣйствительность находится въ состояніи непрерывнаго измѣненія, то возбудитель, занимавшій въ теченіе нѣкотораго времени наиболѣе благопріятное положеніе, постепенно уступаетъ мѣсто другому, сдѣлавшемуся, напр., болѣе интенсивнымъ. Въ зависимости отъ этого измѣняются и проявленія соотвѣтствующей наклонности.

Однако, послѣдовательная смѣна проявленій можетъ быть обусловлена не только объективными, но и субъективными причинами, коренящимися въ самомъ способѣ дѣятельности всѣхъ вообще психическихъ склонностей и предрасположеній. Мы уже говорили о томъ, что никакая наклонность, какъ бы она ни была интенсивна, не можетъ дѣйствовать непрерывно, съ одной и той же силой въ теченіе неопредѣленно долгаго времени. Мало-по-малу дѣятельность ея становится менѣе напряженной, и соотвѣтствующій возбудитель уже не оказываетъ такого сильнаго дѣйствія, какъ это было раньше. Однако, это частичное утомленіе или ослабленіе дѣятельности въ извѣст-

номъ направленіи еще далеко не всегда свидѣтельствуетъ о полномъ общемъ истощеніи данной наклонности. И если одновременно съ прежнимъ возбудителемъ существовалъ еще и другой, менѣ интенсивный и поэтому не оказывавшій на данную наклонность замѣтнаго вліянія, то теперь, наоборотъ, вліяніе его выступаетъ на первый планъ, и соотвѣтствующія ему проявленія занимаютъ фиксаціонную точку сознанія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда смѣна проявленій, т.-е. измѣненіе въ направленіи дѣятельности извѣстной наклонности, обуславливается только что описанными субъективными причинами, при отсутствіи соотвѣтствующей перемѣны во внѣшнихъ возбудителяхъ, возникаетъ то, что называется *процессомъ ассоціаціи*. Подобно памяти, отвлеченію, сужденію и т. д. процессъ этотъ присущъ всѣмъ безъ исключенія сторонамъ нашей душевной жизни; но наиболѣе ясное и отчетливое выраженіе его мы находимъ, конечно, въ ассоціаціи представленій. Положимъ, напр., что сидя въ вагонѣ трамвая, я вглядываюсь въ лицо человѣка, сидящаго напротивъ меня и почему-либо меня заинтересовавшаго. Мало-по-малу наряду съ чертами его лица въ моемъ сознаніи возникаетъ другой образъ, именно образъ одного изъ моихъ знакомыхъ, который лицомъ нѣсколько напоминаетъ сидящаго напротивъ человѣка. При этомъ воспріятіе, послужившее исходнымъ пунктомъ для ассоціаціи, обыкновенно дѣлается менѣ интенсивнымъ, но все же не исчезаетъ совершенно изъ сознанія, такъ что оба проявленія данной наклонности продолжаютъ существовать одновременно. Въ другихъ случаяхъ происходитъ, наоборотъ, ассоціативная смѣна проявленій. Проходя по мало знакомой улицѣ, я мелькомъ увидѣлъ домъ, напоминающій своимъ видомъ зданіе гимназіи, въ которой я воспитывался. Воспоминанія изъ далекаго прошлаго начинаютъ смѣняться другъ друга въ моемъ сознаніи, въ то время какъ вызвавшее ихъ воспріятіе давно уже перестало мною сознаваться.

Когда какой-либо механизмъ или функціональная организація измѣняютъ направленіе своей дѣятельности, то при этомъ необходимо принимать во вниманіе слѣдующія два обстоятельства, имѣющія огромное значеніе для большинства процессовъ какъ органическаго, такъ и неорганическаго міра: во-первыхъ, *постепенныя измѣненія происходятъ легче* (а потому и чаще), нежели рѣзкія, кореннымъ образомъ мѣняющія направленіе дан-

наго процесса; во-вторыхъ—привычныя, уже бывшія ранѣе перемѣны наступаютъ легче, нежели совершенно новыя, непривычныя. Эти два обстоятельства лежатъ въ основѣ такъ называемыхъ законовъ ассоціаціи, именно, дѣленія ассоціативныхъ процессовъ на двѣ главныя группы—по сходству и по смежности. Когда наклонность къ представлванію, движенію и т. д. начинаетъ измѣнять направленіе своей дѣятельности, то прежде всего возникаютъ, естественнымъ образомъ, или сходныя представленія (геср. движенія), требующія лишь небольшого измѣненія въ дѣятельности соотвѣтствующей наклонности, или же такія, которыя хотя и существенно отличаются отъ предыдущихъ, но за то уже сопровождали ихъ ранѣе, подъ вліяніемъ какого-либо случая или особаго стеченія обстоятельствъ (ассоціація смежности). Этимъ именно и объясняется, съ нашей точки зрѣнія, та несомнѣнно важная роль, которую играютъ принципы сходства и смежности въ послѣдовательной смѣнѣ всѣхъ вообще нашихъ душевныхъ состояній.

Ассоціативные процессы (какъ смежности, такъ и сходства) обуславливаютъ собой происхожденіе тѣхъ возбудителей, которые мы выше назвали посредствующими. Какое-нибудь представленіе или воспріятіе, само по себѣ индифферентное и неспособное дѣйствовать на ту или иную наклонность, вызываетъ, въ силу ассоціаціи, другое представленіе, являющееся уже непосредственнымъ возбудителемъ этой наклонности. Такъ какъ ассоціація возможна не только между чувствами и желаніями (см. выше), то эти послѣднія также могутъ служить посредствующими звеньями въ процессѣ возникновенія въ сознаніи тѣхъ или иныхъ возбудителей. Какое-нибудь своеобразное, необычное чувство, возникающее въ сознаніи человѣка, очень часто заставляетъ его припомнить другое, аналогичное чувство, уже испытанное имъ когда-то въ прошломъ (аффективное воспоминаніе, сопровождающееся затѣмъ и соотвѣтствующими интеллектуальными образами). Положимъ, что въ прошломъ возникновеніе и развитіе этого чувства повело за собой очень непріятныя послѣдствія; тогда человѣкъ, наученный горькимъ опытомъ, немедленно же старается энергическимъ волевымъ усиліемъ подавить вновь возникающую эмоцію. Такимъ образомъ ассоціація чувствованій по сходству послужила здѣсь посредствующимъ звеномъ, повлекшимъ за собой возникновеніе въ сознаніи сложнаго возбу-

дителя (воспоминанія), составленнаго изъ эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ элементовъ и вызвавшаго, въ концѣ-концовъ, дѣятельность волевого усилія. Что касается послѣдняго, конечнаго результата, то его слѣдуетъ разсматривать уже не какъ ассоціацію, а какъ возбужденіе волевой наклонности соотвѣтствующимъ внутреннимъ раздражителемъ.

Дѣятельность посредствующихъ возбудителей играетъ очень важную роль въ процессѣ механизации и упроченія тѣхъ нашихъ проявленій, которыя неоднократно повторяются и имѣютъ для насъ важное практическое значеніе. Особенно относится это къ сложнымъ волевымъ актамъ. Человѣкъ пріучается реагировать извѣстнымъ образомъ не только на непосредственнаго возбудителя, но также и на извѣстныя побочныя ассоціаціи, случайно съ нимъ связанныя. Такъ, напр., уже одно словесное предупрежденіе объ опасности можетъ вызвать у него такой же испугъ и такую же энергическую предупредительную и оборонительную дѣятельность, какъ если бы самая опасность была налицо. При этомъ, какъ уже можно было видѣть изъ предыдущаго примѣра, внутренніе возбудители аффективнаго состоянія сопровождаются обыкновенно также и соотвѣтствующими интеллектуальными представленіями, придающими возбудителю, взятому въ его цѣломъ, гораздо большую отчетливость и опредѣленность. Мало-по-малу, при дальнѣйшемъ повтореніи, интеллектуальные элементы, нерѣдко принадлежащіе даже не къ самому возбудителю, а къ посредствующимъ ассоціаціямъ, начинаютъ замѣнять собой возбудителя, являясь его символомъ. Какая-нибудь предостерегающая фраза или условный знакъ немедленно вызываетъ у лица, къ которому они обращены, защитительныя дѣйствія, даже при отсутствіи чувства испуга, возникавшаго въ этихъ случаяхъ раньше. Такая механизация проявленій, при помощи замѣны непосредственныхъ возбудителей посредственными, имѣетъ, конечно, чрезвычайно важное біологическое значеніе.

Возбудителями наклонностей могутъ быть не только внѣшніе раздражители, вліяющіе на наши органы чувствъ, или различныя дѣйствія (геср. движенія), при помощи которыхъ человѣкъ приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, но также и чисто субъективныя переживанія, т.-е., главнымъ образомъ, воспроизведенныя чувства и представленія. При этомъ совершенно безразлично, какимъ именно образомъ возникнутъ

эти субъективные переживания въ нашемъ сознаниі, — будутъ ли они вызваны какой-нибудь посредствующей ассоціаціей, или же самопроизвольно всплывутъ въ сознаниі благодаря усиленію дѣятельности соотвѣтствующаго конкретнаго предрасположенія. Мысль о предстоящей непріятности вызываетъ извѣстное, опредѣленное чувство совершенно независимо отъ того, возникла ли она сама собой, или же вызвана только что бывшимъ передъ этимъ разговоромъ. Важно только, чтобы она появилась въ сознаниі и чтобы она, по своему содержанію, могла служить возбуждателемъ извѣстной эмоціи.

Впрочемъ, представляется еще спорнымъ, дѣйствительно ли внутренній возбуждатель долженъ непременно отчетливо обнаружиться въ сознаниі для того, чтобы вызвать къ дѣйствию ту или иную наклонность. Противъ такого предположенія говорятъ всѣмъ извѣстные факты, когда сознаниемъ человѣка, совершенно неожиданно для него самого, овладѣваетъ неопредѣленное, но тѣмъ не менѣе очень сильное чувство опасенія, или радости, или неудовлетворенности, и только потому, разбираясь въ своихъ переживаніяхъ, онъ находитъ, наконецъ, причину, вызвавшую это чувство (какое-нибудь неясное воспоминаніе, мимолетное впечатлѣніе и т. д.). Такого рода факты, встрѣчающіеся очень часто, заставляютъ насъ думать, что, быть можетъ, и смутно сознаваемые психическія переживания также могутъ служить внутренними возбуждателями для соотвѣтствующихъ наклонностей.

Вообще, вопросъ объ *отношеніи психическихъ склонностей и ихъ проявленій къ сознанию* настолько сложенъ, что требуетъ особаго, обстоятельнаго разсмотрѣнія. Здѣсь же мы попытаемся лишь намѣтить въ краткихъ чертахъ то направленіе въ рѣшеніи этого вопроса, которое представляется наиболѣе вѣроятнымъ съ точки зрѣнія нашей гипотезы.

Наиболѣе характерными сторонами всякаго сознаниія являются, повидимому, слѣдующія двѣ: *во-первыхъ, большая яркость, интенсивность* тѣхъ переживаній, которыя находятся въ данный моментъ въ полѣ яснаго сознанія; *во-вторыхъ* — *установленіе опредѣленныхъ соотношеній* между данными переживаніями и всѣми остальными, въ томъ числѣ и тѣми, которыя ближе всѣхъ стоятъ къ нашему «я», составляя такъ называемое ядро личности. Только совокупность обѣихъ этихъ основныхъ чертъ дѣлаетъ

психическій процессъ вполнѣ сознательнымъ, тогда какъ при отсутствіи одной изъ нихъ мы имѣемъ уже нарушеніе сознательности въ томъ или иномъ направленіи. Чѣмъ блѣднѣе впечатлѣнія, тѣмъ хуже они (при прочихъ равныхъ условіяхъ) сознаются, тѣмъ меньше обращаютъ они на себя вниманіе. Съ другой стороны, впечатлѣнія, хотя бы и очень яркія, но обособленныя, ничѣмъ не связанныя со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ сознанія, чрезвычайно быстро забываются, совершенно изглаживаясь изъ нашей памяти; другими словами, мы находимъ здѣсь отсутствіе того, что составляетъ характерный признакъ всякаго вообще сознанія, именно — непрерывности сознательныхъ переживаній.

Эти двѣ основныя стороны всякаго сознанія можно поставить въ связь съ двумя сторонами дѣятельности нашихъ психическихъ склонностей или предрасположеній: во-первыхъ — съ большей или меньшей ихъ интенсивностью или напряженностью, во-вторыхъ — съ тѣмъ процессомъ взаимодействія между наклонностями и ихъ раздражителями, въ результатъ котораго возникаютъ сознательныя проявленія наклонностей. Это сопоставленіе не слѣдуетъ, однако, понимать въ томъ смыслѣ, что яркость или интенсивность проявленій зависитъ только отъ большей или меньшей напряженности въ дѣйствиіи соотвѣтствующихъ наклонностей, а ихъ взаимныя отношенія обуславливаются исключительно только содержаніемъ и конструкціей внѣшнихъ возбудителей. Напротивъ, сила дѣйствія возбудителя также играетъ очень важную роль въ большей или меньшей яркости проявленій; точно также отношенія, устанавливающіяся между нашими сознательными переживаніями, зависятъ не только отъ конструкціи внѣшнихъ или внутреннихъ возбудителей, но также и отъ взаимоотношеній, существующихъ между самими наклонностями, входящими въ составъ даннаго процесса.

Приведемъ два примѣра, которые до нѣкоторой степени пояснятъ намъ сказанное. Извѣстно, что чѣмъ сильнѣе какое-нибудь чувство или желаніе, тѣмъ отчетливѣе, при прочихъ равныхъ условіяхъ, мы сознаемъ его. Пока чувство голода или болевья ощущенія въ какой-нибудь области тѣла не достигли еще значительной интенсивности, до тѣхъ поръ они лишь смутно испытываются въ видѣ какаго-то неопредѣленнаго, непріятнаго чувства. По мѣрѣ усиленія они сознаются все болѣе и болѣе

отчетливо, пока, наконецъ, не овладѣютъ сознаниемъ совершенно. Однако, бывають случаи, когда извѣстныя настроенія или органическіе инстинкты (напр., тоскливое и безпокойное настроеніе, половое влеченіе и т. д.) достигаютъ очень значительной напряженности, продолжая въ то же время, за отсутствіемъ опредѣленнаго, конкретнаго возбудителя, оставаться крайне неясными и смутно сознаваемыми. Но стоитъ только появиться соотвѣствующему возбудителю, и дѣятельность напряженной склонности сразу обнаруживается въ сознаниі цѣлымъ взрывомъ чрезвычайно яркихъ проявленій.

Другой примѣръ. Попавши поздно вечеромъ въ мѣстность, показавшуюся намъ сначала незнакомой, мы очень слабо и неясно воспринимаемъ окружающіе объекты. Но стоитъ только по нѣкоторымъ признакамъ узнать, гдѣ мы находимся, какъ тотчасъ же все окружающее какъ бы проясняется и дѣлается отчетливымъ и понятнымъ. Здѣсь возбудитель все время остается безъ перемѣны, усиленіе же сознательности произошло исключительно благодаря акту узнаванія, зависящему, какъ мы уже видѣли выше, отъ видоизмѣненія нѣкоторыхъ, чисто субъективныхъ сторонъ процесса воспріятія. Такимъ образомъ, интенсивность, напряженность и взаимная связанность психическихъ склонностей и предрасположеній, точно такъ же, какъ интенсивность, содержаніе и конфигурація возбудителей, играютъ одинаково важную роль въ возникновеніи двухъ наиболѣе существенныхъ сторонъ всѣхъ нашихъ сознательныхъ переживаній, а именно: ихъ яркости или интенсивности и установленія между ними извѣстныхъ, опредѣленныхъ соотношеній.

Изъ всего сказаннаго видно, что сознаніе, точно такъ же, какъ и другія, упомянутыя выше функціи, не является какой-то отдѣльной, совершенно обособленной способностью нашего духа, а представляетъ изъ себя только извѣстную сторону или, вѣрнѣе, *совокупность нѣсколькихъ сторонъ* въ дѣятельности нашей нервно-психической организаціи. Дѣятельность этихъ сторонъ, обладая извѣстной самостоятельностью, находится, однако, въ то же время въ связи со всѣми остальными сторонами процессовъ, происходящихъ въ данной организаціи, подчинена извѣстнымъ, вполне опредѣленнымъ условіямъ и по самому существу своему является строго закономѣрной.

Обращаясь теперь къ вопросу о томъ, слѣдуетъ ли считать наши

психическія склонности сознательными или безсознательными, мы напомнимъ прежде всего, что нельзя провести рѣзкой границы между отдѣльными, элементарными наклонностями, съ одной стороны, и ихъ сложными привычными сочетаніями или комплексами—съ другой (см. выше). Между тѣмъ, такъ называемыя сознательныя проявленія представляютъ вѣдь собой, въ сущности, не что иное, какъ повтореніе въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, тѣхъ сложныхъ привычныхъ комплексовъ, которые свойственны данному человѣку. Уже одно это обстоятельство наводитъ на мысль, что едва ли можно всѣ наши психическія склонности назвать безсознательными въ томъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Липпсъ ¹⁾, т.-е. рѣзко, кореннымъ образомъ противопоставить ихъ всѣмъ вообще явленіямъ сознанія.

Выводъ этотъ подтверждается также еще и тѣмъ, что, какъ мы уже видѣли выше, всякая наклонность, не исключая даже и самыхъ отвлеченныхъ, заключаетъ въ себѣ не только субъективные, но и объективные элементы. Всѣ безъ исключенія наклонности приспособлены къ тѣмъ или инымъ возбудителямъ. Эта приспособленность, являющаяся результатомъ прежняго неоднократнаго взаимодействія между наклонностью и извѣстными внѣшними или внутренними раздражителями, можетъ быть рассматриваема какъ своего рода слѣдъ, оставленный внѣшней средой на той или иной сторонѣ нашей нервно-психической организаціи ²⁾. Благодаря наличности этихъ объективныхъ элементовъ въ своемъ составѣ, наклонности могутъ проявляться нерѣдко даже и при отсутствіи соотвѣтствующаго возбудителя. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда наклонность, достигнувшая значительной степени напряженности, способствуетъ возникновенію въ сознаніи интеллектуальнаго образа, который явился бы замѣстителемъ недостающаго внѣшняго раздражителя. Голодный человѣкъ мечтаетъ о пирогахъ и другихъ вкусныхъ яствахъ, трусъ видитъ опасности тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, энергичные люди инстинктивно ищутъ себѣ подходящей

¹⁾ Липпсъ. „Руководство къ психологіи“. Спб. 1907.

²⁾ Само собой разумѣется, что подъ словомъ слѣдъ здѣсь надо понимать не матеріальный отпечатокъ, а (въ соотвѣтствіи съ функциональнымъ характеромъ всей нашей гипотезы) стойкую, длительную перемѣну въ направленіи дѣятельности одной какой-нибудь стороны нервно-психической организаціи.

дѣятельности, и если это имъ не удастся, то нерѣдко искусственно придумываютъ какое-нибудь занятіе, лишь бы только не оставаться въ праздности. Такого рода факты могутъ служить, какъ намъ кажется, также доказательствомъ въ пользу того, что приспособленіе наклонностей къ ихъ возбудителямъ, т.-е. установленіе опредѣленныхъ взаимоотношеній, составляющее одну изъ наиболѣе характерныхъ особенностей сознанія, присуще не только такъ называемымъ сознательнымъ проявленіямъ, но также и психическимъ склонностямъ, лежащимъ въ ихъ основѣ. Другими словами, мы приходимъ къ тому же самому выводу, что не существуетъ кореннаго различія между психическими склонностями и ихъ сознательными проявленіями.

Существующая между ними разница сводится, повидимому, къ слѣдующему. Наша нервно-психическая организація представляетъ собою въ каждый данный моментъ систему непрерывно дѣлящихся процессовъ, большинство которыхъ, однако, достигаетъ лишь очень незначительной интенсивности, въ особенности при отсутствіи соотвѣтствующихъ имъ возбудителей. Благодаря этому, извѣстныя отношенія, всегда существующія между различными сторонами этихъ процессовъ, обнаруживаются, тѣмъ не менѣе, не достаточно отчетливо. Съ усиленіемъ же напряженности отдѣльныхъ наклонностей, а главное—съ появленіемъ внѣшнихъ или внутреннихъ возбудителей, дѣлаются гораздо болѣе отчетливыми тѣ взаимныя отношенія, которыя существуютъ какъ между отдѣльными сторонами одной и той же нервно-психической организаціи (т.-е. психическими склонностями), такъ и между этой организаціей и различными воздѣйствующими на нее внѣшними факторами (внѣшними возбудителями). Въ этихъ именно случаяхъ мы и говоримъ о возникновеніи сознательнаго проявленія той или иной группы наклонностей.

Въ виду всего сказаннаго намъ кажется, что по отношенію къ психическимъ склонностямъ слѣдуетъ говорить не о безсознательности, а лишь о *неопознанности* ихъ¹⁾. Необходимо, однако, имѣть въ виду, что кромѣ того *прямого опознаванія*, о которомъ у

¹⁾ Терминъ заимствованъ нами у Н. О. Лоссаго: „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма“, Спб., 1903 г., гл. III: „Сознаніе и знаніе“. Существенное отличіе нашей точки зрѣнія состоитъ въ томъ, что, согласно нашему взгляду, опознаваніе можетъ происходить (и часто происходитъ) безъ вмѣшательства волевого, сознательно-активнаго начала.

насъ сейчасъ шла рѣчь, возможно также и опознаваніе другого рода, которое можно было бы назвать непрямымъ или *косвеннымъ*. Оно состоитъ въ томъ, что къ извѣстнымъ, довольно смутнымъ склонностямъ и ихъ проявленіямъ присоединяются другіе, болѣе отчетливые элементы, служащіе для первыхъ своего рода пояснительной схемой. Мы имѣемъ въ виду здѣсь главнымъ образомъ то, что можно было бы назвать *интеллектуализаціей аффективныхъ и волевыхъ процессовъ*.

Изъ всѣхъ нашихъ душевныхъ переживаній умственные отличаются наибольшей ясностью, отчетливостью и расчлененностью. Не даромъ они являются для насъ главнымъ средствомъ познанія, т.-е. ориентированія въ той сложной, разнообразной и измѣнчивой средѣ, которая окружаетъ человѣка. Чувства же представляютъ собой, несомнѣнно, самую смутную и неотчетливую часть нашихъ душевныхъ переживаній. Въ виду этого очень часто пользуются интеллектуальными образами для того, чтобы прояснить извѣстное чувство и ближе ознакомиться съ его составомъ. Положимъ, напр., что мои чувства по отношенію къ извѣстному человѣку настолько сложны и неясны, что я самъ не могу отдать себѣ отчета въ томъ, нравится онъ мнѣ или не нравится. Для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мнѣ необходимо перебрать въ памяти и сопоставить отдѣльные его поступки и разговоры, вызывавшіе во мнѣ по отношенію къ нему то или иное чувство; необходимо, далѣе, вспомнить и мои собственныя прежнія отношенія къ этому человѣку, поскольку они обнаруживались въ мысляхъ, разговорахъ и извѣстныхъ дѣйствіяхъ. Всѣ эти воспоминанія или интеллектуальные образы явленій, послужившихъ въ свое время *возбудителями* или *обнаруженіями* отдѣльных моихъ чувствъ по отношенію къ данному человѣку, помогаютъ мнѣ въ настоящій моментъ разобраться въ томъ сложномъ и неясномъ эмоціональномъ комплексѣ, который подлежитъ анализу.

Само собой разумѣется, что подобное косвенное опознаваніе или интеллектуализація аффективныхъ состояній не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ прямымъ опознаваніемъ, о которомъ говорилось выше.

III.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ принимаемая нами эмпирическая гипотеза психическихъ склонностей или способностей,

какъ отдѣльныхъ частей или сторонъ одной общей функциональной системы, именно, нервно-психической организаци. Уже изъ сдѣланнаго краткаго очерка видно, насколько наша точка зрѣнія отличается отъ прежней, метафизической теоріи душевныхъ способностей. Для того, чтобы яснѣе представить отношеніе другъ къ другу этихъ двухъ точекъ зрѣнія, резюмируемъ вкратцѣ какъ сходныя ихъ черты, такъ и существующія между ними различія.

Наиболѣе важнымъ сходствомъ является признаніе, наряду съ такъ называемыми сознательными проявленіями, также и лежащихъ въ основѣ ихъ психическихъ склонностей или предрасположеній. Эти послѣднія рассматриваются какъ нѣчто реальное, дѣйствительно существующее, при чемъ дѣятельность ихъ не ограничивается одними только сознательными проявленіями, но въ скрытомъ, неопознанномъ видѣ продолжается также и въ періоды отсутствія соотвѣтствующихъ имъ сознательныхъ переживаній. Въ отличіе отъ сложныхъ и измѣнчивыхъ проявленій, способности характеризуются значительно большей устойчивостью и элементарностью своего состава.

Это признаніе психическихъ склонностей реально существующими субъективными факторами нашей душевной жизни и было тѣмъ обстоятельствомъ, которое заставило насъ сохранить терминъ «способность», несмотря на всѣ неблагоприятныя побочныя значенія, съ которыми онъ въ настоящее время связанъ. Переходя, однако, къ болѣе подробному описанію того, какимъ образомъ дѣйствуютъ и проявляются отдѣльныя способности, въ какомъ отношеніи находятся онѣ другъ къ другу и т. д., мы встрѣчаемся здѣсь съ цѣлымъ рядомъ весьма существенныхъ пунктовъ, которые кореннымъ образомъ отличаютъ нашу гипотезу отъ прежней метафизической теоріи, дѣлая ее пригодной для цѣлей эмпирическаго, научнаго изслѣдованія.

Прежде всего, способности, даже самыя основныя, отнюдь не представляются для насъ какими-то отдѣльными, совершенно обособленными другъ отъ друга сущностями, не имѣющими между собою ничего общаго. Съ нашей точки зрѣнія совершенно невысказанной представляется персонификація отдѣльныхъ способностей или то превращеніе психологіи въ миѳологию, которое такъ рѣзко и такъ справедливо осуждалъ еще Герbartъ. Способности, даже самыя основныя, предста-

вляются для насъ ничѣмъ инымъ, какъ только сторонами или частями одной общей нервно-психической организаціи даннаго человѣка. Правда, эти части или стороны могутъ проявлять въ своей дѣятельности и въ своемъ развитіи извѣстную независимость другъ отъ друга, чѣмъ и обуславливаются индивидуальныя различія между отдѣльными людьми и временныя или кажущіяся измѣненія личности у одного и того же человѣка. Но эта независимость въ дѣйствіи, какъ бы значительна она ни была, всегда остается все-таки относительной, а не абсолютной. Существуютъ многочисленныя и разнообразныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ законѣрныя связи и взаимоотношенія, которыя, будучи одинаковыми у всѣхъ безъ исключенія людскихъ индивидуумовъ, связываютъ присущія каждой личности индивидуальныя склонности въ одно общее цѣлое.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ прежней теоріи, наши способности, даже наиболѣе общія и отвлеченныя, вовсе не приходится разсматривать непремѣнно какъ нѣчто абсолютно элементарное и неизмѣнное. Напротивъ, мы нисколько не исключаемъ ни возможности эволюціоннаго происхожденія даже самыхъ высшихъ способностей, ни того, что каждая изъ нихъ можетъ оказаться сложнымъ механизмомъ, не поддающимся въ настоящее время психологическому анализу. Наша точка зрѣнія подчеркиваетъ только то обстоятельство, что въ настоящее время у современнаго человѣка нѣкоторыя предрасположенія или способности, наиболѣе элементарныя и основныя, настолько постоянны въ своей дѣятельности и въ своихъ взаимоотношеніяхъ, что проявляются въ нашемъ сознаніи всегда одинаковымъ образомъ, измѣняясь только количественно (по интенсивности), но не качественно.

Вопросъ объ отношеніи душевныхъ способностей къ дѣятельности соотвѣтствующаго физическаго субстрата, т.-е. центральной нервной системы, также получаетъ у насъ совершенно иное освѣщеніе, чѣмъ это было раньше. Въ противоположность прежней теоріи, всѣ безъ исключенія наши способности, какъ низшія, такъ и самыя высшія, находятся въ тѣснѣйшей связи съ дѣятельностью центральной нервной системы. Не входя въ обсужденіе вопроса о природѣ этой связи (такъ какъ вопросъ этотъ уже выходитъ за предѣлы нашего психологическаго изслѣдованія), мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что

точка зрѣнія эмпирическаго параллелизма, проведеннаго какъ можно болѣе послѣдовательно, является въ данномъ случаѣ наиболѣе плодотворной какъ для психологіи, такъ и для фізіологіи нервныхъ центровъ. Достаточно указать хотя бы на то, что самая схема нервно-психической организаціи построена нами въ значительной степени по аналогіи съ общимъ строеніемъ и дѣятельностью центральной нервной системы.

Но наиболѣе важнымъ отличіемъ нашей гипотезы отъ прежней теоріи способностей является, на нашъ взглядъ, то, что мы рассматриваемъ способности не какъ одаренныя производомъ сущности, дѣйствующія или бездѣйствующія каждая по своему усмотрѣнію, а, наоборотъ, какъ систему взаимно-связанныхъ силъ, подчиненныхъ въ своей дѣятельности строго опредѣленнымъ законамъ.

Интересныя соображенія высказываетъ по этому поводу В. Вундтъ, относящійся вполне отрицательно къ старой теоріи способностей и пользующійся всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы показать полную непригодность ея для цѣлей современной научной психологіи. По его мнѣнію ¹⁾, далеко не всѣ возраженія, направленные противъ этой теоріи, слѣдуетъ признать одинаково заслуживающими вниманія. Нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо несостоятельны, такъ какъ ставятъ въ упрекъ теоріи такія ея стороны, которыя свойственны не только ей, но и многимъ естественнымъ наукамъ, достигшимъ высокой степени совершенства. Таково, напр., указаніе на то, что душевныя способности являются не чѣмъ инымъ, какъ простыми возможностями наступленія того или иного психическаго процесса; далѣе, что они представляютъ собой простыя родовыя понятія, выведенныя нами путемъ обобщенія однородныхъ фактовъ, такъ что пользоваться ими для объясненія этихъ самыхъ фактовъ совершенно, будто бы, нецѣлесообразно. Оба эти упрека, по мнѣнію Вундта, одинаково несостоятельны.

„Физическія силы также не существуютъ сами по себѣ, а только въ своихъ проявленіяхъ, которыя мы обозначаемъ, какъ ихъ дѣйствіе; всѣ сплошь фізіологическія способности, какъ питаніе, сократительность, чувствительность и т. д., суть не что иное, какъ „простыя возможности“. Точно также тяжесть, теплота, ассимиляція, репродукція представляютъ изъ себя родовыя понятія, выведенныя нами путемъ обобщенія изъ извѣстнаго числа однород-

1) Grundzüge der physiol. Psychol. 6-te Aufl. 1908, Bd. I, S. 21—23.

ныхъ явленій; эти понятія, подобно родовымъ понятіямъ внутренняго опыта, превращаются затѣмъ нами въ силы или способности, служащія къ объясненію самыхъ фактовъ..... Противъ такого примѣненія понятія силы самъ Гербартъ, въ общемъ, также не имѣлъ ничего возразить“ (стр. 22).

Гораздо болѣе существенными являются, по мнѣнію Вундта, слѣдующія два возраженія, неопровержимо доказывающія полную несостоятельность прежней, метафизической теоріи способностей. Во-первыхъ, теорія эта разсматривала способности не какъ силы, дѣйствующія вполнѣ закономерно и при извѣстныхъ условіяхъ неизбѣжно дающія одни и тѣ же, вполнѣ опредѣленные результаты,—а какъ произвольно дѣйствующія сущности, могущія независимо отъ условій давать тѣ или иныя проявленія. Во-вторыхъ, въ основу каждой отдѣльной группы явленій клали особую сущность, дѣйствующую будто бы независимо какъ отъ внѣшнихъ условій, такъ и отъ другихъ, подобныхъ ей сущностей. Такой взглядъ въ корнѣ противорѣчитъ всему направленію современнаго естествознанія, которое стремится не обособлять отдѣльныя силы, а, напротивъ, связать ихъ въ одну общую, закономерно дѣйствующую систему.

„Такъ, напр., нѣкоторыя силы, различавшіяся старой физиологіей, какъ производящая сила, способность роста, творческая сила и т. д., слѣдуетъ разсматривать какъ проявленія однѣхъ и тѣхъ же силъ, поставленныхъ только въ различныя условія; то же самое признано всѣми относительно новѣйшихъ подраздѣленій, къ которымъ повело ученіе о душевныхъ способностяхъ, именно, относительно различія памяти на слова, числа, пространственные образы и т. д. Точно такимъ же образомъ старая физика объясняла явленія тяжести наличностью нѣсколькихъ силъ: паденіе—силой паденія, наполненіе барометра—„боязнью пустоты“, движенія планетъ—невидимыми руками солнца или картезіанскими вихрями. Если при этомъ еще не считаться съ внѣшними условіями явленій, то легко возникаетъ описанное выше ложное представленіе о способности, поджидающей удобнаго случая для того, чтобы начать дѣйствовать: сила превращается въ мифологическое существо“ (стр. 22—23).

Нетрудно замѣтить, что оба эти возраженія, по существу совершенно справедливыя, не могутъ быть ни въ какомъ отношеніи примѣнены къ выставленной нами гипотезѣ. Наши способности или психическія предрасположенія являются не одаренными произволомъ сущностями, а *силами*, дѣятельность которыхъ строго обусловлена вполнѣ опредѣленными моментами: наличностью или отсутствіемъ внѣшнихъ и внутреннихъ возбудителей, общимъ состояніемъ нервно-психической организаціи и взаимоотношеніями, существующими между отдѣльными

способностями. При этомъ отдѣльныя силы не представляютъ изъ себя чего-то изолированнаго, а, наоборотъ, являются лишь частями или сторонами одной общей, закономѣрно дѣйствующей системы силъ или нервно-психической организаціи.

Намъ кажется, что такой путь представляется наиболѣе цѣлесообразнымъ для построения той *механики духа*, о которой мечталъ еще Гербартъ и элементами которой онъ не вполне удачно выбралъ представленія. Такая психологія, если бы созданіе ея когда-либо осуществилось, могла бы быть названа скорѣе всего *энергетической психологіей*, съ одной только оговоркой: главное вниманіе ея должно быть сосредоточено не столько на вопросѣ о сущности психической энергіи и объ отношеніи ея къ физической (такъ какъ проблема эта по существу вовсе не психологическая), сколько на детальномъ изученіи дѣятельности и проявленій различныхъ психическихъ силъ или способностей съ цѣлью связать ихъ затѣмъ въ одно общее, закономѣрно дѣйствующее цѣлое.

Можно было бы, пожалуй, еще поставить намъ въ упрекъ то обстоятельство, что мы пытаемся построить гипотезу психическихъ способностей, не обосновавши ее предварительно гносеологическимъ путемъ, т.-е. не рѣшивши цѣлаго ряда вопросовъ, вродѣ слѣдующихъ: какъ могутъ существовать способности, не будучи нами опознаны, какъ могутъ дѣйствовать на нихъ внѣшніе и внутренніе возбудители и т. д. Такой упрекъ, однако, представляется намъ неосновательнымъ. Психологія, подобно всѣмъ другимъ опытнымъ наукамъ, имѣетъ право пользоваться извѣстными гипотетическими понятіями, облегчающими ея работу, не справляясь съ тѣмъ, какой видъ получаютъ эти понятія потомъ, при конечной, философской ихъ обработкѣ. Мы признаемъ существованіе психическихъ склонностей или предрасположеній такъ же, какъ химикъ признаетъ существованіе атомовъ. Другими словами, мы производимъ всѣ наши психологическіе анализы и построенія такимъ образомъ, *какъ если бы психическія склонности существовали на самомъ дѣлѣ*, оставляя въ то же время вопросъ о дѣйствительномъ существованіи ихъ совершенно открытымъ. Въ этомъ именно смыслѣ мы и называемъ свою гипотезу чисто эмпирической, т.-е. не исключавшей возможности дальнѣйшаго гносеологическаго или метафизическаго истолкованія ея въ томъ или иномъ направленіи.

А. Лазурскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

В. И. Герье. «Зодчіе и подвижники „Божьяго царства“. Часть I. Блаженный Августинъ». Москва, 1910 г. Ц. 3 р. 50 к. XV+682 с.

В. И. Герье, такъ недавно выпустившій монографію о Францискѣ Ассизскомъ, выступаетъ съ другой капитальной работой, посвященной первому «зодчему» и подвижнику въ рядѣ созидателей средневѣковой теократіи—Августину.

Въ настоящее время нѣтъ надобности доказывать всемірно-историческое значеніе того, кто, по словамъ Шарпантье, произнесъ надгробное слово древнему міру и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное возвѣщеніе міра новаго. Черезъ Августина проходятъ нити античнаго просвѣщенія, передающія его духовной жизни средневѣковой Европы. Въ Августинѣ мы уже съ поразительной яркостью видимъ контрасты двухъ мотивовъ средневѣкового міросозерцанія—теократическаго, сказывающагося въ этихъ невиданныхъ притязаніяхъ церкви на полновластіе въ человѣческомъ общежитіи, и аскетическаго, бѣгущаго соблазновъ міра и повергающаго во прахъ человѣческую душу предъ величіемъ божескаго завѣта. Наконецъ, столь много давшій средневѣковому католицизму онъ не менѣе далъ и реформации, съ ея культомъ личной вѣры, съ ея чувствомъ и догматомъ предопредѣленія, столь противоположными по духу всякой іерократической программѣ. А къ этому надо прибавить неисчерпаемое богатство переживаній, удивительную ихъ яркость, душевные контрасты, которые напоминаютъ свѣтовые контрасты его африканской родины, и рядомъ со всей внутренней полнотой—совершенство внѣшней формы, мало испорченное даже неизбѣж-

ной въ эту эпоху риторикой. Дать характеристику Августина сколько-нибудь адекватную его генію—задача огромной трудности: какъ мало съ ней справился даже величайшій современный представитель нѣмецкой теологической науки Гарнакъ въ III томѣ *Dogmengeschichte*. При всемъ разнообразіи знанія и даже энтузіазмѣ онъ оказался не въ состояніи возсоздать цѣлость духовнаго облика.

А рядомъ съ этимъ столкновеніе конфессіональныхъ разногласій, мотивы истолковать августиновскую традицію *ad maiorem gloriam* своего исповѣданія, своей церкви. Нѣтъ надобности говорить, что ортодоксально-католическая традиція видитъ у Августина только проповѣдника римской теократіи—не даромъ она приписала ему даже не находящуюся у него формулу: *Roma locuta est*; но и у протестантскихъ изслѣдователей весьма обычна не менѣе, быть можетъ, опасная, сознательная и бессознательная, тенденціозность, и ея, намъ кажется, не избѣгъ такой осторожный и внимательный изслѣдователь, какъ Рейтеръ въ своихъ *Augustinische Studien*. Нельзя поэтому не согласиться съ кн. Е. Н. Трубецкимъ, когда онъ, въ введеніи къ своей работѣ о міросозерцаніи Блаженнаго Августина указываетъ на психологическія преимущества въ этой области, которыми пользуется русскій изслѣдователь, долеко стоящій отъ этихъ вѣроисповѣдныхъ споровъ.

Книга В. И. Герье представляетъ чрезвычайно полное изображеніе жизненной дѣятельности Августина. Начавъ съ исторіи его обращенія, опредѣлившаго дальнѣйшее развитіе, авторъ далѣе рассматриваетъ аскетическую сторону въ этомъ развитіи и мѣсто, которое въ немъ заняла пастырская дѣятельность. Отъ Августина-епископа онъ естественно переходитъ къ Августину изобличителю язычества и великому апологету христіанской вѣры, изобличителю и апологету во имя Божьяго царства, во имя теократическо-провиденціальной философіи исторіи. Рядомъ съ борьбой противъ язычества шла борьба противъ ереси—прежде всего противъ донатистовъ, представляющихъ начало религіозно-политическаго партикуляризма, готоваго оспаривать авторитетъ вселенской церкви и единой имперіи и выросшаго въ своеобразныхъ культурныхъ условіяхъ Африки. Въ этой борьбѣ съ донатизмомъ Августинъ былъ приведенъ къ оправданію религіознаго насилія, оправданію, которое играло такую пагубную роль въ

практикѣ средневѣковаго католицизма. Борьба исходила изъ цѣлостнаго религіозно-политическаго міросозерцанья, которымъ опредѣлялись взгляды Августина на церковь вообще, на римскую епископскую кафедру въ особенности, и на государство. Книга заканчивается изложеніемъ эволюціи, которая совершилась у Августина въ пониманіи государства, и сопоставленіемъ теократическаго идеала, даннаго въ *De Civitate Dei* съ теократической программой средневѣковаго папства.

Читатель видитъ, насколько разносторонне здѣсь берется Августинъ. Этой полнотѣ соотвѣтствуетъ и объективность, стремящаяся въ истолкованіи мыслей великаго отца церкви избѣгнуть всякой предвзятости. Такъ, разбирая противоположныя характеристики сочиненій Августина въ переходную эпоху его обращенія, данныя Нуррисономъ и Навилемъ, В. И. Герье устанавливаетъ относительную справедливость обоихъ мнѣній (с. 76 — 77); воспроизводя чрезвычайно важное толкованіе Рейтера знаменитаго мѣста въ *L. XX* с. 8 «*ecclesia et populus est regnum Dei*», онъ приводитъ и сомнѣнія Гарнака, дополняя ихъ своими соображеніями (603—604). При такой объективности міросозерцаніе Августина, конечно, не могло укладываться въ послѣдовательную, лишенную противорѣчій систему, что, напримѣръ, особенно ярко выступаетъ при разборѣ взглядовъ Августина на собственность, семью (с. 117 и т. д.). Однако, В. И. Герье не останавливается передъ этими кажущимися антиноміями; онѣ для него разрѣшаются въ «этическомъ идеализмѣ» (с. 144), кладущемъ такую рѣзкую грань между Августиномъ и людьми, подобными Григорію VII и Иннокентію III (с. 673). Можетъ быть, только въ оцѣнкѣ рокового сочувствія, которое Августинъ высказывалъ религіозному принужденію, чувствуется бессознательное желаніе умалить то, что для современнаго сознанія является наиболѣе отталкивающимъ (гл. X). Здѣсь невольно вспоминаются страницы, посвященныя этой фанатической стихіи Августина у Эйкена (Eucken) въ его «*Lebensanschauung der grossen Denker*». Однако, это стремленіе не переходитъ въ какую бы то ни было апологію, къ которой такъ склонны католическіе авторы. Можетъ быть, положительные элементы во взглядѣ Августина на государство, также какъ и у Рейтера, слишкомъ выдвинуты на счетъ отрицательныхъ, хотя это и соотвѣтствуетъ различію между началомъ и концомъ «*De civitate*

Dei» (с. 664). Намъ кажется, что здѣсь есть болѣе глубокое противорѣчіе, и въ немъ, можетъ быть, отражалась вѣчная противоположность индивидуализма и соборности.

Но это во всякомъ случаѣ оттѣнки въ истолкованіи впечатлѣній, оставляемыхъ жизнью и произведениями Августина; основные контуры его образа даны съ полной убѣдительностью. Надо надѣяться, что эта книга, написанная превосходнымъ въ своей пластичности русскимъ языкомъ, который все рѣже и рѣже встрѣчается въ нашихъ историческихъ сочиненіяхъ, привлечетъ вниманіе всѣхъ интересующихся не только величайшими культурно-историческими проблемами европейскаго средневѣковья, но и вѣчными исканіями человѣческаго духа познать себя и познать Бога.

С. Котляревскій.

Проф. И. А. Сикорекій. «Начатки психологіи». Съ 20 фигурами въ текстѣ. Изд. второе, дополненное. Кіевъ, 1909. Стр. VI+138. Цѣна 1 р. 35 к.

Настоящая книга ставитъ цѣлью сообщить основныя свѣдѣнія по психологіи въ краткой и общедоступной, но строго научной и современной формѣ. Она распадается на одиннадцать главъ. 1-ая глава даетъ историческій очеркъ ученій о душѣ. Здѣсь дается изложеніе взглядовъ на сущность души первобытныхъ людей, Демокрита, Платона и Декарта, говорится о спорѣ между идеалистами и сенсуалистами по вопросу объ апріорности познанія, при чемъ авторъ разрѣшеніе спора видитъ въ эволюціонизмѣ Спенсера; далѣе упоминается объ изслѣдованіи мозга Мейнертомъ и Флексигомъ, и въ заключеніе рассматривается отношеніе между духомъ и тѣломъ. Нужно сознаться, что эта глава вызываетъ массу недоумѣній. Исторіи ученій о душѣ изъ 17 стр. здѣсь, собственно говоря, посвящено лишь первыхъ 4 стр., при чемъ ни слова не говорится объ Аристотелѣ, Августинѣ, Юмѣ, Кантѣ, Вундтѣ и др., а о Декартѣ рассказывается, когда онъ потерялъ мать, какого былъ здоровья, сколько путешествовалъ, и только ровно двѣ фразы (ученіе Платона достигло у Декарта своего предѣльнаго развитія. «Тѣло,—говоритъ Декартъ,—совершенно неодушевленно, духъ совершенно нематериаленъ»), изъ которыхъ первая вызываетъ больше чѣмъ удивленіе, отведены ученію Декарта о душѣ. Непонятно, далѣе, зачѣмъ вводитъ въ «Начатки психологіи» гносеологическую проблему

объ апріорности познанія, и, наконецъ, 'крайне странно изложеніе психофизической проблемы: «вмѣсто исторически-старыхъ и до непримиримости противоположныхъ воззрѣній на вопросъ, установилась единообразная точка зрѣнія на душу, формулированная Гефдингомъ... До Гефдинга все еще стояли другъ противъ друга двѣ философскія школы—матеріалистовъ и спиритуалистовъ». Неужели *установилась* уже монистическая точка зрѣнія, и почему именно Гефдингъ сыгралъ, а не кто-нибудь другой, напр., Фехнеръ или Вундтъ, столь большую, по мнѣнію автора, рѣшающую роль? Непонятно также, почему изъ взгляда Гефдинга, что «душа составляетъ существенную и главную сторону», проф. Сикорскій заключаетъ, что отсюда слѣдуетъ «нѣкоторое возвышеніе матеріи въ рангѣ». Вообще, историческая и философская части книги самыя слабыя.

2-ая глава—психологія животныхъ. Приведу нѣсколько выводовъ изъ нея: если между чувствительной и двигательной клѣтками вставить *клетку памяти* (?), *идѣ хранятся* (?) *впечатлѣнія*, мы будемъ имѣть психическій актъ; пчелы пользуются *только* (?) *обоняніемъ*, *зрѣніемъ* и «*чутьемъ* *направленія*»; «млекопитающія уже обладаютъ способностью помнить полученные впечатлѣнія и не забываютъ ихъ въ теченіе всей (?) своей жизни». Цѣнность такихъ выводовъ явствуетъ сама собой.

3-ья глава трактуетъ о головномъ мозгѣ, являясь какъ бы физиологическими пролегоменами къ 4-ой главѣ—объ умѣ и познаніи. Сперва нѣсколько словъ о распредѣленіи матеріала въ 4-ой главѣ: 1-ый отдѣлъ—*физиологическія* условія воспріятія, 2-ой отдѣлъ—*психо-физиологія* воспріятія, 3-ій отдѣлъ—воспроизведеніе, гдѣ не только почти сплошь физиологія, но даже физика (изъ 3 1/2 стр. на 2-хъ излагаются опыты Майера надъ магнитами), 4-ый отдѣлъ—*психо-физиологія* ассоціаций (вѣрнѣй только физиологія, ибо «ассоціація идей есть частный случай ассоціации нервныхъ актовъ вообще»), и только остальная часть главы можетъ быть отнесена къ психологіи. Итакъ, если считать и 3-ью главу, изъ 46 стр. 32 посвящены физиологіи. Не слишкомъ ли много? Проф. Сикорскій въ предисловіи говоритъ, что онъ стремится связать чисто психическіе факты съ ихъ физиологическими *параллелями*, но что значитъ такое связываніе?—Иллюстрація психическихъ явленій параллельными имъ физиологическими явленіями, но не болѣе: развѣ допустима замѣна разсказа

объ одномъ явленіи разсказомъ о другомъ явленіи, хотя и параллельномъ? А проф. Сикорскій такъ и поступаетъ. Онъ самъ говоритъ о своемъ трудѣ: «обращено вниманіе на то, чтобы современныя *психологическія* теченія нашли свое отраженіе; съ этой цѣлью въ книгу введены *біологическія* и *физиологическія* данныя» ¹⁾. Что за силлогизмъ! Результаты такого писанія не на тему сказались весьма ярко: въ главѣ, озаглавленной «Объ умѣ и познаніи», совершенно или почти совершенно отсутствуютъ психологическое описаніе и психологическій анализъ такихъ психическихъ явленій, какъ воспріятіе пространственнаго міра, виды ассоціацій, апперцепція, творческое воображеніе, логическое мышленіе, психофизическій законъ Вебера-Фехнера.

Остальныя главы говорятъ о чувствѣ, волѣ, инстинктивной и низшей жизни, сознательномъ и безсознательномъ, личности, душѣ ребенка и успѣхахъ психизма. И здѣсь тѣ же недостатки, что въ выше разобранныхъ главахъ. Остановимся немного на разборѣ *психологическихъ* теорій проф. Сикорскаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ: «два и болѣе представленій, связанныхъ ассоціативно между собою, составляютъ мысль» (стр. 73); «сознаніе воли, или чувствованіе въ себѣ воли, есть тонкая практическая задача и достигается только послѣ нѣкотораго нравственнаго опыта и напряженія пронипательности; въ самочувствіи воля соединена съ смутнымъ сознаніемъ въ себѣ энергии не только нравственной, но и физической. У великихъ людей сознаніе воли происходитъ ясно и отчетливо» (далѣ приводится примѣръ Пушкина для подтвержденія послѣдней мысли, и изложеніе конечно); «современные психологи принимаютъ восемь темпераментовъ: свѣтлый, сильный, быстрый; мрачный, сильный, быстрый и т. д.— всего восемь комбинацій» (стр. 127). Первая теорія неясна, но если даже допустить, что подъ терминомъ «мысль» авторъ понималъ сужденіе, то такое опредѣленіе противорѣчитъ современной психологіи, которая и дедуктивно и экспериментально доказала, что сужденіе не равняется простой ассоціаціи; вторая теорія есть просто туманный наборъ словъ (а между тѣмъ, какъ богата психологическая литература изслѣдованіями о волевомъ усилии!); третье утвержденіе противорѣчитъ дѣйствительности (ср., напр., Фулье, Вундтъ, Джемсъ). Въ общемъ, то изъ этой

¹⁾ Курсивъ мой. П. Б.

книги, что относится къ психологіи, кратко, поверхностно, часто напыщенно и туманно и отнюдь не научно.

Итакъ, книга далека отъ поставленной цѣли. Описаніе и анализъ психическихъ явленій почти отсутствуютъ, данныя *современной психологіи* (вопреки утвержденію автора) также отсутствуютъ—нѣтъ использованія Джемса, Вундта, Бэна, Липпса, Эббингауза, Штумпфа и мн. др., и книга свои положенія основываетъ на Спенсерѣ, Сѣченовѣ, Мейнертѣ и отчасти Гефдингѣ; физиологія занимаетъ несоразмѣрно большую часть. Кромѣ того, изложеніе расплывчатое и мѣстами туманное. Въ этихъ недостаткахъ тонутъ положительныя стороны труда: отстаиваніе генетическаго и сравнительнаго методовъ и нѣкоторыя мѣста въ ученіи о чувствѣ. Цѣна книги (1 р. 35 к. за 138 стр.) высокая.

П. Блонскій.

Д-ръ Александръ Пфендеръ. «Введеніе въ психологію». Переводъ съ нѣмецкаго І. А. Давыдова. Спб. 1909. Стр. VII + 368. Ц. 2 рубля.

Историческія условія развитія психологіи—съ одной стороны, и основныя черты ея характера—съ другой, обусловили собою возникновеніе особой научной дисциплины—введенія въ психологію.

Исторія психологіи представляетъ изъ себя картину почти непрерывной борьбы ея съ философіей: она то отстаивала свою полную самостоятельность и независимость отъ послѣдней, то въ настоящее время, увлеченная успѣхомъ этой борьбы, пытается подчинить себѣ всѣ основныя философскія дисциплины. Споръ критицизма и психологизма далеко еще не нашелъ своего окончательнаго разрѣшенія. Самый фактъ этой вѣковой борьбы свидѣтельствуетъ о томъ, что въ той и другой дисциплинѣ имѣются нѣкоторыя общія проблемы, отъ рѣшенія которыхъ не могутъ отказаться ни та, ни другая. Такими спорными проблемами является вопросъ объ отличіи психическаго отъ физическаго, точнѣе—вопросъ о предметѣ психологіи, о психической причинности, о взаимоотношеніи тѣла и души; сюда же должно отнести проблему ощущенія, поскольку послѣдняя въ вопросѣ о происхожденіи ощущеній неизбежно подходитъ къ старому философскому вопросу объ отношеніи дѣйствительности и сознанія. Если обратимся къ современной психологической и фи-

лософской литературѣ, то встрѣтимся здѣсь съ цѣлымъ рядомъ работъ по указаннымъ вопросамъ (Вундтъ, Мюнстербергъ, Махъ, Юг. Паульсенъ и др.), но вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣтимся и съ крайнимъ разнообразіемъ въ ихъ рѣшеніи. Это разнообразіе неизбежно должно было повести къ расколу въ психологіи, къ образованію нѣсколькихъ довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга психологическихъ школъ.

Въ борьбѣ съ философіей психологія должна была не только взять на себя рѣшеніе отмѣченныхъ выше проблемъ, но и прежде всего отстоять свою независимость въ методологическомъ отношеніи. Однако и въ вопросѣ о методахъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же крайнимъ разногласіемъ и съ тѣмъ же расколомъ на школы, что неизбежно, конечно, въ каждой юной наукѣ, пытающейся сдѣлаться самостоятельной научной дисциплиной.

Такимъ образомъ, въ современной психологіи можно различить нѣсколько существенно различающихся между собою психологическихъ школъ, которыя могутъ быть классифицированы съ трехъ точекъ зрѣнія: по предмету (сенсуалистическая и функціональная психологія), по задачамъ (описательная и объяснительная психологія съ ея различными развѣтвленіями) и по методамъ (психологія чистаго самонаблюденія, объективная, экспериментальная и психологія систематическаго экспериментальнаго самонаблюденія). Само собою понятно, что такое разнообразіе психологическихъ школъ должно подавляющимъ образомъ дѣйствовать на приступающихъ къ изученію психологіи. Необходимость такого руководства, которое дало бы возможность всякому новичку разобраться во всѣхъ направленіяхъ современной психологіи, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію.

Но необходимость введенія въ психологію обусловливается и другими причинами. Позднее возникновеніе психологіи, какъ самостоятельной научной дисциплины—съ одной стороны, рано пробудившееся сознание практической важности ознакомленія съ человѣческой психикой—съ другой, повели къ тому, что уже рано некритическое мышленіе наивнаго человѣка начало накапливать обыденныя знанія о психическихъ переживаніяхъ. Сильное вліяніе оказали на эти знанія какъ наивное дуалистическое міросозерцаніе некритической мысли, такъ впоследствии и метафизическая рациональная психологія. Эти часто лишеныя научной цѣнности психологическія знанія, которыми

человѣкъ довольствовался и довольствуется въ своей обыденной жизни, запечатлѣлись въ его рѣчи и сдѣлались его прочнымъ достояніемъ. Отсюда психологія съ самаго начала должна была вступить въ борьбу не только съ философіей за свою независимость отъ нея, но и съ «психологическими предразсудками», съ некритическими знаніями наивнаго человѣка. Отсюда становится понятной высокая цѣнность для начинающихъ введенія въ психологію, ставящаго своей задачей вскрыть всѣ эти «предразсудки», которые связаны съ психологическими терминами въ обыденной рѣчи, дать предварительное, конечно, краткое, но вполне научное опредѣленіе основныхъ психологическихъ понятій. Не менѣе важно въ этомъ отношеніи опредѣленіе основного характера психологіи, какъ науки, уясненія ея задачъ и конечныхъ цѣлей въ виду господствующаго въ широкой публикѣ смѣшенія психологіи по ея конечнымъ цѣлямъ съ практическимъ знаніемъ обыденнаго мышленія. Отъ психологіи ожидаютъ тѣхъ же утилитарно-практическихъ результатовъ, какъ и отъ практическаго знанія людей, и глубоко разочаровываются, встрѣчая въ ней чистую, а не прикладную дисциплину, далекую отъ всякихъ стремленій утилитарнаго характера ¹⁾. Задачу введенія составляютъ уясненіе какъ этого характера психологіи, такъ и ея конечныхъ цѣлей и задачъ.

Такимъ образомъ, введеніе въ психологію, давая возможность ориентироваться въ существующихъ психологическихъ школахъ, разъясняя основныя психологическія понятія и устраняя изъ нихъ все, внесенное сюда некритическимъ мышленіемъ наивнаго человѣка, указывая основной характеръ и конечныя задачи науки, имѣетъ существенное значеніе для всѣхъ изучающихъ психологію.

Курсы введенія могутъ преслѣдовать двоякаго рода цѣли: они могутъ прежде всего имѣть элементарный характеръ, ставя своей задачей не ориентировать читателя въ современныхъ психологическихъ школахъ, въ громадной психологической литературѣ, а

¹⁾ Только въ самое послѣднее время отъ теоретической психологіи начали отвѣтвляться прикладныя дисциплины (дифференціанальная психологія, педагогическая психологія), которыя однако должны стоять въ полной зависимости отъ чистой психологіи. См. по этому вопросу статью Вундта: „Ueber reine und angewandte Psychologie“. Psychologische Studien, 1909 В. V, Н. 1—2.

знакомить положительнымъ путемъ съ предметомъ, задачами и методами психологіи, съ основными психологическими понятіями и законами, вводя такимъ образомъ въ изученіе не психологіи вообще, а опредѣленной психологической школы. Но задача введенія можетъ быть и болѣе широкая,—не простая элементарная подготовка начинающихъ, а научно-критическое ориентированіе въ основныхъ проблемахъ современной психологіи и въ главнѣйшихъ направленіяхъ въ рѣшеніи этихъ проблемъ. Рецензируемая работа Пфэндера относится къ первой категоріи курсовъ по введенію. Читатель напрасно сталъ бы искать здѣсь классификаціи психологическихъ школъ, критики различныхъ рѣшеній основныхъ психологическихъ проблемъ, библиографическаго указателя. Самъ авторъ называетъ свою работу «положительнымъ» введеніемъ (стр. 5) и съ самаго начала предупреждаетъ, что не будетъ знакомить съ существующими психологическими теоріями. «Чего ради,—пишетъ онъ,—прививать заблужденія, отъ которыхъ затѣмъ такъ трудно отдѣлаться?» (стр. 5). Новичку въ психологіи должны быть сообщены только положительныя свѣдѣнія, которыя являются неоспоримыми данными современной науки. Авторъ, разумѣется, свою точку зрѣнія считаетъ такимъ неоспоримымъ положительнымъ выводомъ современной науки. Правда, этотъ принципъ не выдерживается до конца, и Пфэндеръ въ силу методологическихъ соображеній вынужденъ постоянно приводить и «заблужденія» съ цѣлью путемъ критическаго разбора ихъ лучше выяснитъ свои собственные, «положительные» взгляды. Такъ, онъ критикуетъ теорію параллелизма (стр. 67—97), разбираетъ теорію физическихъ чувствованій (208), теорію воли Мюнстерберга (217) и Вундта (222), физиологическое опредѣленіе ощущеній Юдли и Кюльпе (262), сенсуалистическія и другія опредѣленія нашего Я (326) и, наконецъ, существующія теоріи сознанія и самосознанія (335 и др.). Однако, приводя всѣ эти теоріи, онъ не указываетъ, кому онѣ принадлежатъ, гдѣ изложены и каковы тѣ основанія, на которыхъ онѣ базируются. Самый выборъ этихъ теорій носитъ случайный характеръ, а ихъ положенія въ силу краткости иногда односторонни. Да это и понятно: авторъ приводитъ ихъ не систематически, а лишь постольку, поскольку онѣ необходимы для уясненія его собственныхъ взглядовъ.

Пфэндеръ, какъ психологъ, является ученикомъ Т. Липса и

принадлежитъ къ мюнхенской психологической школѣ. Одною изъ отличительныхъ особенностей этой школы является ученіе о чистомъ самонаблюденіи, какъ основномъ психологическомъ методѣ. Единственнымъ источникомъ психологическихъ знаній здѣсь считается самонаблюденіе, методомъ психологическихъ работъ—внутренній анализъ переживаній, протекающихъ въ сознаніи психолога; при чемъ вспомогательнымъ средствомъ для анализа является сопоставленіе изучаемаго переживанія со всѣмъ тѣмъ, что можетъ быть такъ или иначе приведено съ нимъ въ связь. Таковъ же и методъ психологическихъ работъ Пфэндера. Здѣсь не отрицается и экспериментъ, но ему отводится второстепенное, побочное значеніе. Другая отличительная особенность этой школы—отстаиваніе самостоятельнаго значенія чувства и воли, какъ основныхъ психическихъ переживаній, несводимыхъ на другіе психическіе процессы,—и стремленіе выдѣлить въ ощущеніяхъ и представленіяхъ чисто психологическую сторону ихъ въ отличіе отъ ихъ предметной стороны, изслѣдуемой естественными науками.

Таковы основныя точки зрѣнія, на которыхъ стоитъ Пфэндеръ въ своемъ «Введеніи въ психологію». Перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію рецензируемой работы. Первая часть «Введенія» посвящена вопросамъ о предметѣ, задачѣ и методахъ психологіи. Пфэндеръ исходитъ здѣсь изъ анализа практическаго знанія людей, какъ того начальнаго матеріала, съ котораго должно начинаться построеніе психологіи. Правда, онъ считаетъ необходимымъ критическое отношеніе къ этому матеріалу, но тѣмъ не менѣе всѣ тѣ человѣческія предпосылки, которыми съ начала до конца проникнуто все практическое знаніе человѣческой психики, неизбѣжно должно было перейти и въ его психологію. И дѣйствительно, уже съ самаго начала мы встрѣчаемся здѣсь и съ дуализмомъ тѣла и души, и съ теоріей ихъ причиннаго взаимодействія. Пфэндеръ не считаетъ нужнымъ знакомить съ существующими опредѣленіями психическаго, поскольку, съ его точки зрѣнія, они основаны на гносеологическихъ предпосылкахъ; онъ останавливается на томъ разграниченіи физическаго и психическаго, какое дано въ практическомъ знаніи людей, какъ необходимая предпосылка самаго соціальнаго общенія ихъ. Онъ какъ бы не замѣчаетъ, что это опредѣленіе психическаго далеко не свободно отъ гносеологи-

ческихъ предпосылокъ. Еще болѣе не свободна отъ нихъ теорія причиннаго взаимодействія тѣла и души. Главный упрекъ, который дѣлаетъ Пфэндеръ параллелизму, это—метафизичность его предпосылокъ (стр. 88); но онъ упускаетъ изъ виду, что параллелизмъ въ психологіи Вундта, напр., имѣетъ чисто методологическое значеніе; онъ введенъ здѣсь именно съ цѣлью избѣгать всякихъ метафизическихъ предпосылокъ. Теорія параллелизма утверждаетъ только, что физическіе и психическіе процессы связаны между собой, но она не входитъ въ опредѣленіе характера этой связи, не рѣшаетъ вопроса о томъ, является ли эта связь результатомъ причиннаго взаимодействія, или результатомъ субстанціального единства физическаго и психическаго въ духѣ метафизики Спинозы или Фехнера.

Недостаточно выясненъ у автора и вопросъ о задачахъ психологіи. Психологія,—говоритъ онъ,—«должна дать вѣрную картину дѣйствительнаго качества психической дѣйствительности». Авторъ не только не ставитъ здѣсь вопроса о томъ, возможно ли уясненіе условій и закономѣрности психической жизни, что отрицается нѣкоторыми современными психологами (Dilthey), но не указываетъ и того, какимъ путемъ возможно такое уясненіе. Онъ не говоритъ здѣсь ни о психофизическомъ матеріализмѣ, замѣняющемъ объясненіе психическихъ переживаній объясненіемъ соответствующихъ физиологическихъ процессовъ, ни о попыткѣ Вундта объяснять психическія переживанія только изъ психическихъ факторовъ ¹⁾.

Болѣе подробно изложена Пфэндеромъ методологическая проблема. Мы видѣли уже, что съ его точки зрѣнія самонаблюденіе и анализъ на почвѣ самонаблюденія есть основной психологическій методъ. Онъ не отрицаетъ и значенія эксперимента, не только понимаемаго въ широкомъ смыслѣ слова, какъ мысленнаго эксперимента (стр. 119—120), но и въ смыслѣ экспериментальной психологической школы, однако отводитъ ему побочное значеніе, какъ одной изъ разновидностей самонаблюденія (528 стр.). Онъ не говоритъ поэтому ни о видахъ экспериментальныхъ методовъ, ни о значеніи ихъ для психологическаго анализа, не даетъ понятія психическаго измѣренія и психической единицы. На ряду съ экспериментомъ здѣсь дана

1) Wundt, Die psychische Kausalität. Philos. Stud. 13.

обстоятельная характеристика такъ называемыхъ объективныхъ психологическихъ методовъ,—метода выраженія и сравнительно генетическаго метода. Въ ихъ основѣ, съ точки зрѣнія Пфэндера, необходимо лежитъ самонаблюденіе, въ отношеніи къ которому они, подобно эксперименту, составляютъ только его разновидности (стр. 106, 115, 124—127, 133 и др.). Эти отдѣлы должны быть особенно интересны для русскаго читателя въ виду многочисленныхъ попытокъ у насъ построенія психологіи строго объективнымъ путемъ («Объективная психологія» Бехтерева, «Всеобщая психологія» Сижорскаго).

Вторая часть «Введенія въ психологію» посвящена общей характеристикѣ психической жизни, болѣе полному опредѣленію основныхъ психологическихъ понятій и уясненію основныхъ законовъ психической жизни. Наиболѣе интереснымъ и вмѣстѣ наиболѣе спорнымъ пунктомъ здѣсь является классификація психическихъ переживаній. Оставаясь на своей основной точкѣ зрѣнія, что психологія должна исходить изъ обыденнаго практическаго знанія людей, авторъ съ самаго же начала заявляетъ, что въ психологіи не можетъ быть матеріальныхъ открытій, т.-е. открытій новыхъ психическихъ переживаній, что психологъ долженъ имѣть дѣло со всѣми тѣми переживаніями, которыя извѣстны и обыденному опыту наивнаго наблюдателя. Авторъ какъ бы забываетъ цѣлую психологическую школу, которую можно назвать вюрцбургской, или школой функціональной психологіи—въ отличіе отъ сенсуалистической, и которая вскрываетъ цѣлый рядъ новыхъ переживаній, ускользавшихъ отъ повседневнаго наблюденія. Эти вновь открытыя переживанія, совершенно противоположныя по своему характеру конкретнымъ переживаніямъ (ощущеніямъ и представленіямъ), называются функціональными (по терминологіи Штумпфа) или интенціональными актами (по терминологіи вюрцбургцевъ). Ихъ экспериментальное констатированіе существенно измѣнило и классификацію психическихъ переживаній. На мѣсто стараго дѣленія на процессы познавательные, чувствовательные и волевые, котораго придерживается и Пфэндеръ, теперь дается и новая классификація. Всѣ переживанія распредѣляются на двѣ группы: на 1. конкретныя и 2. интенціональныя переживанія; эти группы въ свою очередь распадаются: первая на а) ощущенія и б) представленія, вторая—на а) интеллектуальныя (познавательныя про-

цессы) и в) не интеллектуальныя (α—чувство и β воля) переживанія. Эта классификація устраняетъ то смѣшеніе ощущеній и представленій съ познавательными актами, которое подъ вліяніемъ интеллектуализма господствовало въ старой психологіи и которое мы опять встрѣчаемъ въ разсматриваемой работѣ Пфэндера (стр. 186, 190, 210, 217, 253 и др.). Въ группу познавательныхъ переживаній, кромѣ ощущеній и представленій, существенно различаемыхъ между собой (стр. 273), Пфэндеръ относитъ а) воспоминанія, б) воспріятія и с) акты сужденія, при чемъ не указываетъ существенной разницы между представленіями—съ одной стороны, и продуктами воспоминанія и фантазіи—съ другой. Изъ даннаго здѣсь анализа воспріятій (стр. 300 и далѣе) видно, что авторъ всѣ виды психическихъ связей сводитъ къ ассоціаціи. Впрочемъ, онъ совершенно не затрагиваетъ вопроса о видахъ психическихъ соединеній, не уясняетъ даже смысла часто встрѣчающагося у него термина «вчувствованіе» (Einführung), (стр. 125, 136, 137, 150 и мн. др.), введеннаго въ психологію Т. Липпсомъ и имѣющаго въ ней существенное значеніе. Этотъ актъ «вчувствованія» понимается имъ, повидимому, въ смыслѣ П. Штерна, давно уже оспариваемаго въ современной психологіи. Всѣ перечисленные виды познавательныхъ процессовъ образуютъ, по Пфэндеру, одну группу, группу предметнаго сознанія. Ихъ анализъ ведетъ къ разграниченію предметовъ предметнаго сознанія, образующихъ физическій міръ, и собственно психическихъ актовъ, обусловливающихъ собою возникновеніе въ сознаніи соответствующихъ имъ предметовъ, это—акты ощущенія, представленія, воспріятія. Въ этомъ анализѣ Пфэндеръ стоитъ на точкѣ зрѣнія Brentano, подвергнутой критикѣ Husserl'емъ и давно уже замѣненной болѣе глубокимъ анализомъ у Т. Липпса.

Сжато, но вмѣстѣ научно, съ критикой нѣкоторыхъ теорій излагаетъ Пфэндеръ опредѣленіе воли и чувствованія, уясняетъ понятія сознанія, самосознанія и Я. Авторъ стоитъ здѣсь на точкѣ зрѣнія такъ называемой психологіи личности (Ichpsychologie) и отрицательно относится къ психологіи процессовъ (Vorgangpsychologie).

Послѣдняя глава заключаетъ въ себѣ уясненіе основныхъ психологическихъ законовъ. Въ этой главѣ изложены наиболѣе оригинальныя мысли Пфэндера. Всѣ законы онъ раздѣляетъ

на три группы: законы, опредѣляющіе 1) содержаніе сознанія (ассоціація), 2) его объемъ и 3) форму (законъ вниманія и рельефъ фиксаціи вниманіемъ). Эти законы опредѣляютъ активную сторону психики; ея пассивная сторона опредѣляется законами подражанія и привычки.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ отмѣтить, что рецензируемое нами сочиненіе, хотя и не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія необходимо предъявить даже къ элементарному курсу, тѣмъ не менѣе должно быть привѣтствуемо, какъ почти единственная популярная книга на русскомъ языкѣ по введенію въ психологію.

И. Четвериновъ.

Dimitri Michaltshew. «Philosophische Studien». Beiträge zur Kritik des modernen Psychologismus. Mit einem Vorwort von Prof. Dr. Rehmke. Leipzig. Verlag von Wilhelm Engelmann. 1909, стр. XV+575.

Книга Михалчева имѣетъ симптоматическое значеніе. Хотя она и ставитъ своей главной задачей подготовку въ другой работѣ автора, не появившейся еще въ печати—этикѣ, но по самой сущности этой задачи должна, главнымъ образомъ, сосредоточиться на критикѣ психологизма. Авторъ является, какъ въ этикѣ, такъ и въ философіи вообще противникомъ теоріи «общезначимости» (Allgemeingültigkeit). Для него нѣтъ въ сферѣ нравственности ничего абсолютно обязательнаго. Чтобы дать этому своему мнѣнію твердое основаніе, онъ находитъ необходимымъ изслѣдовать понятіе общезначимости вообще, какъ оно нынѣ развито въ ученіяхъ такъ называемаго «телеологическаго критицизма». Симптоматично въ этомъ то, что за скобку психологизма, такимъ образомъ, ставится теченіе, заявляющее себя съ первыхъ же шаговъ принципиальнымъ противникомъ его. Это позволяетъ думать, что психологизмъ гораздо глубже коренится въ философской мысли, чѣмъ то думаютъ многіе, это позволяетъ предвидѣть, что проблема психологизма скоро станетъ боевой проблемой всей философіи. Въ этомъ ея симптоматическое значеніе. Въ этомъ же, мы скажемъ, заключается и ея значеніе вообще. Ибо та критика, которую даетъ она, хотя въ общемъ и правильна, но проведена слишкомъ разбросанно, нервно, несистематично, а то ученіе, которое выдвигается авторомъ, какъ противовѣсь психологизму его противниковъ, врядъ

ли не болѣе еще психологично, чѣмъ они сами. Это лишаетъ книгу иного значенія, кромѣ выше отмѣченнаго. Какъ самостоятельное цѣлое, она значительно выиграла бы, если бы авторъ сократилъ ее впятеро и впятеро же уточнилъ мысль свою и свои формулировки. Считаюсь съ этимъ, мы постараемся возможно яснѣе формулировать и критику, и положительные взгляды автора и дать имъ возможно болѣе ясную оцѣнку.

1. Теорія, выдвигающая абсолютность общезначимости (моральную ли только или не ее одну—это безразлично) опирается на дуализмъ сущаго и должнаго, даннаго и заданнаго, въ этомъ она принципиально согласна съ докантовскимъ догматизмомъ. Она является только перифразой этого догматизма, его передѣлкой: на мѣсто «отображенія» дѣйствительно существующаго она ставитъ «постиженіе» общезначимаго. По отношенію къ данному, къ сознаваемому (*Bewusstseienes*) эта общезначимость трансцендентна. Она является истиннымъ предметомъ познанія, на который это послѣднее направлено. Вотъ догматическая предпосылка телеологическаго критицизма, ничѣмъ его по существу не отличающая отъ докантовской догматики. Въ основаніи этой послѣдней лежалъ дуализмъ мышленія и бытія. Этотъ дуализмъ является характернымъ признакомъ психологизма, ибо только психологъ исходитъ изъ противоположности души и внѣшняго міра; для философа это не можетъ служить исходнымъ пунктомъ; кромѣ того, такой исходный пунктъ, весьма удобный для психолога, неизбѣжно долженъ привести философа къ солипсизму, какъ то показываютъ наглядно примѣры Декарта, Беркли и Юма; солипсизмъ же являетъ собою совершенно открытый психологизмъ (стр. 23—47). Чтобы быть свободной отъ психологизма, философія должна искать иного отправнаго пункта. А такъ какъ телеологическій критицизмъ беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ ту же догму, то и онъ повиненъ въ психологизмъ не менѣе своего противника (14—22, 48—56). Ту же догматически-дуалистическую предпосылку дѣлаетъ направленіе Больцано—Гуссерля—Эвальда, формулируя ее только какъ противоположность между идеальнымъ и реальнымъ (51—98, 519—535), направленіе Мейнонга, сознательно рассматривающее взаимоотношеніе между познающимъ и познаваемымъ, т.-е. дѣйствительнымъ, какъ чудо (79 сл), а равно и направленіе Шуппе, который, хотя и проповѣдуетъ чистую имманентность, сохраняетъ

въ ея сферѣ дуализмъ сознанія и бытія (53 с., 62 с.); наконецъ, эмпириокритицизмъ, устремляясь противъ догматическаго противопоставленія мысли и бытія, стремится разрѣшить всѣ проблемы на почвѣ физиологической психологіи, формулированной въ философскихъ терминахъ, и, такимъ образомъ, впадаетъ уже въ непосредственный релятивистическій психологизмъ (147 с., 174—178 с.). Этотъ аргументъ противъ телеологическаго критицизма и направленій ему родственныхъ, на нашъ взглядъ, вполне правиленъ. Жаль только, что авторъ не постарался обосновать его непосредственнымъ и скрупулезнымъ анализомъ тѣхъ выкладокъ Риккерта и другихъ, которыми они были приведены къ своему догматическому исходному пункту. Такой анализъ наглядно бы показалъ невозможность перескочить въ сферу трансцендентнаго. Затѣмъ, недостаточно формулировать сущность психологизма исторически, какъ усвоеніе исходнаго пункта психологіи, которое исторически привело къ солипсизму. Необходимо систематическимъ анализомъ показать, что исходъ изъ дуализма мышленія и бытія или познанія и «предмета познанія» и т. д. заключаетъ въ себѣ по существу сведеніе бытія на мышленіе, что дуализмъ мышленія и бытія неизбежно выставляетъ бытіе въ свѣтѣ мышленія, болѣе того необходимо показать, что, взявъ за одинъ изъ моментовъ этого дуализма—мышленіе, уже нѣтъ возможности достигъ въ дѣйствительности, а не словесно, другого его момента.

2. Чтобы избѣжать докантовскаго дуализма и, тѣмъ не менѣе, сохранить за собой дуализмъ познанія и его предмета, Риккертъ выдвигаетъ особое понятіе сознанія. Въ противоположность всему данному, всему сущему, всему дѣйствительному, всякому объекту, сознаніе должно означать собою абсолютный субъектъ. Тогда докантовское догматическое бытіе превратится въ имманентность и откроется возможность признать за предметъ познанія, за истину, общезначимость. Будь это сознаніе и въ такой ситуациі психическимъ или индивидуальнымъ, все бытіе, все данное, какъ его содержаніе, стало бы тоже психическимъ, а это—солипсизмъ; потому, сознаніе, какъ субъектъ *κατ'ἑαυτὸν*, не есть психическое сознаніе; оно есть сознаніе вообще, сверхъ-индивидуальный субъектъ, пограничное понятіе, которое не можетъ быть содержаніемъ, не можетъ быть дано. Оно не можетъ быть имѣемо, такъ какъ всякое имѣніе подразумѣваетъ его

Однако, такой взглядъ на сознание превращаетъ его въ пустое слово. Ибо, если оно никакъ не дано, никакъ не можетъ быть «имѣемо», то о немъ и говорить нельзя. Быть границей, «пограничнымъ» понятіемъ, оно могло бы въ томъ случаѣ, если бы оно дѣйствительно разграничивало между собой двѣ сферы. Между тѣмъ, какъ таковое, оно знаетъ только одну сферу: сферу бытія-объекта (208 и сл.). Риккертъ утверждаетъ, что не о самомъ сознаниіи идетъ рѣчь въ философіи, а объ его понятіи; но вѣдь это сущности дѣла не мѣняетъ, ибо вопросъ о томъ, что же оно такое само по себѣ, только отодвигается (225 и сл.): сознание или какъ-либо дано или вовсе не дано; въ первомъ случаѣ оно не можетъ быть Риккертскимъ сознаниемъ вообще, во второмъ случаѣ оно—пустое слово. Въ основаніи этого Риккертскаго концепта лежитъ ложный психологическій взглядъ, будто сознание не можетъ «имѣть» само себя. А это происходитъ потому, что Риккертъ вообще не дѣлаетъ различій въ значеніи «имѣть». Сознание, во-первыхъ, имѣетъ свои состоянія, которыя его составляютъ; во-вторыхъ, оно имѣетъ все данное, которое сознается, но самого сознаниія не составляетъ. Въ этомъ второмъ смыслѣ «имѣніе» сознаниемъ самого себя не представляетъ никакой невозможности. Все сводится здѣсь къ имѣнію этого рода, а оно непосредственный фактъ. На этомъ неразличеніи въ значеніи имѣнія зиждется и боязнь солипсизма. Ибо только въ томъ случаѣ, если все имѣемое принадлежитъ къ сознанию, есть возможность такого субъективизма. Если же имѣемое просто имѣется, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что надобно какое-то *asilum* въ лицѣ сознаниія вообще (179—227, 292—315). Этотъ аргументъ тоже имѣетъ силу противъ Риккерта: сознание вообще, какъ таковое, есть конструкція, лишенная всякаго содержанія; она придумана для спасенія трансцендентнаго, отвергнутаго въ его обычной формѣ. Но для того, чтобы это показать, слѣдовало бы просто-напросто проанализировать тотъ путь, по которому Риккертъ къ нему приходитъ¹⁾: психологизмъ этой конструкціи и ея родственность докантовскому дуализму сразу же бы стали ясны. Авторъ же впутываетъ сюда свой собственный взглядъ на сознание и данность (о чемъ

1) Какъ мы это сдѣлали въ нашей статьѣ: Къ критикѣ теоріи познаниія Г. Риккерта см. „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 93.

ниже), а главное, совсѣмъ несправедливо обвиняетъ Риккерта въ неразличеніи двухъ значеній «имѣнія». Ибо данное для Риккерта «принадлежитъ» не къ индивидуальному сознанию, а къ сознанию вообще; для индивидуальнаго сознания оно есть его *не* «индивидуальное содержаніе. Имманентной же философией Риккерть не удовлетворяется не изъ боязни солипсизма, а потому, что изначала предполагаетъ наличность предмета сознанія.

3. Въ связи съ противопоставленіемъ даннаго и заданнаго, Риккерть развиваетъ свое ученіе о понятіи: понятіе противопоставляется имъ дѣйствительности—данному. При этомъ, чтобы избѣжать платонизма—съ одной стороны, номинализма—съ другой, онъ разсматриваетъ понятіе, какъ нѣчто значимое по отношенію къ дѣйствительному: общее не существуетъ ни само по себѣ, какъ данность, ни является только словесной формой; оно имѣетъ значимость по отношенію къ дѣйствительному и выражается въ сѣти сужденій или цикловъ сужденій о дѣйствительности, въ образованіи понятій, стремящемся все болѣе и болѣе имѣть значимость для дѣйствительности. Однако, Риккерть только мнимо освобождается отъ номинализма (251). Эта мнимость создается, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ не различаетъ между однократнымъ и отдѣльнымъ существомъ. Только послѣднее дѣйствительно; будучи же таковымъ, оно уже заключаетъ въ себѣ понятія и общности. Во-вторыхъ, онъ говоритъ объ образованіи понятій изъ значеній словъ, подразумѣвая здѣсь выработку общаго изъ однократностей; тогда какъ такое образованіе, въ сущности, есть всего лишь болѣе или менѣе удачная формулировка того общаго, которое дано уже и въ дѣйствительномъ: операція съ выраженіями (Sätze), не съ сужденіями (Urtheile); въ-третьихъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ о сущности понятія, Риккерть отвѣчаетъ на вопросъ о томъ, какъ должно быть мыслимо логически совершенное понятіе: въ кругъ сужденія вводится значимость законовъ по отношенію къ дѣйствительности. Какъ будто бы логически они уже не находятся въ ней! Значимое и не заключающееся въ дѣйствительномъ данномъ есть только выраженіе, формулировка общаго, а не оно само. «Если подъ номинализмомъ понимать ученіе, говоритъ въ заключеніе авторъ (286), согласно которому въ данномъ нѣтъ ничего общаго, то критицисты несомнѣнно номиналисты» (228.—291). И этотъ аргументъ въ корнѣ имѣетъ истину: про-

тивопоставленіе понятія и даннаго есть дуализмъ психологистической. Въ немъ повторяется основная догма Риккерта: направленность познанія (сужденія) на что-то внѣ. Однако, въ деталяхъ аргументировка автора несправедлива. Риккертъ дѣлаетъ различіе между однократностью и отдѣльнымъ существомъ-вещью, ибо дѣйствительность для него, какъ и для автора, есть вещь (лучше комплексъ вещей), а однократность—лишь одинъ изъ моментовъ ея. Въдѣ проблема объективной дѣйствительности разсматривается Риккертомъ рядомъ съ проблемой данности. Что касается обвиненія Риккерта въ номинализмѣ, то оно всецѣло основывается на томъ произвольномъ пониманіи номинализма, которое звучитъ въ вышеприведенной цитатѣ. Не Риккертъ, а авторъ номиналистъ, такъ какъ онъ отводитъ въ удѣлъ наукѣ всего лишь формулировку даннаго (243). Это логически психологистично, такъ какъ наука есть логическое образованіе. Это психологически ложно, такъ какъ психологія мышленія и изслѣдованія съ ясностью показываетъ, что мышленіе состоитъ въ образованіи общностей изъ частности согласно руководящимъ принципамъ. Наконецъ, третій подъ-аргументъ грѣшитъ тѣмъ же и основывается всецѣло на мнѣніи автора, что общее (будь оно значимость—это безразлично) есть само дѣйствительное, данное (о чемъ ниже). Такимъ образомъ, и этотъ аргументъ нужно было строить иначе: лучше всего было бы логически и психологически показать несостоятельность Риккертовскаго дуализма, взявъ сначала за исходный пунктъ науку, а затѣмъ научное мышленіе. Авторъ этого не дѣлаетъ.

4. Въ основаніи телеологическаго критицизма лежитъ особая теорія сужденія. Она разсматриваетъ сужденіе, какъ утвержденіе истины; какъ психическій процессъ, сужденіе не интересуется логическую теорію; для нея важность представляетъ только его смыслъ: сужденіе, какъ смыслъ, т.-е. познаніе, какъ признаніе истины. Всякое познаніе есть отвѣтъ на вопросъ, т.-е. признаніе или отрицаніе, претензія на истину, объективность, общезначимость. Въ этомъ своемъ значеніи познаніе опредѣляется чувствомъ психологически, логически же означаетъ необходимость признанія; въ этомъ своемъ значеніи познаніе служитъ мостикомъ къ трансцендентному—истинѣ. Признавая истину, познаніе формулируетъ дѣйствительность—данность. Эта теорія сужденія невѣрна, во-первыхъ, потому что она вмѣсто вопроса о сущности

сужденія рѣшаетъ вопросъ объ его объективности, т.-е. догматически полагаетъ эту сущность въ этой объективности (320, 363). Во-вторыхъ, сущность познанія не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ или отрицаніемъ. Сужденіе не фраза (Satz): сужденіе есть опознаніе даннаго. И такъ наз. отрицательное сужденіе есть въ сущности не что иное, какъ такое же опознаніе (337—360, 380 сл.). Въ-третьихъ, чувство не имѣетъ принципиальнаго значенія въ познаніи. Въ-четвертыхъ, объективность и общезначимость выражаются не въ трансцендентности, а въ томъ, что дѣйствительное дано, какъ независимое отъ насъ, его имѣющихъ (357—380, 535—558). И, наконецъ, въ-пятыхъ, къ трансцендентности нельзя проложить никакого мостика, хотя бы и путемъ сужденія, какъ признанія истины, что имѣетъ значеніе и по отношенію къ ученію телеологическаго критицизма и по отношенію къ ученію Больцано-Гуссерля (392—411, 519—535). Въ правильности этого аргумента врядъ ли кто станетъ сомнѣваться, проштудировавъ Риккорта. Дѣйствительно, въ его теоріи сужденія болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, обнаруживается стремленіе, во что бы то ни стало, создать мостикъ къ трансцендентному, а отсюда и цѣлый рядъ чисто психологическихъ выкладокъ. Только и въ данномъ случаѣ мы не пошли бы путемъ автора въ критикѣ Риккорта. Во-первыхъ, вопросъ о сущности сужденій—вопросъ чисто психологическій, и хорошо, что Риккортъ его замѣняетъ другимъ. Жаль только, что этотъ другой вопросъ объ объективности познанія и формулируется, и разрѣшается Риккортъ психологически. Подмѣтивъ этотъ недостатокъ, авторъ, однако, нападаетъ на него съ точки зрѣнія своего разрѣшенія этого вопроса, т.-е. онъ тоже приписываетъ сужденію такъ или иначе объективность, онъ тоже психологистъ (но объ этомъ ниже). Во-вторыхъ, авторъ критикуетъ Риккортъ теорію сужденія съ точки зрѣнія своей теоріи сущности сужденія, т.-е. критикуетъ психологически (см. ниже). Въ-третьихъ, авторъ совсѣмъ недостаточно показываетъ психологичность Риккортъ теоріи сужденія: нужно было бы прослѣдить до мельчайшихъ подробностей то, какъ строить Риккортъ свою теорію, и отмѣтить каждый психологическій шагъ.

Итакъ, мы думаемъ, что авторъ правильно указалъ на основные психологизмы Риккорта, хотя его изложеніе, по нашему мнѣнію, и заставляетъ желать лучшаго. Особенно тормазитъ

успѣшность критики, развиваемой авторомъ; то, что она почти цѣликомъ основывается на его собственныхъ взглядахъ, а эти взгляды никакъ не могутъ быть признаны оплотомъ противъ психологизма. Бросимъ же взглядъ на то, что служитъ автору базой для аргументовъ и что онъ предлагаетъ взамѣнъ телеологическаго критицизма, ученій Больцано-Гуссерля, Шуппэ и др.

5. Философія или беретъ своимъ исходнымъ пунктомъ какое-либо положеніе или ищетъ абсолютно-незаинтересованнаго начала. Въ первомъ случаѣ она исходитъ изъ предразсудка (108), во второмъ, являетъ собою идеаль адогматичности и критицизма. Телеологическій критицизмъ и философія Больцано-Гуссерля являются примѣрами философіи перваго рода. И кто не хочетъ быть догматикомъ, тотъ долженъ отъ нихъ отшатнуться, а ихъ попытку быть свободными отъ предразсудковъ признать неудавшейся. Что же ему тогда дѣлать? Первымъ дѣломъ онъ долженъ оставить площадь теоріи познанія: онъ долженъ хватить шире. *Только предположивъ все возможное, есть надежда не предположить ничего.* На такую точку зрѣнія и становится философія, какъ «основная наука», поборникомъ которой авторъ является вслѣдъ за своимъ учителемъ Ремке (V—VI, 558). Основная наука начинается не съ какого-либо сужденія, а съ данности вообще: всякій философъ долженъ начинать съ того, что ему дано; дано же ему все, что можетъ быть дано, т.-е. сознаваемо (109). Данное вообще не носитъ на себѣ никакого опредѣленія, стало быть, свободно отъ всѣхъ предразсудковъ. Оно стоитъ внѣ всякаго вопроса и всякаго сомнѣнія, ибо его знаетъ всякій, и знаетъ, какъ предшествующее логически всему опредѣленному. Все, что есть, является или можетъ быть даннымъ: дѣйствительное и недѣйствительное, созерцаніе и понятіе, существующее и вымыселъ и т. д. Такъ исключается всякій дуализмъ, всякая догма. Правда, данное всегда дано кому-либо; но вѣдь этотъ кто-нибудь есть тоже нѣчто данное: обладатель есть всегда такая же данность, какъ и само обладаемое. Сознаніе, это обладатель, само представляетъ одну изъ возможныхъ данностей (35, 124, 176, 297, 329, 341). Что обладатель есть наше сознаніе,—это простой фактъ (121, 206, 237, 297, 301, 340, 516, 539, 543). Что обладатель можетъ имѣть себя самого, какъ обладаемое, т.-е. данное, рядомъ съ другимъ, это тоже простой фактъ (121, 297). Ни о какой теоріи, ни о какомъ

предразсудкѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Говоря, что что-то мнѣ дано, я не высказываю никакого сужденія, я ничего не утверждаю, ничего не опредѣляю или устанавливаю (215). Я высказываю само данное, не что-либо о немъ (128—129). Я высказываю нѣкоторое отношеніе: мнѣ дано. Но это не значитъ, что я и данное могутъ быть внѣ этого отношенія, ибо только въ этомъ отношеніи они вообще могутъ быть. Мы имѣемъ здѣсь особое, своеобразное, ни на что не сводимое отношеніе, которое есть фактъ и ничто больше: фактъ, который каждый знаетъ непосредственно (121, 215, 297). Данное есть обладаніе, но такого обладателя, который есть самъ нѣчто данное. Данное можно, стало быть, только имѣть. «Данное дано»—это не сужденіе, это только комплексъ словъ (109 сл.). Исходя изъ такой данности, основная наука автора спрашиваетъ объ ея сущности, объ ея разновидностяхъ и т. д.: ея задачей является освѣщеніе сущности даннаго (489). Въ этомъ данномъ съ самаго же начала и непосредственно открываются два различія: 1) между психическимъ и не психическимъ, ибо сознаніе можетъ имѣть себя и не себя (122, 553); противоположность эта предполагается психологіей (24, 39, 105, 133, 139, 516, 550); 2) между дѣйствительнымъ и не дѣйствительнымъ. Въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ простые факты: *такъ есть* (122, 360). Въ связи съ этими различіями находится различіе между: быть даннымъ и быть опредѣленнымъ (215), между отдѣльнымъ и общимъ (228—291). Однимъ словомъ, всѣ проблемы заключены въ рамки даннаго, всѣ проблемы касаются только его. Въ то время, какъ философія—основная наука—отвѣчаетъ на вопросъ о сущности даннаго, т.-е. дѣлаетъ вышеозначенныя различенія, отдѣльныя науки заняты дѣйствительностью. Философія трактуетъ о понятіи дѣйствительности (151, 535), отдѣльныя науки устанавливаютъ, что дѣйствительно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ (359, 535). Среди нихъ психологія занята изслѣдованіемъ сознанія и его особенностей. Она исходитъ изъ данности духовнаго индивидуума. Она изслѣдуетъ способность «имѣнія»—сознаніе въ его разнообразныхъ опредѣленіяхъ. Она находитъ здѣсь представленіе, различеніе и соединеніе, чувство, волевыя проявленія и т. д. (341, 550). Но не однородна ни съ философіей, ни съ психологіей работа логики. Она не изслѣдуетъ ни данности вообще, ни смысла дѣйствительности, ибо для нея

безразлично, дѣйствительно ли данное или нѣтъ, истинно оно или ложно: она внѣ этихъ различій (359). Опираясь на психологическій фактъ, что все данное есть нѣчто отдѣльное (341, 342, 543, 516) и зная непосредственно, что данное дано намъ то неясно, смутно, неопредѣленно, то съ полной ясностью и въ полномъ опредѣленіи (341, 516), логика устремляетъ свои взоры на содержаніе даннаго, оставляя безъ вниманія то, чему данное дано, т.-е. сознаніе. Ее интересуеетъ самый переходъ отъ неяснаго къ ясному. Это ея «фактическая сфера» (248 Апт., 343, 516, 550). Въ то время, какъ психологія знаетъ только опредѣленія сознанія, «имѣнія», логика имѣетъ своимъ предметомъ само опредѣленіе неопредѣленнаго, т.-е. дѣятельность мышленія, сужденія, познанія (340, 343, 514—519). Коротко говоря, въ то время, какъ психологія изслѣдуетъ «имѣніе» и «имѣющаго», логика изслѣдуетъ «имѣемое» (341, 515); въ то время, какъ философія интересуется даннымъ вообще, дѣйствительнымъ вообще и т. д., а отдѣльныя науки—конкретнымъ дѣйствительнымъ, логика занята только процессомъ познанія. Что же такое этотъ процессъ? Процессъ познанія есть опредѣленіе или уясненіе первоначально неяснаго (248 Апт., 276, 278, 280, 341, 518). Это уясненіе есть по своему существу объединеніе двухъ данностей, т.-е. опознаніе одной изъ нихъ черезъ другую, снова нахожденіе одного въ другомъ (345). При этомъ ясно, что быть снова найдено можетъ только то, что уже было, т.-е. не единично по своей натурѣ: быть найдено можетъ только общее. Познаніе или сужденіе есть опознаніе черезъ общее, черезъ понятіе (346 ст.). Столь же ясно, что такое опознаніе есть отождествленіе, не синтезъ (347—343). Не синтезъ, но и не анализъ. Всѣ эти грамматикалистическія опредѣленія должны быть оставлены (349 с.). Въ связи съ этимъ должна быть оставлена и теорія, вводящая въ сущность сужденія признаніе истины, значимость, ибо она тоже повинна въ грамматикализмъ: не сужденія, а фразы (Sätze) претендуютъ на истину; только онѣ могутъ быть истинны или ложны, только онѣ могутъ соотвѣтствовать или не соотвѣтствовать объективности: само же сужденіе, какъ уясненіе даннаго черезъ данное, находится внѣ этого различія, ибо оно выражаетъ собою данное, а это не можетъ быть иначе для меня, которому оно дано, чѣмъ то есть на дѣлѣ (360, 366, 394, 415). Такимъ образомъ, не дѣйстви-

тельность, истина или объективность есть руководящая регула для нашего познанія, а сама данность, какъ таковая (248 Апт., 361, 371, 492, 479). Только въ сферѣ науки дѣйствительность выступаетъ на первый планъ, но и здѣсь лишь потому, что она представляетъ специальную данность науки: отдѣльныя науки должны уяснять и опознавать дѣйствительную данность. Что же такое эта дѣйствительная данность? Дѣйствительное есть отъ меня независимое данное, независимое отъ произвола, отъ чело-вѣка, отъ сознанія (536), стало быть, сверхъиндивидуальное (367). Выработка его трудна, путь ея переполненъ ошибками (369). Что всякій изъ насъ знаетъ дѣйствительное, это фактъ; познаніе дѣйствительнаго заключается только въ томъ, чтобы безъ противорѣчій установить его независимую сущность (539); ни о какомъ производствѣ здѣсь не можетъ быть рѣчи (370, 469 сл.). Все въ томъ, чтобы уяснить себѣ уже имѣемое, а это возможно только при помощи уже имѣемаго понятія. Какъ это послѣднее получено, объ этомъ можетъ говорить психологія (248, 352). Для процесса познанія отдѣльныхъ наукъ важно его просвѣтляющее дѣйствіе на конкретную данность, для логики процессъ самого просвѣтленія. Такимъ образомъ, и философія, и логика, и психологія оказываются обезпеченными отъ вторженія всякихъ теорій о производствѣ, о категоріяхъ, о дѣйственномъ сознаніи и пр. (432, 462—489). Понятіе есть тоже данность, данность на конкретномъ, какъ его опредѣленіе (267); а такъ какъ оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть опредѣленное общее, т.-е. уже предполагаетъ процессъ опредѣленія-уясненія, то его тоже можно счесть за особаго рода сужденіе-познаніе (268). Такимъ образомъ, оказывается возможнымъ предохранить себя отъ всякаго догматизма: предметъ познанія есть всегда данное. Познавать его, значить его опредѣлять: познавать его научно, значить познавать его сверхъиндивидуально, т.-е. познавать его, какъ истинно-дѣйствительное (280, 367, 535—554). Въ этомъ смыслѣ мы ставимъ дѣйствительное въ связь съ божественнымъ сознаніемъ, чтобы пресѣчь всякую возможность его релятивизаціи, что, впрочемъ, достигается уже различеніемъ между «сопринадлежностью» къ сознанію и «нахожденіемъ» въ сознаніи, при чемъ, разумѣется, дѣйствительность характеризуется послѣдними и потому обезопасена отъ релятивизаціи и психологизаціи (555—556; 35 сл.). Таково то, чѣмъ хочетъ замѣнить авторъ

злосчастный телеологическій критицизмъ! И надо сознаться, при такомъ замѣщеніи критицизмъ этотъ много выигрываетъ. Ужъ слишкомъ наглядно несообразны претензіи автора на свободу отъ психологизма, а главное отъ ошибокъ критицизма, по сравненію съ тѣмъ, что онъ даетъ. Пояснимъ нашу мысль коротко. Исходнымъ пунктомъ должно служить данное вообще (das Gegebene schlechthin). Чтобы достичь этого даннаго, нужно естественно поразмыслить, такъ какъ непосредственно дано намъ не данное вообще, а какое-либо «данное» данное; нуженъ процессъ мысли, т.-е. нужна работа познанія. Значить, данное вообще не можетъ служить свободѣ отъ предразсудковъ. Если, затѣмъ, взять данное внѣ какихъ-либо его опредѣленностей, то для этого оно должно какъ-нибудь быть дано, если же оно не можетъ быть дано, ибо оно есть данное вообще, то въ такомъ случаѣ оно ничѣмъ не отличается отъ сознанія вообще, немогущаго никогда быть объектомъ: оно пустой звукъ, какъ выражается авторъ. Значить, оно не можетъ служить началомъ философіи. Далѣе, какъ установить связь между даннымъ вообще и даннымъ опредѣленіемъ, если о данномъ вообще нельзя составить себѣ никакого понятія (сужденія)? Далѣе, данное вообще все же предполагаетъ у автора личное сознаніе; пусть это личное сознаніе (мое, твое и т. д.) есть тоже нѣчто данное; но этимъ нисколько не уясняется данная трудность: данное вообще предполагаетъ одну изъ частныхъ, специальныхъ данностей, чтобы быть даннымъ вообще (112, 113, 126, 128, 143, 149, 154, 159, 175, 187, 206, 213, 240, 252, 285, 297, 310, 327, 367, 416, 499, 536, 543). Далѣе, данное обладаетъ, вопреки утвержденіямъ автора, цѣлымъ рядомъ опредѣленій: оно всегда есть отдѣльность (342, 514); оно всегда есть владѣніе обладателя (297); оно есть въ этомъ смыслѣ отношеніе (215, 197); и даже своеобразное отношеніе (297); оно не есть нѣчто опредѣленное, оно есть въ концѣ-концовъ только неопредѣленное, неопознанное и т. д.; оно есть непредвзятый пунктъ для непредвзятаго мышленія; оно можетъ быть дѣйствительнымъ и недѣйствительнымъ, отдѣльнымъ и общимъ, созерцательнымъ и несозерцательнымъ и т. д. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что передъ нами не данность, а цѣлая теорія «даннаго вообще». На это намъ авторъ спокойно возражаетъ: не теорія, а голый фактъ (121, 297). Но если это такъ, то зачѣмъ же авторъ о немъ рассу-

ждаетъ. Не превращаетъ ли онъ голый фактъ этимъ самымъ въ теорію и не извращаетъ ли его? Не дѣлаетъ ли онъ изъ голаго факта *теорію юлаго факта*, и не будетъ ли аппеляція къ самому голому факту въ подтвержденіе теоріи голаго факта наивнымъ софизмомъ? Мы думаемъ, что провозглашеніе исхода изъ факта для философіи или неприемлемо, такъ какъ этотъ фактъ есть продуктъ долгой умственной работы теоріи и является предразсудкомъ изъ предразсудковъ, или неприемлемо потому, что этотъ фактъ лежитъ за сферой философіи и мышленія, и исхожденіе изъ него означало бы собой постулировку чуда *à debut de la philosophie*. Основная философская наука автора есть новая мистериология факта и данности; и въ этой своей роли она совсѣмъ не нова. Наконецъ, данность вообще и исхожденіе изъ нея не уничтожаетъ, съ одной стороны, дуализма, такъ какъ обладатель данности только отмысливается, а не отсутствуетъ принципиально, и не освобождаетъ, съ другой стороны, отъ психологизма, такъ какъ данность вообще есть только отвлеченіе отъ «данной» данности вотъ этому обладателю-субъекту, а не принципиальная независимость отъ него. Ничему здѣсь не помогаетъ и божественное сознаніе, столь напоминающее собою Риккертское «сознаніе вообще», Шупповское «родовое сознаніе» и пр. Однимъ словомъ, исходъ изъ данности вообще совсѣмъ не гарантируетъ отъ предразсудковъ. Отношеніе между логикой и психологіей грѣшитъ тѣмъ же. Оставляя безъ вниманія уже то, что онѣ разсматриваютъ съ различныхъ сторонъ своеобразное отношеніе данности, (какъ можетъ эта послѣдняя быть дана и какъ она можетъ имѣть стороны?), одна со стороны содержанія, другая со стороны обладанія, и всѣ связанныя съ этой двойственностью точекъ зрѣнія на одни и тѣ же трудности,—представляется совсѣмъ непонятнымъ, какимъ образомъ дѣятельность познанія, переходъ отъ одного содержанія къ другому, оказывается фактомъ *не* психологическимъ, «фактической сферой» логики, какъ выражается авторъ (341, 516)? Изъ того, что психическій фактъ опознанія и уясненія не можетъ быть психологически истолкованъ, какъ особенность жизни представленій, различенія и соединенія, слѣдуетъ только одно: что этотъ фактъ указываетъ на новый своеобразный психическій моментъ, и что психологія познанія не исчерпывается психологіей представленія. Считать же изслѣдованіе дѣятельности познанія логикой, это значитъ дѣ-

латъ изъ нея сознательно одно изъ развѣтвленій психологіи. Правда, авторъ напираетъ на понятіе дѣятельности, которое, по его мнѣнію, чуждо психологіи (340 сл.). Но если это и такъ, то тѣмъ болѣе оно чуждо логикѣ, такъ какъ имѣетъ безусловно психологическое происхожденіе. Какъ ложное понятіе, его нужно одинаково удалить изъ обѣихъ областей. Удерживая его, какъ базу для логики, авторъ проповѣдуетъ самый грубый логическій психологизмъ. Въ томъ же насъ убѣждаетъ и утвержденіе автора, будто логика предполагаетъ психологическій фактъ: отдѣльность и различность каждаго даннаго. Считаая логической сущностью познанія опознаніе одного изъ данныхъ при помощи другого, авторъ проповѣдуетъ несомнѣнный, хотя и затушеванный фразами, номинализмъ. Ибо, если все дано, то вѣдь остается только получше разобраться въ данномъ, получше его формулировать. Къ этому и сводится, по мнѣнію автора, сущность науки (245). Ея задача—сознаніе наиболѣе адекватнаго выраженія (266). Въ связи съ этимъ понятно, что авторъ истинными или ложными называетъ только фразы (360). Но совершенно, при этомъ, непонятно, почему для автора познаваніе-сужденіе не является равнымъ фразообразованію, почему онъ такъ яро выступаетъ противъ грамматикализма. Развѣ наука не есть познаніе? И развѣ познаніе не должно быть въ такомъ случаѣ образованіемъ выраженій? Еще менѣе понятно, что значить, что познаніе должно обрабатывать (247 Апт.) или опредѣлять (280); ибо для этого требуются болѣе, чѣмъ словесные критеріи. Здѣсь наблюдается другое уклоненіе автора: онъ считаетъ, что процессъ познанія имѣетъ свой предметъ—данное и стремится познать его, т.-е. уяснить возможно научное (280). Такой взглядъ, однако, требуетъ вопроса, въ чемъ же критерій познанія? Авторъ отвѣчаетъ: въ данномъ, въ предметѣ. Изъ этого мы можемъ умозаключить что данное, стало быть, дано не такъ, какъ оно должно быть дано, если его хотятъ еще обрабатывать. А отсюда мы выводимъ, что автору извѣстно то, какимъ оно должно быть. Родство съ доктриной Риккерта становится понемногу яснымъ: познаніе обрабатываетъ данное, чтобы открыть истинно данное и руководиться при этомъ идеей этого истиннаго. Не будетъ ли такое познаніе продукціей и образованіемъ? Или это только словопроизводство и фразопостроеніе? Далѣе, если познаніе нуждается въ

предметъ и въ томъ, чтобы имъ обладать съ безусловной ясно-стью (280), то отсюда ясно вытекаетъ дуализмъ познанія и познаваемого, въ которомъ авторъ такъ усердно обвиняетъ Риккерта, Гуссерля, Шуппе. Такимъ образомъ, противъ Риккерта авторъ является номиналистомъ, противъ номиналистовъ—риккертіанцемъ, и въ концѣ-концовъ самъ нарушаетъ свои принципы.

Критеріемъ дѣйствительности авторъ считаетъ саму данность дѣйствительнаго. Каждый изъ насъ знаетъ, что дѣйствительное независимо отъ насъ. Это ли не психологизмъ? Это ли не возведение въ логическое достоинство субъективной увѣренности? И зачѣмъ тогда возставать противъ того, что Риккертъ видитъ въ чувствѣ очевидности гарантіи истинности. На самомъ дѣлѣ, развѣ я, имѣя дѣйствительное, какъ абсолютное, гарантированъ въ моемъ познаніи его, какъ такового, въ томъ, что я имѣю такое абсолютно-истинное дѣйствительное? Для психолога научнаго мышленія было бы, конечно, достаточно показать, какъ ученый довольствуется своимъ убѣжденіемъ, полученнымъ путемъ цѣлага ряда умственныхъ дѣйствій. Но для логика это не имѣетъ ровно никакой цѣнности. Онъ хочетъ знать не то, что и какъ мы переживаемъ, когда имѣемъ дѣйствительное, а то, что такое оно само. А здѣсь авторъ намъ спокойно говоритъ: да вы сами знаете хорошо, что такое дѣйствительное; это—простой фактъ (539, 543, 360). И, дѣйствительно, то, что предлагаетъ намъ авторъ, есть отъ начала и до конца философія факта, т.-е. того, *о чемъ нельзя философствовать*, если фактъ берется въ его непредвзятости, и что представляетъ собою самую запутанную и сложную теорію, какъ только взято за начало разсужденія, и потому требуетъ самой тщательной критики. Таковы послѣдствія того исхода, за который борется авторъ: вмѣсто того, чтобы очистить поле философіи отъ остатковъ психологизма, заграждающихъ его въ рукахъ Риккерта, Гуссерля, Шуппе, онъ наводнилъ его до краевъ проявленіями психологизма, а въ видѣ критерія критеріевъ выдвинулъ «здравый разсудокъ». Только этой основной несостоятельности автора слѣдуетъ приписать, что, видя главныя проявленія психологизма у своихъ противниковъ, онъ не сумѣлъ достаточно ясно показать ихъ, какъ это мы видѣли выше. Между прочимъ, въ вину автору слѣдуетъ поставить незнакомство, съ одной стороны, съ философіей Фриза и его со-

временныхъ послѣдователей, а съ другой—съ системой философіи Когена, а равно и съ нѣкоторыми прежними работами Наторпа ¹⁾).

Б. Яковенко.

Новыя книги и брошюры, полученные въ редакціи.

Арнимъ, Г. Исторія античной философіи. Перевъ съ нѣм С. Поварнина. Спб. 1910. Ст. VI+254. Ц. 1 р. 50 к.

Бердяевъ, Николай. Духовный кризисъ интеллигенціи. Спб. 1910. Ст. 304. Ц. 1 р. 50 к. Изд. «Общественной пользы».

Бинэ, Альфредъ. Душа и тѣло. Перев. С. А. Лопашова. Москва 1910. Изд. «Звено». Ст. 204. Ц. 1 р. 25 к.

Wentsher, Else. Der Wille. Leipzig 1910. Ст. X+189. Ц. 2 М. 40 Pf.

Волковичъ, А. Н. Бога ищутъ. Спб. 1909. Спб. 147. Ц. 75.

Воронцовъ, Н. Г. Эфирныя волны и сознание. Москва 1910. Ст. 73. Ц. 50 к.

Юсифовъ, I. M. О размноженіи и половомъ влеченіи человѣка. Томскъ 1910. Ст. 97.

Кашинъ, Н. В. Средняя школа и права по образованію. Москва 1909. Ст. 15. Ц. 15 к.

Couturat, L, Jespersen, O, Lorenz, R, Ostwald, W, Pfaundler, L. La langue internationale et la science. Traduit par M. Boubier. Paris 1909. Ст. 57. Ц. 1 fr.

Лемонье, Камилль. Самецъ. Романъ. Москва 1910. Изд. «Звено». Ст. 296. Ц. 1 р.

Мережковскій, Д. Больная Россія. Спб. 1910. Ст. 276. Ц. 1 р. 25 к. Изд. «Общественной пользы».

Муйжель, В. Разказы. Т. III. Спб. 1910. Ст. 222. Ц. 1 р. Изд. «Общественной пользы».

Румянцевъ, Н. Е. Педологія. (Наука о дѣтяхъ.) Спб. 1910. Ст. II+82. Ц. 25 к.

Серафимовичъ, А. Разказы, т. IV. Ст. 242. Ц. 1 р. Спб. 1910. Изд. «Общественной пользы».

Толстой, А. Н., графъ. Сорочьи сказки. Спб. 1910. Ст. 119. Ц. 1 р. Изд. «Общественной пользы».

Volkman, Paul. Erkenntnisstheoretische Grundzüge der Naturwissenschaften. Leipzig 1910. Ст. XXIII+454. Ц. 6 М.

Heinze, Max. Ethische Werte bei Aristoteles. № 1. Leipzig 1909. Ст. 30. Ц. 1 М. 20 pf.

¹⁾ См., напр., Quantität und Qualität in Begriff, Urtheil und gegenständlicher Erkenntnisъ въ Philosophische Monatshefte. Bd. XXVII. (1890).

Hessen, *Sergius*. Individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus. Berlin 1909. P. XI—151. «Kantstudien» № 15. P. 5 M. 50 Pf.

Чириковъ, Евгений. Въ царствѣ сказокъ. Спб. 1910. Стр. 119. Ц. 1 р. 75 к., въ папкѣ 2 р. Изд. «Общественной пользы».

Изданія «Посредника».

Б. Гринченко. Сестрица Галя, прост. изд. Ц. 1 к.

То же. То же, лучш. изд. Ц. 3 к.

И. Горбуновъ-Песадовъ. «Свободное воспитаніе», т. третій № 1. Ц. 25 коп.

И. Горбуновъ-Песадовъ и Я. Егоровъ. Красное солнышко, безъ азбуки, въ обложкѣ. Ц. 18 к.

П. Костычевъ. Что есть въ землѣ. Ц. 3 к.

С. Семеновъ. Подпасокъ, прост. изд. Ц. $\frac{3}{4}$ к.

Л. Н. Толстой. О смерти, прост. изд. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Безубойное питаніе или вегетаріанство, прост. изд. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. О безсмертіи, прост. изд. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. Объ истинной любви, прост. изд. Ц. 1 к.

Л. Н. Толстой. О добрѣ и добротѣ, прост. изд. Ц. 1 к.

А. Веселовская. Подъ выстрѣлами, прост. изд. Ц. 1 к.

И. Горбуновъ-Песадовъ. Рохъ и его собака, прост. изд. Ц. 1 к.

И. Старининъ. Дядя Фаддей, прост. изд. Ц. 1 к.

Гюи де-Мопассанъ. Мечь, прост. изд. Ц. 1 к.

Н. Селезневъ. Бѣлая береза, прост. изд. Ц. $\frac{3}{4}$ к.

То же. То же, среднее изд. Ц. 7 к.

То же. То же, лучш. изд. 12 к.

П. Костычевъ. О жизни растений. Ц. 5 к.

П. Костычевъ. О разведеніи хлѣбовъ. Ц. 4 к.

Л. Н. Толстой. Неизбѣжный переворотъ. Ц. 10 к.

С. Орловскій. Побѣдители бури, прост. изд. Ц. 2 к.

В. Б. Пойдемъ за Нимъ!, прост. изд. Ц. 2 к.

Б. Гринченко. Отецъ и дочка, прост. изд. Ц. 1,5 к.

Е. Свѣшниковъ. Францискъ Ассиизскій, прост. изд. Ц. 1,5 к.

*** Вино—ядъ, прост. изд. Ц. 1 к.

М. Брессъ. Какъ ухаживаютъ птицы за своими птенцами, въ обл. Ц. 20 к.

Л. Весельгофтъ. Джекъ—Пожарная собака, въ обл. Ц. 50 к.

Извѣстія и замѣтки.

Полное собраніе сочиненій Л. Эйлера. Предполагается 43 выпуска подъ редакціей профессоровъ: Г.Вебера (Страсбургъ), Рудіо (Цюрихъ), Крацера и Штекель (Карльсруэ).

Въ текущемъ году выйдеть въ свѣтъ I томъ. Алгебра. Подъ ред. проф. Г. Вебера. Изданіе Тейбнера въ Лейпцигѣ.

Московское Психологическое Общество.

ССXLVIII. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями) за- сѣданія 5 декабря 1909 года.

Засѣданіе было открыто въ 9 ч. вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при тов. секретаря Н. П. Корелиной, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Д. В. Викторова, П. П. Соколова, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, членовъ-соревнователей: Н. П. Ферстеръ и С. Г. Шахъ-Назарова.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

- 1) Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.
- 2) Сторонній посѣтитель д-ръ М. Ю. Лахтинъ прочелъ рефератъ «Къ вопросу о бѣсоодержимости въ современной деревнѣ».
- 3) Послѣ перерыва происходили пренія по поводу прочитаннаго реферата, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, Д. Г. Коноваловъ, Л. М. Лопатинъ и П. П. Соколовъ.
- 4) По окончаніи преній предсѣдатель выразилъ референту благодарность отъ лица всѣхъ присутствующихъ за чрезвычайно интересный рефератъ.
- 5) Были предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества: Б. А. Кистяковскій, А. Э. Вормсъ, А. В. Кубицкій, В. П. Карповъ, Н. В. Самсоновъ, М. Н. Шатерниковъ, А. М. Щербина, Д. Г. Коноваловъ, М. Ю. Лахтинъ. (Л. М. Лопатинымъ, Г. И. Челпановымъ и В. М. Хвостовымъ).

Засѣданіе было закрыто въ 12¹/₂ ч. ночи.

**ССХLIX. Протоколъ очередного (закрытаго, съ гостями)
засѣданія 19-го декабря 1909 года.**

Засѣданіе было открыто въ 8¹/₂ часовъ вечера въ залѣ Правленія Университета, подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при тов. секретаря Н. П. Корелиной, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: А. О. Бачинскаго, Н. А. Бердяева, П. Д. Боборыкина, Б. К. Млодзѣвскаго, И. Ф. Огнева, Г. А. Рачинскаго, Ф. Е. Рыбакова, В. П. Сербскаго, П. П. Соколова, кн. Е. Н. Трубецкого, В. М. Хвостова, Г. И. Челпанова, Г. Г. Шпетта, членовъ-соревнователей: А. В. Бломеріусъ и С. Г. Шахъ-Назарова.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1) Дѣйствительный членъ Общества П. Д. Боборыкинъ прочелъ рефератъ «Антропоцентризмъ и космическое міропониманіе».

2) Рефератъ вызвалъ оживенныя пренія, въ которыхъ приняли участіе, кромѣ референта, кн. Е. Н. Трубецкой, Н. А. Бердяевъ, В. М. Хвостовъ и Л. М. Лопатинъ.

3) Послѣ перерыва былъ прочитанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

4) Произведена баллотировка въ дѣйствительные члены Общества А. Э. Вормса, М. Ю. Лахтина, В. П. Карпова, Б. А. Кистяковскаго, Д. Г. Коновалова, А. В. Кубицкаго, Н. В. Самсонова, М. Н. Шатерникова, А. М. Щербини. Оказались избранными: А. Э. Вормсъ—9-ю противъ 1-го; М. Ю. Лахтинъ—11-ю; В. П. Карповъ—10-ю противъ 1-го; Б. А. Кистяковскій—9-ю противъ 2-хъ; Д. Г. Коноваловъ—10-ю противъ 1-го; А. В. Кубицкій—11-ю; Н. В. Самсоновъ—9-ю противъ 2-хъ; М. Н. Шатерниковъ—11-ю; А. М. Щербина—10-ю противъ 1-го.

5) Предложены къ избранію въ дѣйствительные члены Общества И. М. Громогласовъ (Л. М. Лопатинимъ, Г. И. Челпановымъ и П. П. Соколовымъ), И. А. Ильинъ (кн. Е. Н. Трубецкимъ, Л. М. Лопатинимъ и Г. Г. Шпеттомъ).

Засѣданіе было закрыто въ 12 ч. ночи.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ ПРОДАЮТСЯ:

Проф. А. И. Введенскій. Философскіе очерки. Вып. I. О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію. Цѣна 1 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія древней философіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. проф. А. И. Введенскаго. 4-е изд. Цѣна 2 руб.

В. Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ ея связи съ общей культурой и отдѣльными науками. 2-е изд., вновь редактированное проф. А. И. Введенскимъ по 4-му нѣмецк. 2 тома. Цѣна 4 руб.

Т Р У Д Ы

С.-Петербургскаго Философскаго Общества:

Выпускъ I. Декартъ. Метафизическія размышленія. Перев. подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и рационализмъ. Цѣна 1 р.

Выпускъ II и III. Малевбраншъ. Исканіе истины. Перев. подъ ред. и со статьей Э. Л. Радлова. Цѣна 5 руб.

Выпускъ IV. Беркли. Трактатъ о началахъ чело-вѣческаго знанія. Перев. подъ ред. и со статьей Н. Г. Дебольскаго. Цѣна 40 коп.

Выпускъ V. Аристотель. Этика. Перев. и вступительная статья Э. Л. Радлова. Цѣна 1 руб. 50 коп.

НОВАЯ КНИГА:
С. ТОРМАЗОВЪ.
Счастье и прогрессъ съ точки зрѣнія
естественнаго подбора.
 Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и другихъ.
ЦѢНА 1 РУБ.

Открыта подписка на 1910 годъ

на

Вѣстникъ Олонецкаго Губернскаго
ЗЕМСТВА,

IV годъ изданія.

Подписная плата за годъ 1 рубль.

Подписка принимается въ г. Петрозаводскъ, при Губернской Земской Управѣ. Задача изданія „Вѣстника“—возможно шире знакомить населеніе губерніи съ дѣятельностью мѣстнаго земства и сообщать населенію полезныя для него знанія по сельскому хозяйству и вообще пригодныя въ сельскомъ быту. Съ цѣлью широкаго распространенія по губерніи, „Вѣстникъ“ бесплатно разсылается губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ гласнымъ, земскимъ агрономамъ, техникамъ, сельско-хозяйственнымъ обществамъ, во всѣ школы, волостныя правленія, сельскія общества, земскимъ врачамъ, ветеринарамъ и большому числу грамотныхъ крестьянъ. Всего по губерніи разсылается 2.500 экзмп.

Съ февраля 1910 года выходитъ въ гор. Москѣ
 журналъ научной юриспруденціи

„Вопросы Права“

издаваемый при ближайшемъ участіи:

А. С. Алексѣева, А. Э. Вормса, П. В. Гидулянова, Б. А. Кистяковскаго, И. А. Кистяковскаго, С. А. Котляревскаго, С. А. Муромцева, П. И. Новгородцева, Г. С. Фельдштейна и А. П. Форштетера.

Журналъ „Вопросы права“ ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе теоретическихъ и практическихъ проблемъ права, имѣющихъ непосредственный интересъ для нашего времени.

„Вопросы права“ выходятъ четыре раза въ годъ книгами около десяти листовъ: въ февралѣ, маѣ, октябрѣ и декабрѣ.

Подписная цѣна: въ годъ съ пересылкой и доставкой 6 руб.

Цѣна отдѣльной книги 2 руб.

Объявленія, принимаемыя для напечатанія въ журналѣ, оплачиваются по-странично и построчно.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, Каложинъ пер., 10, кв. Г. С. Фельдштейна.

Редакторъ-издатель Г. С. Фельдштейнъ.

Большая прогрессивно-демократическая газета

ПРИВОЛЖСКИЙ КРАЙ

Выходитъ въ Казани ежедневно. Открыта подписка на 1910 годъ.

Подписная цѣна: на годъ 7 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс., 2 р. 25 к., на 1 мѣс. 75 к. Учащимся и сельской интеллигенціи дѣляется скидка.

Съ 1910 года всѣмъ подписавшимся на годъ и полгода будетъ прилагаться безплатно еженедѣльный художественно-литературный иллюстрированный журналъ „Сѣверная Недѣля“, выходящая подъ редакціей А. Рославлева и Дм. Цензора. Остальные подписчики, желающіе получать журналъ приплачиваютъ 10 к. въ мѣсяцъ сверхъ подписной цѣны.

Адресъ редакціи Казань, „Приволжскій Край“.

Редакторъ-издатель И. П. Кочергинъ.

Открыта подписка на еженедѣльное земское издание

ПЕРМСКУЮ ЗЕМСКУЮ НЕДѢЛЮ

на 1910 годъ.

Задачи газеты—проведеніе въ среду населенія полезныхъ знаній, ознакомленіе его съ дѣятельностью земства, всестороннее освѣщеніе жизни и нуждъ населенія Пермской губерніи и въ Россіи. Пробужденіе самосознанія въ крестьянствѣ, содѣйствіе проявленію его инициативы въ общественныхъ дѣлахъ и въ хозяйственной дѣятельности, разработка вопросовъ сельского хозяйства, коопераціи, кустарной промышленности и т. п.

Подписная плата: для подписчиковъ изъ Пермской губ. 1 р. въ годъ, 50 к. на полгода, для подписчиковъ изъ друг. губ.—1 р. 50 к. въ годъ, 75 к. на полгода, съ дост. и перес. Подписная плата адресуется на имя редакціи „Пермской Земской Недѣли“ (Пермь, Сибирская ул., домъ губ. земства). Принимается подписка также въ уѣздныхъ земскихъ управахъ Пермской губерніи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ.

(Третій годъ изданія.)

На двухнедѣльный журналъ

„ФИНЛЯНДІЯ“.

Выходитъ 10 и 25 числа cadaго мѣсяца. 24 номера въ годъ.

Редакторъ А. В. Игельстромъ.

Издатель Д. Д. Протопоповъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою:

въ Россіи и Финляндіи на цѣлый годъ 6 р., на полгода 3 р., на три мѣсяца 1 р. 50 к.; за границу на цѣлый годъ 7 р., на полгода 4 р.

Отдѣльные номера 25 коп. (Наложенымъ платежомъ 35 коп.)

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: С. Петербургъ, Мойка, 24, (у Пѣвческаго моста). Тел. 109-12, въ книжномъ магазинѣ Р. Эдгрена, (В. Конюш-ная, 8), „Наша Жизнь“, Н. О. Вольфа, а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ столицъ, Финляндіи и провинціи.

ВѢСТНИКЪ ОПЫТНОЙ ФИЗИКИ И ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ.

Выходитъ 24 раза въ годъ отдѣльными выпусками, не менѣе 24 стр. каждый, подъ редакціей приватъ-доцента В. Ф. Кагана.

Программа журнала: оригинальныя и переводныя статьи изъ области физики и элементарной математики. Статьи, посвященныя вопросам преподаванія математики и физики. Опыты и приборы. Научная хроника. Темы для сотрудниковъ. Задачи для рѣшенія. Рѣшенія предложенныхъ задачъ съ фамиліями рѣшившихъ. Задачи на премію. Библиографическій отдѣлъ. Обзоръ спеціальныхъ журналовъ.

Статьи составляются настолько популярно, насколько это возможно безъ ущерба для научной стороны дѣла.

Предыдущіе семестры были рекомендованы: Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. для гимн. муж. и жен., реальн. уч., прогимн., город. уч., учит. инст. и семинарій; Главн. Упр. Воен.-Учебн. Зав.—для воен.-уч. заведеній; Учен. Ком. при Св. Синодѣ—для дух. семинарій и училищъ.

Пробный номеръ высылается **бесплатно** по первому требованію.

Условія подписки: Подписная цѣна съ пересылкой: за годъ **6 руб.**, за полгода—**3 руб.** Учителя и учительницы низшихъ училищъ и всѣ учащіяся, выписывающіе журналъ непосредственно изъ конторы редакціи, платятъ за годъ **4 руб.**, за полгода **2 руб.**

Адресъ для корреспонд.: Одесса. Въ редакцію „Вѣстника Опытной Физики“.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

Современная Психіатрія,

издаваемый при участіи Н. А. Вырубова, В. А. Гиляровскаго, В. И. Семидалова, С. С. Ступина, С. А. Суханова подъ редакціей А. Н. Бернштейна и П. Б. Ганнушкина.

Годъ изданія четвертый.

Журналъ будетъ попрежнему выходить ежемѣсячно книжками въ 3-хъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой **семь руб.**, за границу **9 руб.** Цѣна отдѣльной книжки **75 коп.** Подписка принимается въ конторѣ редакціи **Современной Психіатріи** (Москва, Б. Левшинскій пер., 14. Тел. 14-17) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гл. иногороднихъ подписчиковъ просятъ направлять подписныя деньги непосредственно въ контору редакціи; въ полученіи денегъ будетъ высылаема квитанція.

Допускается разсрочка подписной платы при условіи непосредственнаго обращенія въ контору журнала: при подпискѣ **4 руб.** и къ 1-му юнію—**3 руб.**

Статьи въ заказныхъ бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Редакція оставляетъ за собой право производить въ присланныхъ статьяхъ нѣкоторыя сокращенія.

Авторы помѣщаемыхъ въ журналъ оригинальныхъ статей получаютъ бесплатно 25 оттисковъ.

О всѣхъ книгахъ, присланныхъ въ редакцію, печатается извѣщеніе въ ближайшей книжкѣ журнала.

Плата за объявленія:

Передъ текстомъ и на посл. стр. обложки: $\frac{1}{4}$ страницы—**25 р.**, $\frac{1}{2}$ страницы—**40 р.**, 1 страница—**60 р.** Послѣ текста: $\frac{1}{4}$ страницы—**15 р.**, $\frac{1}{2}$ страницы—**25 р.**, 1 страница—**40 р.** При повторныхъ объявленіяхъ соответствующая скидка. Разсылка приложеній вѣсомъ до 2-хъ лотовъ—**25 руб.**

Открыта подписка на 1910 годъ на журналы:

1) „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“)

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ для семьи и школы.
СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ ученическія бібліотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ городскія, по Положенію 1872 г., училища и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Въ годъ 4 р. 50 к. безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

Въ 1910 г. журналъ „Юная Россія“ („ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“) дастъ всеѣмъ подписчикамъ: 12 ЕЖЕМѣсячныхъ книжекъ, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей, съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и проч.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Избранныя сочиненія С. Т. Аксакова II. Поэтъ любви и жалости Чарльзъ Дикенсъ и орелъ французской поэзіи Викторъ Гюго. Литературно-біографическіе очерки съ приложеніями портретовъ и избранныхъ сочиненій. Сост. *Н. Я. Абрамовичъ*. III. А. А. Плещеевъ. Сборникъ стихотвореній съ портретомъ и біографіей поэта, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*. IV. А. С. Хомяковъ, К. С. Аксаковъ и И. С. Аксаковъ. Сборникъ стихотвореній съ портретами поэтовъ, подъ редакціей *Д. И. Тихомирова*.

Оставшіеся комплекты журнала „ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ“ за прежніе годы 1897—1907 гг. по 4 р. съ пересылкой въ предѣлахъ Евр. Россіи.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для воспитателей и народныхъ учителей.

СОРОКЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, для учительскихъ бібліотекъ и бесплатныхъ народныхъ читаленъ.

1 р. 75 к. безъ пересылки, 2 р. съ пересылкой.

Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками до 5 листовъ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Б. Молчановка, д. № 24. Подписка принимается и во всеѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Книгопродавцамъ уступка 5%.

Плата за объявленія въ журналахъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“: За стр. 40 р., за $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за $\frac{1}{4}$ станицы 10 р., за $\frac{1}{8}$ стр. 5 р.

Издательница *Е. Н. Тихомирова*.

Редакторъ *Д. И. Тихомировъ*.

При журналѣ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ организованъ книжный складъ изданій *Д. И. Тихомирова*: 1) Библиотека для семьи и школы. 2) Учительская бібліотека. 3) Учебники *Д. И. Тихомирова*.

Каталогъ высылается бесплатно по первому требованію.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Открыта подписка на 1910 годъ.

Вышла декабрская (двѣнадцатая) книга.

Содержаніе: I. ОНА. Поэма въ стихахъ.—Бориса Садовскаго. II. МЕРТВАЯ ЗЫБЬ. Романъ.—О. Миртова. *Окончаніе*. III. VITA SOMNIUM BREVE. Ром. Рикарды Гухъ. Съ нѣмецкаго.—Перев. Е. С. Хохловой. *Окончаніе*. IV. ПИСЬМА ЧЕХОВА. V. СЧАСТЛИВЧИКЪ-ПЕРЬ. Романъ Хенрика Понтоппидана. Съ датскаго. — Перев. М. П. Благовѣщенской. *Окончаніе*. VI. ГОГОЛЬ И ГОЙЯ. — С. К. Шамбинаго. VII. Ф. Ф. МАРТЕНСЪ. — Бар. Б. Э. нольде. VIII. ИЛЛЮЗИИ СОЦІАЛИЗМА. („The Illusions of socialism“). Бернарда Шоу. Съ англійскаго.—Перев. С. И. Рапопорта. IX. НАШЪ ДАЛЬНІЙ ВОСТОКЪ И ЕГО КОЛОНИЗАЦІЯ. — А. А. Кауфмана. X. ЛИТОВСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.—А. Л. Погодина. XI. ПИСЬМО ИЗЪ ГЕРМАНИИ. Новые имперскіе налоги.—Елизаветы Виленецъ-Горовицъ. XII. ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРѢ. „Анатѣма“ Л. Андреева.—Нѣсколько словъ о переживаемомъ литературномъ кризисѣ.—Л. Я. Гуревичъ. XIII. МІРЪ ИГРУШКИ. (По поводу московской выставки игрушекъ художника Бартрама).—В. Г. Малахѣевой-Мировичъ. XIV. О ВСЕВОЛОДѢ ГАРШИНѢ. (Введеніе въ характеристику).—Н. И. Чуковскаго. XV. НА ПЕРЕВАЛѢ. II. „Безвременье“.—А. С. Изгоева. XVI. ТЕКУЩИЕ ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. I. Судьбы русской конституціи.—К. Н. Соколова. II. Промышленные синдикаты въ Россіи.—В. О. Гефдинга. XVII. ДВА СЛОВА ПО ПОСЛѢДНІЙ СТАТЬИ А. А. КАУФМАНА.—Кн. Г. Е. Львова. XVIII. СВОБОДА И ПРИЗЫВЪ КЪ НЕТЕРПИМОСТИ. (Письмо въ редакцію).—П. П. Родцева. XIX. НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ. „Запросы Жизни“. „Историческія писки“ М. О. Гершензона.—Петра Струве. XX. ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Л. И. Гальберштадта. XXI. БИЪШОГРАФИЧ. ОТДѢЛЪ. XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Годъ. 9 мѣс. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.

Съ дост. и перес.: 12 р. 9 р. 6 р. 3 р. 1 р.

За границу . . . 14 р. 10 р. 50 к. 7 р. 3 р. 50 к. 1 р. 25 к.

Принимается подписка въ Москвѣ—въ конторѣ журнала: Ваганьковскій пер., д. Куманина. Въ Петербургѣ, Вильнѣ и въ Варшавѣ—въ книжн. магаз. Карбасникова и въ друг. лучш. магазин. Москвы, Петербурга, Одессы и Кіева.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА изд. ж. „Русская Мысль“—Многообразіе религиознаго опыта.—Вильяма Джемса.

29 годъ изданія ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1910 Г. 29 годъ изданія

„РЕБУСЪ“ Единственный въ Россіи популярно-научный ЖУРНАЛЪ

по вопросамъ спиритуализма, психизма, медиумизма и мистики.

Обзоръ и изслѣдованіе малоизвѣстныхъ теорій и фактовъ: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, гипнотизма, явленій спиритуализма и другихъ онкулътныхъ явленій и фактовъ.)

Независимое слово внѣ школъ и партій о всѣхъ спорныхъ вопросахъ науки и жизни.

Выходятъ не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ выпусками отъ одного до 3-хъ печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія и отвѣты редакціи на запросы и письма подписчиковъ. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

Подписная цѣна: въ Россіи: на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 руб.
За границу на годъ 6 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р. 50 к.

Отдѣльный номеръ въ продажѣ 25 к. (можно высылать почтовыми марками).

Подписка принимается: въ Москвѣ: въ редакціи журнала — Арбатъ, домъ Нейдгартъ кв. № 12, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ въ Россіи.

Годъ изданія сорокъ пятый.

„АСТРАХАНСКІЙ ЛИСТОКЪ“

будетъ выходить въ 1910 году подъ прежней редакціей и при томъ же составѣ постоянныхъ сотрудниковъ.

Газета прогрессивнаго направленія, но независимая отъ какихъ-либо партій и кружковъ. Дѣятельное представительство краевыхъ интересовъ. Широкая освѣдомленность о мѣстныхъ дѣлахъ. Полные обзоры областной промышленности и торговли.

Объявленія изъ губерній: Нижегород., Казанск., Симбирск., Самарск. и Саратов. и изъ Закаспійск. края и Кавказа, а также объявленія казенныя, банкирск. конторъ, жел. дорогъ и газетныя принимаются непосредственно конторою редакціи (Мало-Демид., соб. д.), всѣ же прочія исключительно центральной конторою Л. и Э. Метцль и К^о (Москва, Мясницк., д. Сытова). Плата за объявленія со строки дѣтита: передъ текстомъ 20 коп., послѣ текста 10 коп.

Подписная цѣна съ пересылкою: 1 годъ—7 руб. 50 коп., $\frac{1}{2}$ года—3 руб. 75 коп., 3 мѣс.—2 руб. 50 коп., 1 мѣс.—1 руб.

Редакторъ-издатель В. И. Склабинскій.

Годъ изданія X-й.

Принимается подписка на 1910 годъ

на журналъ

Невропатологіи и Психіатріи

имени С. С. Корсакова,

издаваемый Обществомъ невропатологовъ и психіатровъ, состоящимъ при Императ. Московскомъ Университетѣ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. В. К. Рота и В. П. Сербскаго, приватъ-доцентовъ А. Н. Бернштейна, Л. С. Минора, П. А. Преображенскаго, Г. И. Россолимо и д-ра В. И. Яковенко.

Журналъ выходитъ 6 разъ въ годъ книгами въ 10 листовъ и содержитъ: 1) оригинальныя статьи по невропатологіи и психіатріи, криминальной антропологіи, судебной психопатологіи, психологіи, педагогическимъ вопросамъ. 2) Рефераты. 3) Корреспонденціи и отчеты съѣздовъ и засѣданій обществъ. 4) Рецензіи книгъ. 5) Хроника и смѣсь. 6) Объявленія.—Приложенія: а) Библиографическій указатель статей и книгъ по невропатологіи и психіатріи; в) Протоколы Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ.

Подписная цѣна въ годъ съ пересылкой и доставкой—10 рубъ за границу—12 рубъ.

Цѣна за объявленія въ 1 стр.—15 руб., за 1/2 стр.—10

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Москва, Дѣвичье поле, Клиника нервн.

Въ 1910 году будетъ продолжаться (34-й годъ) изданіе

Ж У Р Н А Л А

„ИЗВѢСТІЯ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ“.

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на два отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: **общій отдѣлъ**, посвященный разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, и отдѣлъ **официально-справочный**. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи:

	Отдѣлъ общій.	Отдѣлъ оф.-справ.	Оба отдѣла.
За 12 мѣсяцевъ	4 руб. 40 коп.	4 руб. 40 коп.	8 руб. — к.
” 6 ”	2 ” 20 ”	2 ” 20 ”	4 ” — ”
” 3 ”	1 ” 20 ”	1 ” 20 ”	2 ” — ”
” 1 ”	— ” 40 ”	— ” 40 ”	— ” 80 ”

Цѣна журнала 3 р. за годъ и 2 р. за 6 мѣсяцевъ, съ перес. и доставкой.

Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенск. площ., здан. Думы.

Открыта подписка на 1910 годъ

XXI г.
изданія.

на журналъ

XXI г.
изданія.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ и систематическіе отзывы о вновь выходящихъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ и друг., о дѣтскихъ журналахъ, общедоступныхъ и дѣтскихъ книгахъ. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и проч.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 руб., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода 3 р.; съ пересылкой за границу 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ дост.—5 р.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Колушенинъ пер., д. № 32) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.

Принимается подписка на 1910 годъ

на ежемѣсячный литературный и общественно-политическій журналъ

НОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.

При программѣ большихъ ежемѣсячниковъ „Новое Образование“ будетъ держаться того направленія и характера, какихъ держался нѣкогда журналъ „Образованіе“ при покойномъ А. Я. Острогорскомъ.

Въ журналѣ примутъ участіе **извѣстные** литературныя и научныя силы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На 1/2 года.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ дост. и перес. въ Россіи	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 75 к.	— 60 к.
За границей	10 р.	5 „ — „	2 „ 50 „	1 р. 25 „

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, Забалканскій пр., д. 30, въ конторѣ журнала „Новое Образование“, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ имперіи, кѣторые удерживаютъ изъ подписной цѣны 5% въ свою пользу.

Открыта подписка на 1910 годъ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

Журналъ предназначенъ преимущественно для дѣтей средняго возраста (10—12 лѣтъ), которымъ еще мало доступны существующіе у насъ журналы болѣе старшаго возраста. При этомъ „Семья и Школа“ ставитъ своей задачей одинаково примѣняться какъ къ интересамъ дѣтей, учащихся въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, такъ и къ пониманію учениковъ начальной народной школы.

„Семья и Школа“ состоитъ изъ 12-ти ежемѣсячныхъ книжекъ журнала и 6 отдѣльныхъ книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“.

Не привлекая своихъ подписчиковъ никакими преміями, ни такъ называемыми бесплатными приложениями, редакция „Семьи и Школы“ обращаетъ исключительное вниманіе на внутреннее достоинство самаго журнала, на тщательный подборъ матеріала, доступнаго и занимательнаго для дѣтей и выдержаннаго въ педагогическомъ отношеніи, а также и на его изящную внѣшность. Для послѣдней дѣли текстъ журнала тщательно иллюстрируется художественно-исполненными рисунками, и, кромѣ того, въ каждой книжкѣ помѣщаются отдѣльныя картинки.

Имѣя въ виду распространеніе журнала въ школахъ, каждая книжка „Семьи и Школы“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было, при желаніи, раздѣлить на части, и большія произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было бы въ концѣ года переплести въ одну книгу.

Въ „Семьѣ и Школѣ“ принимаютъ участіе: Е. А. Бакунина, И. А. Бѣловсовъ, Е. Волкова, Н. А. Гольцева, С. Г. Григорьевъ, С. Д. Дрожжинъ, П. Засодимскій, П. П. Инфантьевъ, В. В. Капелькинъ, О. Карышева, А. А. Кизеветтеръ, С. А. Князьковъ, Н. К. Кольцовъ, М. А. Круковский, Т. Н. Львовъ, Вл. Львовъ, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, И. И. Митропольскій, Н. Новичъ, Юр. Новоселовъ, К. Д. Носиловъ, Сергій Орловскій, О. П. Рунова, С. И. Рербергъ, А. Н. Рождественская, Р. Рубинова, В. Г. Рудневъ, П. Н. Сакулинъ, А. Серафимовичъ, В. Д. Соколовъ, П. П. Сушкинъ, Н. Д. Телешевъ, М. В. Тиличева, В. Н. Харузина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за 12 книжекъ „Семьи и Школы“ и за 6 книжекъ „Библиотеки Семьи и Школы“: съ доставкой и пересылкой 3 р. въ годъ. Безъ доставки въ Москвѣ 2 р. 50 к. За границу 5 р. Подписка на полгода 1 р. 50 к. (принимается исключительно въ редакціи). Подписка безъ доставки принимается въ Москвѣ: въ редакціи, въ конторѣ Н. Печковской и книжныхъ магазинахъ „Трудъ“ и Н. Карбасникова. Пробный номеръ журнала высылается изъ редакціи за три семикопеечныя марки. Гг. учителямъ, желающимъ ознакомиться съ журналомъ, пробный номеръ высылается бесплатно. Оставшіеся комплекты журнала за прежніе годы продаются въ редакціи и конторѣ Н. Печковской по 3 руб. кромѣ 1908 г., который за израсходованиемъ почти всѣхъ экземпляровъ продается по повышенной цѣнѣ за пять рублей. Иногородніе подписчики могутъ обращаться прямо въ редакцію журнала „Семья и Школа“: Москва, Гончарная ул., д. № 17.

Редакторъ-Издатель Вл. Львовъ.

IV-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1910 г.

IV-й годъ изданія.

на большую политическую, экономическую общественную и литературную газету

„ГОЛОСЪ МОСКВЫ“.

Подписная цѣна:

				Льготная подпис. для лицъ духовн. зван., военныхъ, учителей и студ.					Льготная подпис. для лицъ духовн. зван., военныхъ, учителей и студ.	
на 12 мѣс.	9 р.	— к.		6 р.	— к.	на 6 мѣс.	4 р.	75 к.	3 р.	— к.
„ 11 „	8 „	50 „		5 „	50 „	„ 5 „	4 „	— „	2 „	50 „
„ 10 „	7 „	75 „		5 „	— „	„ 4 „	3 „	25 „	2 „	— „
„ 9 „	7 „	— „		4 „	50 „	„ 3 „	2 „	50 „	1 „	50 „
„ 8 „	6 „	25 „		4 „	— „	„ 2 „	1 „	80 „	1 „	10 „
„ 7 „	5 „	50 „		3 „	50 „	„ 1 „	— „	90 „	— „	60 „

Выписывающіе за границу платять вдвое.

Отвѣтств. редакторъ П. И. Смирновъ.

Издатель: „Московское Товарищество для изданія книгъ и газетъ“.

XVI годъ

въ 1910 году

годъ XVI

„ЖУРНАЛЬ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ“

будеть выходить ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ января 1910 года.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою рубль въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ те-
первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, лица, оставленныя при университетахъ для приготовления къ профессорскому званію, а также студенты Императорскихъ университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣднія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платять, при подпискѣ въ Главной Конторѣ, по 5 рублей въ годъ.

Отдѣльныя книги продаются по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Книжные магазины пользуются за пріемъ подписки и объявленій уступкою 10⁰/₀, за продажу отдѣльныхъ книгъ—25⁰/₀.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для печатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 к. за строчку, 8 руб. за страницу и 4 руб. за полстраницы.

Редакція „Журнала Министерства Юстиціи“ находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ **В. В. Дерюжинскій.**

Открыта подписка на 1910 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Запросы Жизни“

вѣстникъ культуры и политики, издаваемый съ октября т. г. въ С.-Петербургѣ при ближайшемъ участіи М. М. Ковалевскаго и Р. М. Бланка.

и сотрудничествѣ: К. К. Арсеньева, Ф. Д. Батюшкова, А. Н. Бенуа, проф. М. В. Вернадскаго, проф. В. М. Бехтерева, П. Д. Боборыкина, проф. А. К. Бороздина, В. Я. Богучарскаго, А. И. Браудо, И. К. Брусиловскаго, А. М. Бѣлова, проф. А. Н. Веселовскаго, В. В. Водовозова, В. П. Воронцова, проф. Ю. С. Гамбарова, М. Б. Ганнушкина, А. Г. Горьфельда, проф. Н. А. Гредескула, А. Г. Гросмана, Л. Я. Гуревичъ, Эдуарда Давида, И. Л. Давидсона, проф. В. Э. Дена, Д. А. Дриля, И. В. Жилкина, П. И. Звѣздича, проф. И. И. Иванюкова, проф. Н. И. Карѣва, Д. М. Койгена, А. Н. Котельникова, Б. Кричевскаго, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, М. И. Кулишера, прив.-доц. І. М. Кулишера, Г. А. Ландау, Д. А. Левина, проф. П. Ф. Лесгафта, С. И. Лисенко, А. В. Луначарскаго, проф. И. В. Лучинскаго, проф. А. А. Мануилова, проф. И. И. Мечникова, Л. Е. Моцкина, Н. К. Муравьева, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, проф. И. К. Озерова, Л. Ф. Пантелѣва, проф. Л. І. Петражицкаго, проф. А. С. Посникова, М. Б. Ратнера, проф. Н. М. Рейхесберга, Е. К. де-Роберти, Н. С. Русанова, Я. Л. Сакера, Д. В. Сатурина, проф. В. В. Святловскаго, М. А. Славинскаго, Л. Э. Слонимскаго, Н. Д. Соколова, проф. Е. В. Тарле, проф. К. А. Тимирязева, В. Ф. Тотаміянца, М. Л. Тривуса, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, Г. А. Фальборка, прф. М. И. Фридмана, Н. В. Чехова, М. А. Чеховой, проф. М. П. Чубинскаго, проф. А. А. Чупрова, Л. И. Шейниса, И. И. Шрейдера, Л. Я. Штернберга и др.

Программа „ЗАПРОСОВЪ ЖИЗНИ“:

- I. Статьи по очереднымъ вопросамъ политической, экономической, социальной, литературной и научной жизни Россіи и Запада.
- II. Обзоръ послѣдней недѣли (внутренней и иностранной); дѣятельность парламентовъ, дѣйствія правительствъ, жизнь партій, социальное движеніе, мѣстное самоуправленіе, общественная самостоятельность и пр.
- III. Документы прогресса. Статьи и сообщ. о ходѣ культурн. и социальн. прогресса во всѣхъ странахъ.
- IV. Корреспонденціи изъ Россіи и изъ-за границы.
- V. Журналь журналовъ: обзоръ русскіхъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ.
- VI. Рабочее движеніе.
- VII. Кооперативное движеніе.
- VIII. Народное образованіе.
- IX. Обзоръ экономической жизни (внутренней и иностранной).
- X. Литературный обзоръ.
- XI. Научный обзоръ.
- XII. Завоеванія техники.
- XIII. Русская и иностранная библиографія.
- XIV. Театръ.
- XV. Искусство.
- XVI. Фельетонъ.

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкой: въ Россіи на 1 годъ—5 р., на $\frac{1}{2}$ г.—2 р. 75 к., на $\frac{1}{4}$ г.—1 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. Заграницу: на 1 г.—7 р., на $\frac{1}{2}$ г. 4 р., на $\frac{1}{4}$ г.—2 р., на 1 мѣс.—80 к.

Цѣна отдѣльнаго номера съ пересылкой 15 к.

Продолжается подписка на ноябрь и декабрь т. г. Цѣна за 2 мѣсяца—1 р., за 1 м.—50 коп.

Адресъ редакціи и главной конторы: Спб., Б. Московская ул., д. 7.
Телефонъ № 121-29.

Открыта подписка на 1910 годъ

(XV-й годъ изданія)

на иллюстрированный литературный и научно-популярный журналъ для семьи и школы

„ВСХОДЫ“.

Въ 1910 году „ВСХОДЫ“ будутъ издаваться при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, какъ и въ предыдущіе годы.

Журналъ выходитъ въ концѣ каждаго мѣсяца.

Въ 1910 г. подписчики на „ВСХОДЫ“ получаютъ:

12 №№ большого формата разнообразнаго содержанія. Въ составъ ихъ входятъ: повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные, стихотворенія, историческія повѣсти, сказки, легенды, біографіи знаменитыхъ людей, путешествія, очерки по естествознанію, географіи, этнографіи и пр. Постоянные отдѣлы: Изъ науки и жизни.—Критическій указатель дѣтской и народной литературы.

Въ виду растространенія журнала въ школахъ, каждая книжка „Всходовъ“ составляется такимъ образомъ, чтобы ее легко было дѣлить на части и произведенія, печатавшіяся въ нѣсколькихъ номерахъ, можно было соединять въ одну книжку.

12 №№ „Библиотеки Всходовъ“—книжки малаго формата, заключающія въ себѣ каждая цѣлое произведеніе, беллетристическое или научно-популярное.

12 отдѣльныхъ картинокъ на лучшей альбомной бумагѣ.

Подписная цѣна: съ доставкой и пересылкой: На годъ въ Россіи 5 р., на границѣ 2 р. 50 к., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 42 к. За границу 8 р. Цѣна за объявл.: 1 стр.—40 р., $\frac{1}{2}$ стр.—20 р., $\frac{1}{4}$ стр.—10 р.

Пробный номеръ высылается за 6 семиполучечныхъ марокъ.

Подписка **ПРИНИМАЕТСЯ** въ конторѣ журнала: С.-Петербургъ, 4-я Пискаревская, № 8; въ конт. Печковской: Москва, Петровскія линіи, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Ред.-изд. Э. Монтегезъ-Монтвидъ.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЯ

(4-й годъ изданія).

ОРГАНЪ НАРОДНАГО УЧИТЕЛЬСТВА.

Выходитъ 20 разъ въ годъ книжками отъ 2—4 листовъ.

Подписная цѣна на журналъ 2 р. 50 к. въ годъ, на полгода—1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльной книжки 15 коп.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ: Москва, Полянка, Успенскій переулокъ, домъ 8, кв. 2.

Редакторы-издатели: Н. В. Тулуповъ и П. М. Шестаковъ.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

на

„БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

1910-й годъ.

(Девятнадцатый годъ изданія.)

Въ 1910 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе „Богословскаго Вѣстника“ на прежнихъ основаніяхъ.

Подписная цѣна на „Богословскій Вѣстникъ“ совмѣстно съ приложеніемъ книги преп. Исаака Сиріна

Восемь рублей съ пересылкой.

Прим. Безъ пересылки **семь** рублей, за границу—**десять**.

Допускается подписка на журналъ безъ приложенія (цѣна 7 руб.). Допускается разсрочка на два срока (при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 4 руб.).

Подписавшіеся на журналъ безъ приложенія пользуются такой разсрочкой на два срока—при подпискѣ 4 руб. и къ 1 іюля 3 руб.

За перемѣну адреса 20 коп.

Прим. Подписчики „Богословскаго Вѣстника“ со всѣхъ изданій редакціи пользуются скидкой отъ 20—30%, въ зависимости отъ размѣровъ заказа.

Адресъ редакціи: Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ орд. проф. Заозерскій.

Открыта подписка на 1910 годъ

НА ЖУРНАЛЫ

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“,

издаваемый при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Условія подписки на 1910 годъ.

Въ Россіи: а) за оба журнала—**8** (восемь) руб. б) Отдѣльно за „Церковный Вѣстникъ“ **5** руб. (пять), за „Христіанское Чтеніе“ **5** руб.

За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала **10** (десять) руб., за каждый журналъ отдѣльно—**7** (семь) руб.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“ въ С.-Петербургѣ.

Подписывающіеся въ С.-Петербургѣ обрѣщаются въ контору редакціи (Невскій пр., д. № 166, кв. 27), гдѣ можно получать также отдѣльныя изданія редакціи и гдѣ принимаются объявленія для печатанія и разсылки при „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Допускается подписка на журналы съ разсрочкою платежа подписныхъ денегъ: при подпискѣ на оба журнала—3 р., къ 1 мая—3 р., къ 1 октября—2 р., при подпискѣ на одинъ журналъ—3 р. и къ 1 іюля—2 р.

Комиссіонерамъ по доставкѣ подписки на журналъ предоставляется 3%.

ОБЪ ИЗДАНИИ

ЗАПИСОКЪ

МОСКОВСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ

Императорскаго Русскаго Техническаго Общества.

(десять выпусковъ въ годъ.)

Программа журнала: Оригинальныя изслѣдованія и работы по вопросамъ техническимъ и социальнo-экономическимъ; обзоры и библиографія; переводныя статьи. Отчеты изъ жизни Общества; отдѣльныя приложенія изъ законченныхъ трудовъ отдѣловъ Общества или отдѣльныхъ членовъ.

Подписная цѣна „Записокъ“: за годъ съ пересылкой и доставкой 5 руб., за полгода 3 руб., безъ пересылки и доставки за годъ 4 руб. 50 коп., за полгода 2 руб. 50 коп.

Подписка принимается: 1) въ книжномъ магазинѣ Н. Лидерга, Москва, Петровскія линіи, и 2) въ редакціи „Записокъ“, Мясницкая, М. Харитоньевскій пер., д. № 4.

5-й годъ изданія.

Открыта подписка на 1910 годъ
на журналъ

МОСКОВСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.Редакторъ журнала **Кн. Е. Н. ТРУБЕЦКОЙ.**

Наиболѣе сотрудничали: Н. В. Давыдовъ, С. А. Котляревскій, Н. Н. Львовъ, М. П. Мажляковъ, А. Л. Погодинъ, П. Б. Струве и кн. Г. Н. Трубецкой,

Цѣны подписки: за годъ—5 руб., за 6 мѣс.—3 руб., за 3 мѣс.—1 руб. 50 коп. За границу вдвое.

Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ конторѣ редакціи.
Два конторы: Москва, Пречистенскій бул., д. Кальмееръ. Тел. 127—18.

Открыта подписка на 1910 годъ на журналъ

ПСИХОТЕРАПІЯ.**Обозрѣніе вопросовъ психическаго лѣченія и прикладной психологіи,**

издаваемый при участіи А. Н. Бернштейна, Ю. В. Каннабиха, Н. Е. Осипова, подъ редакціей Н. А. Вырубова.

Журналъ будетъ выходить каждыя два мѣсяца книжками не менѣе трехъ листовъ. Подписная цѣна на годъ съ доставкой и пересылкой четыре рубля, за границу—пять рублей. Цѣна отдѣльной книжки 75 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи „ПСИХОТЕРАПИИ“ Москва, Плющиха, М. Трубноѣ пер., 5. Телеф. 108—41, и во всѣхъ книжн. магазин.

Статьи въ заказн. бандероляхъ просятъ направлять по адресу редакціи. Авторы помѣщаемыхъ въ журналъ оригинальныхъ статей получаютъ безплатно 25 оттисковъ. О каждой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ заявлено въ ближайшей книжкѣ журнала.

Открыта подписка на 1910 годъ

(14-й годъ изданія)

на единственное въ Россіи литературное художественное иллюстрированное изданіе

Новый журналъ Литературы, Искусства и Науки

(бывш. В. И. Булгакова, редактора газ. „Новое Время“).

Новый журналъ печатаетъ все выдающееся, оригинальное и характерное, почерпая свое содержаніе изъ этого фонда міровой культуры, ея идей и стремленій, который долженъ быть предметомъ любознательности для всѣхъ мыслящихъ и интеллигентныхъ людей.

ПОДПИСЧИКИ НОВАГО ЖУРНАЛА ПОЛУЧАТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА:

12 книгъ ежемѣсячнаго литературнаго, художественнаго журнала, со множествомъ рисунковъ, большого формата in 8°, отпечатаннаго въ художественной типографіи на плотной глазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ.

12 книгъ новѣйшихъ произведеній слѣд. авторовъ: Поль Бурже, Жюль Кларети, Октавъ Мирбо, Анатоль Франсъ, Жоржъ Онэ, Аргуръ Шницлеръ, Шохомъ Ашъ, Г. Уэльсъ, Оскаръ Уэльдъ, Гемфри Уоръ, П. Бенсонъ, Перси Уайтъ.

Подписавшіеся и уплатившіе сполна годовую цѣну журнала до 30 декабря 1910 г. получаютъ бесплатно новое художественное изданіе.

Открыта подписка на 1909—1910 годъ

на ежемѣсячный, иллюстрированный, научный, литературн. журналъ

II годъ
съ окт. 1909 г.
по окт. 1910 г.

„МІРЪ“

II годъ
съ окт. 1909 г.
по окт. 1910 г.

Въ журн. „МІРЪ“ примим. участіе выдающ. литераторы, учеп. и публицисты.

Въ 1909—1910 гг. всѣ годовые подписчики журнала „МІРЪ“, внесшіе полную годовую плату, получаютъ:

12 №№ журнала большого формата, каждый объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ (40.000 буквъ).

Альбомъ изъ **24** картинъ знам. художн. въ краскахъ, на мѣловой бумагѣ, въ роскошн. папкѣ. Альбомъ картинъ будетъ высланъ годовымъ подписчикамъ журнала „МІРЪ“ тотчасъ по ихъ подпискѣ.

Живыя рѣчи Л. Н. ТОЛСТОГО.

Подписная цѣна на журналъ „МІРЪ“ со всѣми приложеніями съ доставкой и пересылкой:

Во всѣ мѣстности Россіи: на годъ 5 р., на полгода 3 р. За границу: на годъ 8 р., на полгода 5 р.

Для сельск. священниковъ, учителей, фельдшеровъ и земск. служащ. допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ 2 р., каждыя три мѣсяца по 1 р.

При коллективной подпискѣ слушающихъ въ различныхъ учрежденіяхъ, допускается скидка въ размѣрѣ 10% или на каждыя 10 экз. высылается 1 экз. бесплатно.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лиговская, № 47.

Подробн. проспектъ о журналѣ и катал. книгоиздательства высылается бесплатно.

Редакторъ Л. Л. Богумескій.

Издатель В. Л. Богумескій.

Объ изданіи журнала Вѣра и Разумъ

въ 1910 году.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **два раза** въ мѣсяць, по де-
вяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т.-е. годовичное изданіе
журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго
содержанія свыше 200 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за границу 12 р.
съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра
и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ конторахъ
„Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и
въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ Москвѣ: въ конторѣ
Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петер-
бургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ
городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ
книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ „Новаго Времени“.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЕТСЯ

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа
Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія.
Цѣна за семь книгъ **семь рублей** съ пересылкой. Весь чистый доходъ по-
ступаетъ согласно волѣ Его Преосвященства, Архіепископа Арсенія, въ поль-
зу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Хар-
ьковской Духовной Семинаріи.

Открывается подписка на 1910 годъ
на журналъ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

(45-й годъ изданія).

ый **М. М. Ковалевскимъ**, подъ редакціей **К. К. Ар-**
при ближайшемъ участіи: **И. В. Жилкина, М. М. Ковалевскаго,**
В. Д. Кузьмина-Караваева, А. С. Посникова, Л. З. Слоним-
скаго и К. А. Тимирязева.

и портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненныхъ англій-
ской гравюрой **REMBRANDT ITAGLIO**, въ 1910 году въ журналѣ будутъ по-
мещены художественныя приложенія по отдѣлу искусства: такъ, въ первыхъ
книжкахъ будутъ даны главные типы „Горе отъ ума“ въ постановкѣ Москов-
скаго Художественнаго театра (исполненные въ краскахъ фирмой **MEISENBACH,**
RIFFARTH & Co въ **БЕРЛИНѢ** по рисункамъ художника **В. И. РОССИНСКАГО**).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На ¼ года.
Безъ доставки въ СПБ. и Москвѣ	15 р. 50 к.	3 р. 90 к.
Съ доставкой въ СПБ. и Москвѣ	16 „ —	4 „ —
Съ пересылкой	17 „ —	4 „ 25 „
За границу	19 „ —	5 „ —

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала: СПБ., Загородный
пр., 14 (Тел. 74-51); и въ московск. конторѣ журн.: Б. Никитская, 5 (Телеф. 57-86).
Подписка принимается также во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ
столицъ и провинціи. Подробн. проспектъ высылается по требованію бесплатно.

Вопросы философіи, кн. 101.